

СТЕПНОЙ СОКОЛ

С. ТАЛЖАНОВ

Он хранит ключи от всех сердец,
Что за звон звучит,
Чем звенит ларец?..
То ли арф лады,
То ли лиры звук?
Видишь струн ряды,
Мой бесценный друг?
Подойди и тронь
Эту лиру лир,
И со всех сторон
Отзовется мир...

Сакен СЕЙФУЛЛИН
«Ларец тайн»

Разделение
Размышления
Искания
Восхождение
Накануне

С. ТАЛЖАНОВ

СТЕПНОЙ СОКОЛ

Повесть

Авторизованный перевод
с казахского Ивана Щеголихина

Издательство
«Жазушы»
Алма-Ата — 1966

Сайдил Талжанов начал свой творческий путь в 30-х годах. Он известен читателям Казахстана как писатель-прозаик, переводчик, литературовед. Новая повесть Талжанова «Степной сокол» рассказывает о жизни и деятельности молодого Сакена Сейфуллина, выросшего в степном ауле, где царили патриархально-родовые отношения.

Автор лично знал Сейфуллина с 1916 года, и это выгодно отличает повесть Талжанова от других произведений о жизни и деятельности писателя-революционера.

Разделение

Середина мая. Стоят теплые дни. Направляясь на джайляу, аул сделал стоянку на берегу Есена. Вьюки разобраны, верблюды и лошади отдыхают, люди ставят юрты полукругом — сначала вырастает юрта бая из белых кошм с орнаментом, от нее полукружьями в обе стороны ставятся темные юрты бедняков. Издали такой аул похож на белогородную чайку с черными крыльями.

В полдень, после водопоя, табун коней медленно пригнали к жели¹. Если смотреть со стороны на большой табун, середина его всегда кажется слегка углубленной.

¹ Ж е л и — низко натянутая на трех кольях веревка для привязи жеребят во время дойки кобылиц.

Табун сгонял ловкий черный джигит в тымаке¹ из шкуры ягненка. Лицо его, обмороженное зимой, теперь подсохло на солнце и пятнами облезало. Под ним был упитанный и по-весеннему резвый буйный вороной жеребец. Он грыз удила, чуткий ко всякому движению всадника, а всадник, держа поперек седла курук², следил за пугливой гнедой кобылой, которая держалась в стороне от табуна и никак не хотела присоединиться. Гнедая недавно ожеребилась первым жеребенком, часто пугалась и с опаской косилась в сторону черного джигита.

Пешие пастухи ловили куруком жеребят и рядом привязывали их к жели. Чувствуя близость маток, жеребята резво взмахивали хвостами. Игреновая кобыла со свалывшейся гривой успела лягнуть сивую кобылицу, чтобы та потеснилась от ее жеребенка.

Серый жеребец, по кличке Сожженная грива, с содранным крупом, кося глазами, грозно собирал свой косяк, чтобы вести к жели. Минуту назад у водопоя он бился с гнедым жеребцом, по кличке Буйный, который и содрал ему круп.

Сейчас Буйный, приподняв хвост, оставил на земле дымящиеся кругляки, скакнул, насторожил уши и огненным глазом зло уставился на Сожженную гриву, будто содранный круп шел не в счет. Хилый жеребенок темно-рыжей кобылы, задрав голову, с ржанием пятился назад и рвал недоуздок. Задние ноги его жалобно подгибались. Жеребята первой недели пугались жели и оголтело метались, ища маток.

Говорят, всегда следящий — побеждает. Пугливая темно-рыжая все еще маячила в стороне. Не подавая виду, черный джигит на одном из поворотов улучил момент и быстро выбросил курук в сторону темно-рыжей. Бросок ловкого табунщика был точен, петля попала на самую шею, кобыла задыхаясь замерла на месте. Пешие джигиты подвели ее к жеребенку и спутали ей передние ноги. Кобыла мелко дрожала...

Тем временем коренастый черный джигит, накинув петлю курука на свой локоть, коротко взял поводья и с

¹ Тымак — головной убор, шапка.

² Курук — шест с петлей на конце для поимки лошадей.

места в карьер пустил своего жеребца в сторону аула. Нагнав Буйного, он хлестнул его плетью, будто мстя за Сожженную гриву, и погнал в табун. Глядя со стороны на проворные действия широкоплечего черного джигита с впалыми от бессонницы глазами, нельзя было им не восхититься.

Звали его Сейфуллой.

Сейфулла рано осиротел, в полтора года потерял отца, а в пять — умерла мать. Дядя Макажан, то ли боясь людских толков, то ли по обычаям рода, — неизвестно, но все же взял на воспитание Сейфуллу, сына своего младшего брата Оспана.

Проворный, с огоньком, малый стал пастухом дяди Макажана. Мальчиком пас ягнят, а подросток — ему доверили охрану табунов. Хотя он и работал заодно с батраками, пастухами, погонщиками верблюдов, дровосеками и водовозами, но все же выделялся среди них своей ловкостью, удалью и силой. В спокойные дни он был просто табунщиком, но когда конокрады угоняли лошадей, он был отважным искателем и бойцом, и потому звали его не просто табунщиком, а прозорливым глазом. Сейфулла был следопытом, метким охотником и в любую пургу хорошим проводником. Со временем сирота Сейфулла стал не обузой, как предполагали некоторые, а добрым помощником Макажана.

Шли годы, и когда ему исполнилось шестнадцать, и когда «собственные руки достигли собственного рта», Макажан стал подыскивать Сейфулле невесту. Вскоре удалось засватать Жамал, дочь Тишанбая, зимовье которого было очень далеко, но летом на джайляу он селся рядом.

В том году была страшная гололедица, джут, и Тишанбай лишился многих дойных коров и кобылиц. Вот почему он не стал упираться и не запросил калым «молитвы сорок семь»¹, как мечтал раньше. Он согласился

¹ Самый большой калым за невесту среди богачей. «Молитвы семнадцать» — самый маленький, который платит бедняк за невесту из бедняцкой семьи.

получить то, что дадут по совести, и выдал дочь без лишних проволочек, тем более, что Жамал в ту пору исполнилось уже восемнадцать лет, дольше оставаться в невестах было нельзя, назовут перестаркой.

После выгодной сделки-женитьбы зашумела слава Макажана: «Молодец Макажан, хват Макажан, не дал потеряться имени покойного брата Оспана!..» Однако Макажан женил родича не в угоду молве — калым он дал небольшой, обычая не нарушил, а Сейфуллу вывел на самостоятельную дорогу, — одним словом, дело так обернулось, что Макажан одним выстрелом сразил двух зайцев.

Осенью на следующий год аул поставил юрты в урочище Ак-кудук — Белый колодец. Однажды в полдень, когда распустили дойных кобыл и большой табун согнали к широкому деревянному корыту возле колодца, когда Сейфулла, вытянув тяжелую бадью с водой из колодца, вытирал грязным рукавом пот, послышался звонкий крик новорожденного.

Нарекли его Садуакасом, и мать, сразу позабыв трехдневные родовые муки, стала готовиться к посвящению в материнство.

Вечером в юрте молодухи началась торжественная церемония... По обычаю, выслушав наставления отца и матери, сняли с головы Жамал девичий платок и надели кимешек — белое покрывало с вырезом для лица, пелериной падающее на плечи. В белом кимешек девятнадцатилетняя Жамал сразу повзрослела. Вчерашняя молодая невестка поднялась сегодня вровень с матерями аула и должна теперь быть почитаемой.

Макажан не остался безучастным к рождению первенца, но участие выразил по-своему. Если вчера жили богато, даже собакам, как говорится, на голову лилась пахта, если Сейфулла не считался обузой, то теперь их стало трое, прибавилось в семье едоков, и Макажан, выдав крохи со своего хозяйства, Сейфуллу отделил.

Одни в ауле встретили новость с сочувствием: «Вот родился Сакен и сразу развязал руки отцу и матери. Ведь говорят же: у кого родится сын, для того любой

день солнечный. Семья молодая, скоро пустят корни и обживутся».

Но нашлись такие, что удивились: «Не успел младенец появиться на свет, как сразу разделил Макажана и Сейфулла, не чаявших прежде души друг в друге. Это к хорошему не приведет».

В те времена богачи не считали коров и верблюдов за богатство, верблюжьего мяса не ели, а если гостю подавали говядину вместо молодого барашка, тот уезжал с обидой. Из многих табунов и тучных отар Макажан выделил Сейфулле только одну дойную кобылу и одну клячу, чтобы пустить пыль в глаза аулчанам, добавил еще пару коров и двух верблюдов. Вот и весь дележ — всегонавсего шесть голов скота.

Одинокую юрту Сейфуллы называли «Киши-уй» — малым домом. Старшие ласкательно называли «кишикем-уйы» — юртой малого отца.

Сейфулла о многом не мечтал, но все же таким отделением был огорчен. Хоть и считался он прежде дитем богатого, но лето и зиму скитался по степи с табунами. В лютые морозы, в жгучий буран не раз он обмораживал лицо, бродил всюду с отарами в поисках корма, в знойные летние дни обгорал, как смоль. А родные его сверстники жили припеваючи в теплых, летом в прохладных юртах с роскошным узором, убранных красными коврами, спали на бархатных одеялах. Не ударив за день палец о палец, ели вкусные казы, карты¹ и мясо барашка, запивая ядреным кумысом, и жирели, тяжелели, как мешки с мукой.

Чем он был хуже их? Разве отцы их не близкие родственники, не вместе копили богатство, делили добычу? Сейфулла понимал, что унижение его от сиротства. «Нет, теперь я должен сам стать на ноги!» — не раз твердил Сейфулла, сидя в своей маленькой юрте и злясь на судьбу.

Появился Садуакас, теперь их с Жамал трое — забот стало больше. И любовь к семье стала крепче — ребенок скрепил ее.

¹ К а з ы — вид колбасы, начиненной мясом на ребрышке; карты — колбаса из специально обработанной толстой жирной кишки.

Богачи, купающиеся в роскоши, как коты в масле, имеющие по две, иные по пять жен, как могут понимать они и ценить истинную любовь?

Совсем недавно Сейфулла был одиноким джигитом, надеялся на старших и глубоко верил в покровительство Макажана, полагая по народной поговорке: скот — бая, а жизнь — божья. Теперь его будто окатили ледяной водой, и мало что осталось от прежнего Сейфуллы — лихого джигита, укротителя диких коней. Он стал отцом, семьянином и с головой ушел в заботы по своему хозяйству.

Убегает лиса, словно пламя по редким кустам,
И коню эту хитрую бестию не догнать.
Я стою на земле и руками машу, словно крыльями, —
Как мне хочется соколом хоть на мгновение стать¹.

Сейфулла все чаще напевал эту песню, и, кажется, она ему помогала.

Жамал сразу повзрослела, но не только от кимешака — в люльке лежал Садуакас. Она целовала ребенка, бормоча при этом все ласковые слова, которые знала: «Мой ягненок, мой верблюжонок, мой жеребенок, мой родной, ненаглядный Сакен!..» Поцелуи щекотали младенца, и он, лежа на спине, заливался смехом...

Размышления

!

Весна будто улыбалась. Обновилась земля, зазеленела степь. Аул оставил зимовку и поселился на ближнем лугу. Ложавшие всю зиму свернутыми верхние кошмы юрты чистились и вытряхивались.

Трель жаворонка звенела над аулами. На почетном месте аула стояла белая восьмистворчатая юрта Мака-

¹ Здесь и далее стихи перевел Сергей Киселев.

жана, словно поставленное на попа огромное яйцо. Рядом — чуть поменьше, шестистворчатая, с орнаментом, белая юрта его сына Батибара. Верхние кошмы юрты переливались узором, ласкающим глаз. Между юртами была натянута веревка, и к ней привязан скакун Батибара по кличке Желтогрудый. Весь аул на ногах, уже выгнали отары из загона посредине аула, а сын Макажана все еще нежился в постели.

Вышел из юрты седобородый Макажан, набросив на плечи легкий черный халат, с кувшином в руках. Старик приготовился к утренней молитве.

На другом краю аула темнела ветхая юрта, все еще будто сохраняя прохладу зимы. Хмурая Жамал приоткрыла войлочную дверь, и утренний свет проник в юрту осветив Сейфулла, спящего на полу под пестрым одеялом из ситца. Он вернулся под утро — караулил табуны. «Всю ночь возится с чужой скотиной, даже спать никогда не ложимся вместе...» — подумала Жамал, неслышно подошла к ведру и налила воды в черный чайник.

Заплакал ребенок. Жамал склонилась над деревянной люлькой, накрытой лоскутным одеялом, стала качать и приговаривать: «Не плачь, мой верблюжонок, мой жеребенок, разбудишь отца, а ему надо отдохнуть». Сакен заверещал еще громче. Мать сдвинула с его изголовья одеяло, села кормить грудью, продолжая ласково бормотать: «Хочешь быть упрямым с малых лет? Не надо, мой жеребенок, не надо вредничать...» Черные глаза чмокающего младенца заиграли, и на лбу выступил пот.

Когда заплакал ребенок, Сейфулла проснулся. Осушившийся, суровый, он лежал и о чем-то мрачно думал.

— Послушай, отец Сакена, — негромко сказала Жамал. — А что если в этом году мы не выедем на джайляу? Чем ютиться в чьей-то прихожей, не лучше ли нам построить зимовку? Вдвоем можно где угодно прожить, но теперь ведь у нас Сзкен... Да, кстати, нынче многие решили оставаться здесь.

Сейфулла отвернулся к стене. В народе тогда говорили: «Кто слушает жену, тот тряпка», и еще: «Аул, в котором командует женщина, пропал навсегда». Недавно в разговоре Макажан ехидно напомнил Сейфулле старую

пословицу: «Хороший джигит после женитьбы становится еще лучше, а плохой — еще хуже». Вот почему Сейфулле не хотелось слушать жену.

Но разве Жамал заботится не о его же семье? Если она предлагает построить дом, так что же в этом предосудительного? И в то же время, что хорошего в том, что у них нет зимовья, живут без крова, ютятся у чужих людей? Сейфулла отвернулся из самолюбия, хотя в душе он согласился с женой.

Жамал не стала настаивать, накрыла люльку Сакена одеялом из лоскутов, покачала, усыпила сына и прилегла к мужу.

Легонько поглаживая спину Сейфуллы, она решила действовать в обход и ласково сказала:

— Вам, наверное, хочется ехать на джайляу? Пусть будет по-вашему, можете не думать о моих словах.— Жамал помолчала и осторожно продолжала:— Конечно, папаша Бий и мамаша Щеголиха будут недовольны. Но дядя Острослов и его сверкающая тетя быстро линияют — сегодня могут прикинуться конем, а завтра верблюдом... Не поймешь и ваших любимчиков Шумливого дядю и Визгливую тетю, чуть что, шумят из-за мелочей.

— Перестань болтать,— повысил голос Сейфулла, затем поднялся с постели, потягиваясь и зевая.

Слова о Шумливом и его жене Визгливой напомнили Сейфулле недавний случай.

В день откочевий аул поднялся с рассветом. Разобрали юрты. Джигиты, засучив рукава, навьючивали верблюдов. Девушки и молодухи, в брюках с затянутыми поясами, перетаскивали сундуки, ящики и прочий скарб.

В сутолоке сборов Сейфулла по просьбе Битабара гонялся за его норовистым скакуном Желтогрудым. Весь табун аула был уже собран в одном месте. Сейфулле наконец удалось набросить курук, но буйный Желтогрудый рванул и умчался с куруком на шее. Несколько всадников ринулись за ним, стали окружать, и Желтогрудый, не зная куда деваться, во весь дух помчался в сторону, туда, где на отшибе Шумливый и Визгливая навьючивали верблюда. Увидев летящего на них бешеного коня, они в испуге выпустили натянутую веревку и в один голос завопили:

— Куда тебя несет, язва сибирская! Людей хочешь передавить!

Поднялся невероятный шум. Испугался верблюд, уложенный для навьючивания, и стал подниматься. Делал он это по-своему: сначала подался вперед, встал на задние ноги, и навьюченные ящики с продуктами сразу сползли ему на шею, после чего рухнули наземь. Копченое мясо, хранимое для лета бережливой мамашей Щеголихой, рассыпалось по земле.

— Ах, проклятый верблюд, он хочет разорить нас! Что с тобой, Визгливая? Держи верблюда, Шумливый! — послышался властный крик хозяйки Акбопе.

Достаточно Акбопе, прозванной снохами мамашей Щеголихой, нахмурить брови, как весь аул прячется со страху, словно воробьи. Даже сам папаша бий — Макажан — не смеет перечить ей. Ее сын Битабар частенько похвалялся характером Акбопе: «Если на мамашу найдет гнев, то она весь аул сожмет в одной горсти».

— Что же мы этому проклятому верблюду не связали передние ноги! Да посади же ты его, посади, разорит он нас! — тараторил Шумливый.

— Вон кто виноват, вон, холера б его взяла, круглый сирота! — злобым взглядом проводила Визгливая гнавшегося за буйным конем Сейфуллу.

«Не поймавший журавля срывает злость на гусях». Так и Визгливая обрушилась на невинного Сейфуллу. Тот уже настигал Желтогрудого на своем мухортом, но, услышав сварливые голоса Визгливой и Шумливого, обернулся. А тут мухортый рванулся, прыгнул через вырытый очаг, и Сейфулла, даже не успев сообразить, в чем дело, очутился на земле... Мухортый, со сползшим на живот седлом, поскакал в сторону. В ауле поднялся неимоверный гвалт, точно на людей напал тарантул. При выездах на джайлау всегда что-нибудь непредвиденное непременно случится. Все бросили навьючивать верблюдов и собирать скарб, следя за происходящим. Одни смотрели с испугом, будто грабят аул Макажана, и сочувствовали, другие потешались, третьи злорадствовали.

Неожиданно появился всадник откуда-то со стороны на саврасом коне, в летнем тымаке. Перебросив через руку курук, он резво пустился вслед за мухортым. Всад-

ник был нездешним. Саврасый конь шел стремительным аллюром и налетел на мухортого, словно сокол на куропатку. Ловкий всадник метнул курук, мухортый стал, словно оглушенный. Подбежал запыхавшийся Сейфулла, с разбегу ухватился за повод своего коня. Впопыхах он и не глянул на всадника. И лишь когда снял с мухортого курук, увидел, что рядом стоит Батима, сестра Омирбека из соседнего аула. Она обычно носила мужскую одежду и сейчас улыбалась. Обращаясь к Сейфулле, как к ровеснику, девушка колко заметила:

— «Не зная броду — не суйся в воду», — не так ли, дорогой сверстник? Меня просто дрожь охватила, когда увидела вас валяющимся в золе очага!..

Не успел Сейфулла слова сказать, вдруг подлетел Макажан на гнедом иноходце и плетью из таволги огрел Сейфулла вдоль спины.

— Паршивая собака, даже девки подняли тебя на смех! — прокричал Макажан. — С малых лет приучал тебя к коню, а что толку?! Вот до чего я дожил! В один миг двух коней запарил, болван, на весь аул опозорил!..

Гневные, злые слова Макажана больно задели Сейфулла. Когда у человека что-то болит, то кажется, что все окружающее задевает рану и усиливает боль. Свое сиротство Сейфулла ощущал в такие минуты особенно остро.

Не раз приходилось Сейфулле сносить ругань Макажана на глазах табунщиков и пастухов, но сейчас слушать было особенно гадко. «К коню приучал!» Сказал бы уж лучше, что сделал пастухом с детства.

«В один миг двух коней запарил». Эти слова Макажана до сих пор звучали в ушах Сейфуллы. Ко всему, упреки Макажана слышала Батима, девушка из чужого аула, смелая, как джигит, дерзкая острячка и к тому же ровесница Сейфуллы, имевшая право, по обычаю, подшутить над ним при любых обстоятельствах и как ей вздумается.

Эта безрадостная история произошла в урочище Аккудук два года тому назад. Люди немало посудачили тогда об этом случае, но потом постепенно забыли — всякий раз хватало новых событий. Но Сейфулла помнил

долго. И вот сегодня хмурым утром, когда он услышал имена Шумливого и Визгливой, перед глазами Сейфуллы давнишняя история возникла так отчетливо, будто произошла только вчера.

И все же злые упреки Визгливой насчет сиротства меньше задевали Сейфуллу по сравнению с оскорбительным криком Макажана, да еще в присутствии Батимы. Вот почему сегодня Сейфулла особенно остро почувствовал, что если не построить свою зимовку и просить дальше пристанища у людей, то неприязнь к обездоленному будет преследовать его до могилы.

— Да, ты права, Жамал,— со вздохом согласился наконец Сейфулла.— Пока из своей лачуги не поднимется дым, джигитом меня считать не будут. Ладно, будем строить жилье! Пусть не испытает сын Сакен жалкой участи отца.

Лицо Жамал просияло, и она, ласково теребя рубашку мужа, тихо прошептала:

— Пусть будет по-вашему. Ведь вся забота у нас теперь только о Сакене.

2

Жамал на всю жизнь запомнила одну презабавную притчу, услышанную еще в детстве от своей бабушки. В седую старину старики давали такие имена своим детям: Озеанбай, что значит река, Камысбай — камыш, Койлыбай — овца, Каскырбай — волк, Кездикбай — ножик, Кайракбай — оселок. Частица «бай» означала «богатый». И вот как-то раз в те давние времена одна молодуха из аула пошла за водой к реке. Старших ее деверей звали вышеназванными именами, но произносить их, по обычаю тех времен, молодухе запрещалось. И вот, подойдя к реке, молодуха вдруг увидела, как на том берегу в зарослях камыша волки напали на отару. Молодуха прибежала в аул и, стараясь не упоминать имена деверей, стала звать их на помощь такими словами: «По ту сторону бурлящей... возле шелестящих... воюющие серые дерут блеющих... Спешите с наточенными режущими, выхватив их из ножен!»

Пока разгадывали в ауле замысловатый зов осторожной молодухи, волки уже успели передуть всю отару. Таким образом, молодухой остались довольны и девери — ведь она не назвала их по именам, и волки — ведь они вдоволь насытились бараниной. Жамал хохотала до упаду и просила бабушку еще раз рассказать, как это было.

Кстати сказать, позднее, с проникновением в нашу степь ислама и под влиянием корана, старинные бесхитростные прозвища уступили место пришедшим в гости новым именам. Так появились мужские — Мухаммед, Омар, Оспан, Сейфулла, Какен, Мирасбек, Битабар, Мустафа, Макажан и многие другие; и женские — Хадиша, Айша, Бану, Разия, Загипа и многие другие. Рассказывают, что запоминать эти имена стоило тогда большого труда.

Жамал, как и всем молодым женщинам, немало пришлось поломать голову над подыскиванием прозвищ: для старших — величально-почтительных, для младших — ласкательно-шутливых. Она подмечала повадки, жесты и манеры людей, прислушивалась к мнению и суждениям других, стараясь учитывать достаток и должность каждого, отношение к ним посторонних. Со временем своего свекра, Макажана, некогда бывшего судьей, она назвала папашей Биём, Акбопе — мамашей Щеголихой, старшего сына Битабара — дядей Острословом, а его жену — Сверкающей тетей, Мустафу, с успехом торговавшего на Ирбитской ярмарке, она назвала дед-купец, а его сына Какена, волостного управителя, дядей волостным, Мирасбека же прозвала Озорником.

Когда Макажан отделил Сейфуллу, молодые поставили свою итарку¹ рядом с юртой старика Уйткибека. Каждое утро, собирая с рассветом отару и коров на выпас, старик Уйткибек поднимал такой шум, что всегда будил соседей. Причем старуха Жадыра, отвечая тугухому мужу, немилосердно визжала.

— Наш сосед уж больно шумлив, а жена его беспрестанно визжит. Видать, они под стать друг другу, — как-то за обедом сказала Жамал мужу.

¹ И т а р к а — дословно, собачий хребет; двускатный шалаш, покрытый кошмой.

— Верно ты подметила, Жамал,— согласился Сейфулла,— Шумливому подстать Визгливая.

Так за ними и закрепились прозвища Шумливый и Визгливая, причем с оттенком некоторого пренебрежения к Уйткибеку и старухе Жадыре,— они были другого рода в здешнем малочисленном ауле рода Тока.

Встречались в старину еще и такие имена, по которым не определишь, мужские они или женские. Например, такие: Жамангот, Шомыт, Кансык, Тансык, Тырык, Жырык¹. Интересно, что подобными именами называют в малодетных семьях из-за мусульманского поверья: будто бы демон смерти выбирает себе в жертву прежде всего людей с благозвучными именами, а с противными — щадит. Вот и дают детям отвратительные имена. Однако Жамал и тут не растерялась, подыскала приемлемые терпимые прозвища и тем самым угодила всем. Но на первых порах она все же допустила некоторые промахи. Не учла, например, что Уйткибек с Жадырой, несмотря на свою шумливость, были людьми безобидными и с открытой душой. Им было чуждо всякое стремление клеветать, охаивать других, они простодушно выдавали все, что бог на душу положит.

Когда родился Сакен, именно Жадыра стала повитухой, обрезала пуповину младенца, за что Сейфулла и Жамал выплатили ей положенную по обычаю мзду. Жадыра не обиделась, что мало дали,— от бедняков многого не жди.

Однажды старая Жадыра взяла на руки Сакена и, взглядывась в его лицо, чистосердечно призналась: «Если мой сыночек Матай будет у Сакена посыльным, я не обижусь. Большим человеком будет Сакен!» Признание соседки тронуло Жамал, тем более, что Жадыра говорила так и всем другим, а Жамал случайно подслушала, стоя за кошмой своего шалаша.

Своим чистосердечием, искренностью старуха расположила Жамал к себе, и однажды молодая мать со сконфуженной улыбкой призналась:

¹ Ж а м а н г о т — буквально, плохой зад; Ш о м ы т — худая кошма; К а н с ы к — суховой; Т а н с ы к — реденький; Т ы р ы к — ветрогон; Ж ы р ы к — дырявый.

деть Кара-Шилик. А если по косогору взобраться на вершину Акбельдика, то совсем рядом, кажется рукой подать, стоит гора Ортау, а за ней виднеются горы Ала-Бас (Пестрая голова) и Аюлы-Тас (Медвежий камень).

Каждый год в разные сроки, иногда раньше, иногда позже, в зависимости от погоды, выезжают аулы на джайляу. В том году река Есен взбушевалась, вышла из берегов и, пока не вошла в свое русло, люди оставались на зимних стоянках и только к концу мая откочевали на летние пастбища.

После откочевки на берегу Есена остались лишь итарка Сейфуллы и юрта Уйткибека, похожие на две кучи брошенного навоза среди степного безмолвия. Вокруг ни коней, ни баранов — пустота.

Тетя Жадыра дремала, дремала, потом вдруг очнулась, схватила палку, стоявшую у двери, и быстро вышла. Уйткибек недоуменно глянул вслед — куда она? Потом догадался и захохотал.

— Ах, баба ты баба! Чего носишься, как угорелая, свихнулась, что ли? Поставь палку на место. Нет уже лошадей, которые прятали от мух свои головы в тени твоей юрты, несчастная.

«Несчастливая» было излюбленным словом Уйткибека. Он перенял его у муллы по прозвищу Деревянная нога, перенял слепо, не совсем понимая его значения, но употреблял частенько, кстати и некстати, вроде безобидной шутки.

Тетя Жадыра только теперь опомнилась и сказала оправдываясь:

— Да-а, аул-то ушел... Скучно стало без скотины, не знаешь теперь, к чему руки приложить!..

— Тридцать лет мы служили баю, и он вознаграждал нас тем, что бросил на произвол судьбы в голой степи!..— Уйткибек неожиданно обозлился.— Считаю нас хуже приبلудной собаки!..

Он еще не остыл после того, как утром, выйдя из юрты для омовения и предрассветной молитвы, увидел караван своих одноаульцев, навьюченных верблюдов и вереницу телег с домашним скарбом. Он долго, с тоской глядел вслед, пока караван не скрылся за краем сопки. Уйткибек еще раз пожалел о своей пропащей

жизни, бедняцкой доле — все ушли, а он остался на пустыре.

Но хорошо, что человека, даже совсем отчаявшегося, все-таки не покидает одно — надежда. «Пусть будет жив мой Матай,— утешал себя старик.— Пусть никогда не познает он нашей горькой участи... Впрочем, быть может, еще и мы...». Уйткибек поддался искушению постучать в дверь заветной мечты — разбогатеть.

Его бедный сосед Сейфулла откочевку аула принял не так болезненно — он был занят своей новой затеей — построить зимовку.

Поставить собственный дом, обзавестись хозяйством, пахать землю, как мужики-поселенцы, сбывать урожай рабочим на рудник Успенку и так постепенно стать зажиточным, как другие,— вот о чем помышлял Сейфулла. Поднакопить денег и заняться извозом, как это делает выходец из узбеков рябой торгош со Спасского завода, известный всей округе.

Сейфулла лежал в постели, а Жамал поднялась и, откинув кошму, служившую вместо двери, вышла из итарки. Было свежее яркое утро. Заслонив глаза ладошкой от солнца, Жамал оглядела окрестности. Вдали Матай в белом полушубке гнал дойных кобылиц с верховьев Жаман-Озена. Четыре коровы паслись у подножья Акбельдика, а чуть ближе куца сивка, гремя железными путами, вприпрыжку передвигалась по зеленой лужайке. Повернувшись лицом к западу, Жамал испуганно вскричала:

— Ой, отец Сакена!

Все обитатели лачуги Уйткибека тотчас высыпали наружу. Оставленные в одиночестве всегда чутки ко всякой тревоге. Оказалось, что Жамал увидела какое-то странное скопище людей и подумала, что это степные грабители двинулись гурьбой на их стоянку.

— Эх, доченька, кричишь, как пугливая коза,— пожурил ее Уйткибек.— Налетчики такой гурьбой в открытой степи не ездят! Приглядишься — это такие же, как мы, несчастные, покинутые богатыми родичами!

Уйткибек не мог скрыть довольную улыбку. Не могут люди жить в одиночестве. Они всегда стремятся объединиться — это хорошее людское свойство.

Беднота разных аулов, не сговариваясь, стекалась к берегам Жаман-Озена, чтобы вместе делить горе, малые радости и большие печали. Притихшая долина реки сразу ожила от конского топота, блеяния овец, людского говора. Съехавшиеся в одно место бедняки сразу нашли общий язык, откровенно поведали о себе друг другу, быстро сблизились, и к вечеру берег Жаман-Озена превратился в обжитое место. Юрты-лачуги ставили как хотели и где хотели, и не слышалось грозных окриков: «Пошел прочь!», «Ставь подальше!», «Куда лезешь, оборванец!»

По обычаю, местные жители должны угощать вновь прибывших, даже в том случае, если здешних двое, а прибывших сотня. Сейфулла пригласил Уйткибека и Жадыру к себе на совет.

— Отец,— начал Сейфулла.— Ваша сноха¹ Жамал в таком случае не покупится: все, что есть в ящике-кладовке, она готова отнести к тете Жадыре, чтобы вместе приготовить угощение новоселам. В моей итарке тесно, давайте соберемся в вашей юрте.

Жамал стояла тут же, полуотвернувшись, стесняясь присутствия старших. Тетя Жадыра слушала Сейфуллу с разинутым ртом.

— Милая сноха, не стесняйся, гласит же поговорка, что «в рамках приличия можно пошутить и со свекром»...— начал было Уйткибек, но Жадыра тотчас заткнула ему рот: *

— Вместо того, чтобы заигрывать со снохой, лучше скажи, что нам делать!

— Эх, несчастная, куда ты торопишься, к смерти, что ли?— осадил старуху Уйткибек и, степенно помедлив, закончил:— Мы с Сейфуллой пойдем привязывать жеребят. Матай успел уже пригнать дойных кобылиц. А вы со снохой Жамал готовьте угощение, вот и весь мой совет.

Тетя Жадыра любила Жамал и не раз, глядя на нее, говаривала:

— Дерево украшают листья, а человека — одежда.

¹ В те времена невестка считалась снохой не только для семьи мужа, но и для всего аула.

Эх, сноха Жамал, если б одеть тебя в красивое платье, ты станешь писаной красавицей!

— Ты лучше сказала бы, если круглый сирота, как наш Сейфулла, не был рожден под счастливой звездой, то не имел бы такой жены. Она, как говорится, «белый сокол в бедной хибарке — удел счастливого».

— Значит, и Сейфулла не лыком шит, коль женился на такой умной и красивой, как Жамал, — соглашалась Жадыра.

Жамал краснела. Она была среднего роста, не худенькая, но и не слишком полная, и после замужества одевалась всегда скромно — на голове свежевыстиранный, подсиненный и вышитый по краям жаулык — обычный головной убор замужней, простое платье из цветастого ситца с двумя оборками, красная бархатная безрукавка с блестящими пуговицами, на ногах выцветшие шагреньевые ичиги и галоши из яловой кожи. Высокий лоб, лучистые черные глаза, граненый небольшой нос на овальном лице и белоснежные зубы между пунцовыми, в меру припухшими губами, — все это придавало лицу Жамал милую привлекательность.

— Если бы не разорился твой отец Тишанбай после джута, не видать Сейфулле такой жены, как своих ушей, вряд ли Тишанбай выдал бы свою дочь за бедняка, — нередко подзадоривала старая Жадыра свою сноху.

Сама Жадыра была высокой, худой и сутулой, с тонкими губами и низким лбом. На веках у нее постоянно краснел ячмень, отчего дети пугались Жадыры. А когда она говорила, то ноздри у нее раздувались, как у перепуганной козы.

Выслушав наказ Уйткибека и, выждав, когда мужчины отошли к жели, Жамал сказала:

— Мамаша Щеголиха перед откочевкой тайком от своей Блестящей снохи передала мне кое-что. Да и сама Блестящая, несмотря на скупость, все же не забыла бедных родственников.

Жамал пошла в итарку и вынесла кусок конской колбасы толщиной в добрый рукав (от мамашы) и вершка четыре жирной карты (от снохи).

Жадыра умилилась щедрости Жамал, но пожурила: — Милая, всего этого слишком много. Неужто от

нас будут ждать байского угощения поздней весной, когда иссякли все зимние запасы?

Сама Жадыра выделила три куска мяса на ребрышке — заработок Матая. Он помогал деверю Остроллову разделять туши во время зимнего забоя скота и получил плату натурой.

Вечером устроили новоселье.

4

После сытного ужина в юрте Уйткибека пошел откровенный разговор. Хозяину было уже за пятьдесят, он был достаточно умудрен прожитым и потому запросто обратился к своему ровеснику косоглазому Ахмету:

— Дружище Ахмет, только сегодня я убедился в собственной глупости. Не хочу больше верить басне о том, что «бедность не порок». Наверное, на роду у нас не было написано жить вечно в нищете. Не пора ли нам призадуматься о своей жизни?..

— Правду говорите, старина, но мне думается, что заговорили вы так сегодня от злости на богатых сородичей. Они покинули вас на произвол судьбы. Но если завтра Макажан ласково похлопает вас по плечу, тогда вы иначе запоете, — согласился Ахмет, но с подковыркой, стараясь убедиться, насколько прочен Уйткибек в своих убеждениях.

Ахмет был известный в округе задира. Одно время его прозвали Ахметом-упрямцем, а позднее Косоглазым Ахметом. Когда он пил кумыс в доме бая, то одним глазом смотрел поверх чашки, а другим на доньшко ее. Кстати сказать, глаза у Ахмета были вполне нормальные, он не косил, но однажды, откровенничая с ровесником, он объяснил свою странную манеру пить кумыс: я смотрю поверх чашки, чтобы украдкой уловить настроение бая, а левым — на кумыс в чашке, чтобы узнать, сколько пролито слез несчастных батраков.

Задетый Уйткибек не стал, однако, горячиться и ответил спокойно:

— У тебя в уме полынь, а на языке медок, мой наглец. Да, согласен, было время, когда в угоду Макажану,

может быть, я насолил многим. Но любому отступнику прощают, коль он снова вернется к своим с повинной.

Ахмет прервал его:

— Вы сами вернулись или чужая воля заставила?

Сидевшие за дастарханом переглядывались; одни сдержанно улыбались, а другие роптали — к чему такой разговор? Сейфулла, сидевший слева от Уйткибека, пошевелил коленями. Поняв, что он хочет заговорить, Уйткибек умышленно затянул свой ответ.

— Я предпочитаю быть немым, чем говорить ложь, — сказал Сейфулла. — Но если сказать правду, то я считаю, что хлеб, добытый своим трудом, куда ценнее, нежели богатство, нажитое чужим потом.

В словах его слышалось глубокое убеждение.

— Возможно, Ахмет, во мне немало накопилось злости на Макажана, но посуди сам — какие мои благие намерения сбылись в прошлом? — спросил Уйткибек в упор. — Если доводилось мне совершить геройский поступок — считали меня сорвиголовой, забиякой; если удавалось при случае проявить щедрость — расточителем; если вел себя послушно — считали трусом; пытался хорошо говорить — принимали за пустомелю, за докучливого болтуна! Во всем я был никчемным только из-за бедности. Короче говоря, если хочешь узнать цену бедности, имей дело с богатыми, — заключил Уйткибек.

Все дружно рассмеялись.

— Верно сказано, — поддержал на сей раз Ахмет. — Если Уйткибек порвал с хозяином, а Сейфулла с богатыми родичами, то мы будем вашими верными друзьями! Бедняку нечего ждать хлеба с неба. Я нарочно задел вас за больное место, чтобы убедиться в вашем настроении. Кажется, теперь мы поняли друг друга! Будем работать вместе. Говорят же — в единении сила.

Беседа в юрте длилась за полночь. Первым делом решили совместно строить зимовки на берегу Жаман-Озена, после чего разошлись по своим шалашам.

5

В назначенный день жители бедняцкого аула поднялись вместе с солнцем. Яркие его лучи на ясном небе

вселяли бодрость, солнце как будто тоже решило принять участие в общем деле. Спокойно журчала река, тихо шелестел прибрежный камыш.

Сейфулла выбрал место, закатал рукава и с размаху всадил кетмень в землю. Помахав кетменем, Сейфулла выпрямился, огляделся, и белые зубы его сверкнули в улыбке — к нему вереницей шли соседи с кетменями через плечо. Позади взрослых бежала врассыпную детвора, не помня себя от радости. Глядя на их довольные мордашки, Сейфулла с надеждой подумал: «Когда-то и мой Сакен будет бегать, а со временем станет и помощником...»

Подошла к мужу Жамал, неся на руках маленького Сакена, завернутого в пеленки. Расстелив на траве чапан Сейфуллы, молодая мать положила на него сына и с нежностью произнесла: «Ты еще не знаешь, Сакен, мы ведь для тебя дом строим!» Поцеловав его, она увидела, что младенец шевелит губами цвета распустившегося тюльпана и хочет что-то сказать. Но кто поймет, что?..

Через полчаса на берегу Жаман-Озена без шума и суеты дружно работала трудовая артель. Молодые джигиты рыли круглые котлованы, крошили в них глину и заливали водой. Матай в белом полушубке верхом на сивке Сейфуллы месил глину в большом котловане, в других ямах то же самое делали босые джигиты, засучив штаны выше коленей. Ребятишки подносили солому, а женщины подсыпали ее в месиво. Мужчины постарше взялись за деревянные формовки для самана. Не было в этот час человека, который не засучил бы рукава до локтей и брюки выше коленей. Последними подключились старики. Со словами: «Бог помощь», с подобающим благословением каждый нашел себе место по умению. Не остался в стороне и Уйткибек, принялся за отливку самана. Закаленный в труде с малых лет, матерый старик работал умело и быстро — носильщики не успевали подносить ему глину.

— Голубчик мой, Сейфулла, если сам ты не возьмешься подносить месиво, то эта зеленая молодежь оставит меня без дела. А ну, покажи, батыр, на что ты способен. А мы, старики, все как один, покажем свою сноровку, — проговорил Уйткибек, глядя на Сейфуллу,

но адресуя свои слова ровеснику Ахмету, стоявшему в стороне.

— Работай, Уйткибек, работай, пока не одуреешь и не забудешь, кем тебе приходится Жадыра! Раз уж сегодня для нас день испытания — жми на все лопатки, старина, — не остался в долгу Ахмет.

— Эй, ровесник, не задевай моего хозяина, а берись лучше за кетмень, а то как бы тебе не пришлось с позором уступить место бабам, — ввязалась Жадыра.

Поддев Ахмета, она склонилась над формовкой, ловко и умело набила ее глиной и, схватив обеими руками за ручки, сдернула формовку кверху. На земле остался глянецвитый и граненый темно-бурый кирпич.

— Эй, Жадыра, вместо того, чтобы восхвалять своего старого мерина, завела бы лучше шуры-муры с молодым, вроде меня. Только сначала умойся, а то не успела сделать десяток саманов, как уже заляпала свою образину! — захохотал Ахмет.

— К старости хилая кляча превращается в иноходца. Жадыра теперь похорошела, как никогда, если ты, Ахмет, посмотришь на нее моими глазами, — подлил масла в огонь Уйткибек.

— Эй, молодухи, шевелись бодрее, сегодня наши старики в ударе, позор нам отстать! — подгоняла своих подопечных Жадыра. — Только не слушайте моего ровесника Косоглазого! Если мы измазались глиной во время работы, то у Косоглазого в любое время на лице столько грязи, что пять собак за сутки не слижут!

Тут же вертелись загорелые дети. Увлеченные азартом старших, они ликовали, как на большом празднике, и с гомоном прыгали в ямы, пытаясь месить глину тонкими ногами. То и дело слышался звонкий ребячий смех.

В обед пили кумыс — утоляли жажду, после чего малость передохнули, и ровно в полдень Жамал подала обед — вареную телятину. Кумыс и айран были выпиты до последней капли. Снова принялись за работу и лишь после захода солнца, в сумерках, разошлись по лачугам.

Сейфулла, сидя вечером в своей итарке, говорил Жамал:

— Сегодня мы с тобой не ударили в грязь лицом —

и кумыса хватило, и мяса с лихвой. И телка наша вовремя успела нагулять жира. За день сделали без малого девять тысяч штук самана. Хоть и трудно накормить всех, но зато дружной работой можно гору свернуть.

Жамал подбросила на руках Сакена, подняла его выше головы, поцеловала и, завернув в одеяло, передала Сейфулле.

— Ненаглядный мой!— Жамал не находила ласкательных слов для своего ребенка.— Все мои заботы — только для тебя!..

— Хватит трепать языком, лучше налей мне чаю погуще. Сакен не твой, а мой,— благодушно возразил Сейфулла.

— Вряд ли Сакен ваше¹ единственное дитя,— вдруг сказала Жамал, бледнея.— Гласит ведь поговорка: «У мужчины дети под пояском, а жены найдутся в пути». Пожалуй, так же вы будете целовать ребенка, рожденного, допустим, Батимой. Ведь вы вместе ездили в ночное, сторожили табун. А однажды, помните, она поймала вашего коня, когда вы упали в яму очага.

Жамал, казалось, говорила спокойно, но в голосе дрожала первая робкая ревность. Она не осмеливалась глянуть в глаза мужа, когда он был в гневе, но сегодня после работы он был настроен благодушно, и Жамал своей ревностью как бы застала его врасплох.

Хорошее настроение трудно перешибить мелким подозрением, но Сейфулле тем не менее стало не по себе.

— О чем ты болтаешь, какая еще Батима?!— спросил он в упор.

В самом деле, почему вдруг всплыла Батима?

6

Прошел и стал постепенно забываться тот день, когда Сейфулла построил свою зимовку в Кара-Шилике. Раньше он славился как опытный табунщик, лихой наездник, заядлый охотник, был искусным домбристом и певцом, одним словом, считался удалцом. Но с тех пор как

¹ Прежде у казахов жена обращалась к мужу всегда на «вы».

женился, присмирел, будто жеребенок в недоуздке, стал на прикол.

Потянулись дни, месяцы, годы оседлой жизни... Не раз Жамал говаривала мужу, что при еде с расчетом можно сберечь лишнего жеребенка. Не хотелось слушать жены, но советы Жамал быть бережливым не прошли мимо ушей Сейфуллы.

Осенью на двух верблюдах Сейфулла возил руду от Успенских рудников до Спасского завода, зимой нанимался подвозить купцам в Акмолинск всякий ходовой товар, а весной сеял хлеб. Новый образ жизни вскоре стал давать плоды — хозяйство бедняка приумножилось. Постепенно завел он дружбу в Акмолинске с Шаймерденом, в Успенке — с Садемом. Покончив с уборкой хлеба и заготовив сена на зиму, глубокой осенью Сейфулла переходил на охотничий промысел — бил волков, лисиц, зайцев, выделявал шкуры.

Вот и сегодня, когда перевалило за полдень, Сейфулла решил пойти на зайца к подножью Абы. Он посадил семилетнего Сакена на темно-гнедую двухлетку по кличке Кербалак, оседланную детским седлом — ашамой. Мальчонка уже привык к седлу, и когда смирный Кербалак, испугавшись собаки, шарахнулся в сторону, Сакен удержался в седле и только засиял от удовольствия.

Жамал с порога зимовки наблюдала за сыном и, не сдержавшись, вскрикнула: «Миленький мой, держи потуже поводья!..— И обернулась к мужу.— А ты не увлекайся гоном и не упускай из виду Сакена!»

Сейфулла молча кивнул, привязал длинный волосяной поводок к ошейнику серой борзой и тронул коня. За ним привычно поплелся дворовый желтый пес Кутжол — «счастливая дорога». По стати своей пес сильно смахивал на льва — высокий перед, низкий зад, изогнутый саблей хвост, толстая шея и широкая грудь, покрытые длинной шерстью, а спина, бока, зад — короткой. Он не обнюхивал землю в поисках мышей, как это делали заурядные дворняги, и, выходя на охоту, не лаял попусту, не выл, не визжал, словом, это был выдержанный солидный пес, знающий себе цену. Кутжол не ведал страха и бежал мерной собачьей иноходью, высунув язык.

Неожиданно из-под куста выскочил заяц и рванул во весь мах в гору. Косому всегда легче бежать от подножья к вершине, потому что задние ноги у него длиннее передних. Если же его повернуть обратно, то любая собака схватит косога.

«Серый заяц не захочет бежать сверху вниз, а ввереной бараниной не обнесут аксакала, занявшего почетное место...» — так издавна поют в народе.

Словно пущенная стрела, помчалась за косым борзая. Бывалая гонщица, борзая пошла вверх по склону, но не прямо, а наперерез, чтобы повернуть зайца вспять. Прижав уши, вытянувшись в струну, заяц мчался вперед, еле уловимый взглядом. Подобно ястребу, падающему вниз на свою жертву, борзая настигла зайца, но тот, кувыркнувшись в воздухе, ловко сиганул в сторону. Вертикальная борзая, однако, не растерялась, круто повернула и погнала жертву вниз по склону. В таком положении превосходство было на стороне собаки. Через мгновение она ударила зайца лапой и сшибла его.

Кутжол сначала погнался было за компанией с борзой, но скоро потерял из виду и борзую и зайца, растерянно огляделся и преспокойно уселся с таким видом, будто и не хотел гнаться. На Сейфулла он глядел, примерно, с таким выражением: «Стоит ли вам утруждать себя тощей осенней зайчатиной — ни приличного мяса, ни вкусного бульона...» Однако азартному охотнику Сейфулле было не до ленивого пса. Безжалостно стегая плеткой свою сивую клячу, он мчался к зайцу и шумел на всю округу.

Охота и на этот раз была удачной. Сейфулла возвращался довольный, лихо заломив шапку из лисьих лап. Несколько притороченных зайцев висели ушами вниз. Он настолько увлекся охотой, что совсем позабыл о сыне и только теперь обеспокоенно огляделся — где же Сакен? Умный Кербалак с маленьким всадником осторожным шагом спускался со склона Абы в сопровождении верного Кутжола.

Через минуту Сейфулла увидел, как в ста шагах от них появился всадник на саврасом коне и реэво пошел напрямик к Сакену. «На саврасом лысом, наверное, Батима. Только у нее такой конь», — подумал Сейфулла.

— Здравствуй, волчонок!— подъехав вплотную, воскликнула Батима.— Дай я тебя поцелую. А двухлетка под тобой, видать, не пуглива, не то бы ты свалился, если уродился в отца!

Старый саврасый имел привычку останавливаться сразу и стоять как вкопанный. Батима ездила на нем лет восемь-девять.

Встречая путника, она не ограничивалась приветствием, а непременно заводила разговор часа на два, и саврасый волей-неволей вынужден был привыкать к характеру хозяйки.

Батима перегнулась с седла, намереваясь поцеловать мальчика, но тот надул губки и диковато покосился на всадницу.

— Гляньте на этого сорванца! Видать, в мать пошел!

— Уже с мальчишкой заигрываешь!— усмехнулся подъехавший Сейфулла.— Или возраст делает свое дело?

— Не успел еще поздороваться как следует, а уже обозвал старой девой,— отозвалась Батима не обидевшись.— Хотя ты и ровесник мне, Сейфулла, но все же теперь я считаю тебя старшим братом. Скажи откровенно: упрекаешь, наверное, меня за то, что до сих пор я не вышла замуж за своего нареченного?— поставила Батима вопрос ребром.

Нареченным женихом Батимы был Боздак, сын Акбуры, великовозрастный недоросль.

Об этом вспомнил сейчас Сейфулла и, сочувствуя Батиме, ничего не ответил на ее вопрос. Однако видя, что Батима не отстает от них, едет бок о бок, Сейфулла пригласил:

— Едем, Батима, к нам, отведаешь наш хлеб-соль и, кстати, посмотришь на избу своего ровесника.— И добавил в шутку:— А может, и подарок преподнесешь на новоселье.

Три всадника повернули в сторону аула. Ехали молча. Время от времени Батима украдкой поглядывала на Сейфулла, видимо, вспоминая о вольных годах недавней молодости...

Они были из разных родов. Батима из рода Алтай, Сейфулла — из Тока. С детства Батима слышала

рассказов о судьбах женщин в старину, и сострадание к ним, к своей женской доле не один день мучило Батиму. Но переживала она тайно и мечтала только лишь об одном — выйти замуж за любимого и не подчиняться чужой воле, старой слепой традиции.

Со временем независимая Батима стала девушкой-джигитом, носила мужскую одежду, пасла табун; при надобности не брезговала обязанностями чабана; во время кочевков, засучив рукава, как мужчина, навьючивала верблюдов. Если в пути заметит сбившийся тяжелый выюк на верблюде, подъедет верхом на лошади и подправит на ходу, а это под силу только крепкому мужчине. Возле жели ловила куруком диких кобылиц, догоняла необъезженных коней, была непревзойденной наездницей. Мало того, она толково говорила на многочисленных собраниях. В ауле знали и уважали ее за смелость, отвагу, за мудрое слово и частенько, когда решалось спорное дело, говорили: «Надо рассказать Батиме, пусть она решит».

Почему обычная аульная девушка вдруг так выделилась? На это были, пожалуй, две причины.

Ее брат, кроткий по натуре Омирбек, не слишком богатый, но и не бедняк, никогда не стеснял Батиму, не урезонивал ее по любому поводу, что обычно по отношению к женщине в аулах, и не перечил — делай, что душа пожелает... Когда Батима подросла, стала сама принимать гостей. Смирный Омирбек при этом говаривал гостям: «Ступайте к Батиме!.. У меня голова болит от разговоров». То ли она явилась счастливой звездой для семьи, то ли вечной бедой — этот вопрос Омирбека не занимал. Со временем он стал подчиняться ей во всем и беспрекословно — истинная братская любовь не знает расчета. Вполне возможно, что Омирбек выполнял волю покойного отца, который завещал перед смертью: «Мои потомки пусть заботятся прежде всего о дочерях. Ведь женщина по своей судьбе похожа на путника, застрявшего в пути из-за плохой лошади. Поэтому пусть дочь, пока она дома, получит все блага жизни. Я хочу, чтобы моя доброта жила у них в памяти...»

Полная свобода в семье — это одна причина. А вторая заключалась в том, что Батима была наделена от

природы не только любопытством, но и сообразительностью, умом.

Почти с детских лет она прислушивалась к аульным спорам и тяжбам и хорошо познала настроения широких собраний. То, что других девушек оставляло равнодушными, на Батиму производило впечатление. Очень скоро она научилась распознавать колкие намеки и скрытые, нередко коварные намерения спорящих, их хитрые подходы издали. Присутствуя на собраниях, Батима не рвалась, как резвый конь, выступать сразу, не лезла в разговор, слушала, ждала, пока противники исчерпают все свои доводы, и, выждав, наконец, момент, ловила противника и загоняла его в тупик, как зайца, орудя его же словами и доводами.

Но если в спорах выступала она с мужской отвагой, то, принимая гостей у себя дома, она совершенно менялась, становилась, как и подобало случаю, скромной аульной девушкой, сидела стыдливо и робко, вполоборота к гостям, и боялась глянуть на них в упор. У домашнего очага она не хотела нарушать обычаев аула, соблюдала вежливость, но если кто-либо из гостей отваживался на дерзость, она всегда умела отбрызнуть наглеца.

Полновластная хозяйка в ауле, Батима, по обычаю, распоряжалась также и хозяйством жениха, хоть и не любила его.

— Ожидается лютая зима. Нынче всех лошадей надо перегнать в долину реки Чу. Передайте, пусть Боздак готовится заблаговременно, пока не настигла гололедица. Пусть также снарядит караван за хлебом в Акмолинск!— И вдобавок еще посылала сказать, сколько жених должен продать скота и сколько заколоть для мяса на зиму. Причем она никогда не приказывала, а советовала, и с оговорками: «Боздак взбалмошный по характеру, не дразните его чрезмерно, чтобы не расфыркался, и скажите, что «от умных советов нельзя ждать глупых результатов»...

Богатство природы Батимы, однако, не все понимали, не все ценили. Как-то раз из-за нее попал впросак Еркексары, известный бай, торговец кожами и шкурками. В прошлом бедняк, впоследствии он позабыл свою жалкую

юность и возомнил себя наследником великих предков, прославленных в семи коленах рода.

В короткой лисьей шубе, крытой голубым сукном, в синем бархатном халате и бобровой шапке набекрень, на саврасом иноходце приехал Еркек-сары в аул Батимы. Она заколола барашка в честь важного гостя, угостила как полагается. Когда поздней ночью собравшиеся в юрте Батимы соседи хотели уже расходиться по домам, Еркек-сары решил вдруг пошутить:

— Милая Батима, стели свою постель пошире...

Он не смог договорить, потому что в это мгновение Батима, поняв глупый намек, громко окликнула своего двоюродного брата, уже успевшего выйти из юрты:

— Эй, Наби, ты не забыл, что наш почтенный Еркек-ага едет на Кояндинскую ярмарку? Не медля собери ему все шкурки, овчину, всякую мелочь, и пусть он едет на здоровье!..

Юрта содрогнулась от хохота аулчан. Еркек-сары чуть не лопнул со стыда и не смог ничего сказать, будто подавился костью. На висках его вздулись синие жилы. Выйдя на улицу, он сел на коня и в ту же ночь уехал восвояси.

Об этом достойном ответе Батимы стали говорить по всей степи, Еркек-сары не было проходу. Ровесники не упускали случая подколоть его: «Если не умеешь ответить шуткой на шутку, то зачем приставать к Батиме? Расскажи нам, баловень судьбы, какой надеждой переполнилась твоя душа, когда ты произнес слова: «Милая Батима, расстели постель...» Издевкам не было конца. Ответ Батимы переиначивали, как хотели, лишь бы докопать несчастного.

Ровесники шутят крепко, грубовато, но их шутки не принято принимать всерьез, не принято обижаться. Не поиздеваться они хотят, а прежде всего вволю посмеяться над попавшим впросак, иногда из-за пустяка, как говорят в таких случаях: «поищем у почек ножки».

Но между Сейфуллой и Батимой никогда не было вольных двусмысленных шуток. Нет, в их разговорах чувствовалась какая-то общая неуловимая печаль, от их слов и недомолвок веяло взаимной теплотой, и говорили

они чаще не так, как девушка с джигитом-ухажером, а как брат с сестрой.

Они давно не виделись, и вот сегодня встретились, наконец, и обоим захотелось высказать давно наболевшее. Но что-то неосознанное им мешало, и потому они всю дорогу вспоминали прошлое. Когда проезжали Кара-Шилик и Батима увидела добротню построенную зимовку Сейфуллы, она обрадовалась:

— Как хорошо, что ты самостоятельный джигит, Сейфулла, имеешь теперь собственную дверь, отдельно от родичей. Мне думается, что придет время — и твой Сакен построит дворец счастья. Не зря говорят в народе: «Сын льет пулю по отцовскому образцу».

Батима обернулась к Сакену, ехавшему справа:

— Меня считают девушкой-баловницей, но это только видимость. А вот баловень счастья на самом деле — это ты, Сакен. Главное в жизни — это свобода. Твой отец отделил свою дверь от родичей, чтобы воспитать тебя свободным и независимым. Милый баловник, все для тебя, не забудь отблагодарить потом!

Мальчишка Сакен не совсем понял значение ее серьезных слов, но Сейфулла слушал Батиму со вниманием и был тронут дружеской искренностью ее пожелания.

Они не заметили, как приехали в аул в нескольких верстах от Кара-Шилика. Опустилась вечерняя мгла. Навстречу всадникам с лаем выскочили псы. Возле своей юрты Сейфулла быстро соскочил с коня, взял за поводья саврасого и помог сойти Батиме, хотя она в этом совсем не нуждалась. Пока Сейфулла привязывал лошадей, Батима, не утерпев, подхватила на руки Сакена и поцеловала в щеку. Мальчишка перестал дичиться и, улыбаясь, смотрел на Батиму большими карими глазами. Услышав топот коней и людской говор, Жамал, не выглядывая, догадалась, что пожаловал кто-то в гости, и расстелила стеганое одеяло на почетном месте юрты. Обняла Сакена, вбежавшего первым, стала целовать его и не сразу заметила вошедшую следом Батиму. Лишь когда стали рассаживаться, Жамал сказала:

— О, здесь, оказывается, ваша ровесница! Как твоё здоровье, Батима? — Мгновенно возникшую ревность она старалась скрыть, как могла, но по голосу жены Сей-

фулла понял ее встревоженность. Сама же Батима ничего не подозревала.

— Где вы встретились? — с притворной беспечностью продолжала Жамал.

— У подножия горы Абы, — тотчас ответила Батима. — Долго я тебя не видала, Жамал, вот и решила заехать, узнать, как твое здоровье. Уже несколько лет живете вы на одном месте, перестали кочевать, нигде в степи вас не встретишь. Дом хороший построили, по-здравляю от души...

Жамал промолчала. Батима заметила, что кроме Са-кена в доме прибавилось еще два малыша.

— Этих двух я вижу впервые, желаю им долгой жизни. А в день рождения Садуакаса я была здесь, помнишь, охраняла роженицу от недобрых глаз. Совсем, кажется, недавно родился, а уже скачет на стригунке. Незаметно течет жизнь, — Батима говорила с нескрываемой грустью.

Сейфулла молча поднялся и вышел.

— Жамал, эй, Жамал, выйди на минутку! — донесся его голос снаружи.

Жамал направилась к выходу, но Батима остановила:

— Ради бога, не беспокойтесь насчет угощения. На ужин с лихвой хватит зайчатины, привезенной с охоты. У меня сейчас одно желание — чтобы не собирать к вам весь аул. Люди ведь всегда чувствуют, где режут барана, и явятся непременно...

Слова Батимы дошли до слуха Сейфуллы, но когда Жамал вышла, он сказал:

— Стыдно нам не заколоть барашка для ровесницы, которая столько лет у нас не была. Я съезжу на куце за белым барашком к Дукену.

Сейфулла уже сел было на лошадь, но тут вышла из юрты Батима:

— Еще раз прошу, Жамал, я огорчусь, если будете искать барашка. Если уважаете гостью, то уважьте и ее просьбу: я хочу свежей зайчатины. К тому же сегодня вторник¹: плохой день, — помните, он не предвещал ро-

¹ В старину у казахов вторник считался самым плохим днем недели.

женце ничего доброго? Кроме того, вы же знаете мой детский нрав — хочу зайчатины!

Сейфулла подъехал к Жамал, пошептался, после чего согласился:

— Ну ладно, так и быть, раз уж Батиме угодно побаловаться, как ребенку, то мы угодим ей. Жамал, подними котел на очаг, я мигом разделаю зайцев.

Сейфулла нехотя слез с коня, подвел саврасого к юрте, привязал к длинной веревке, опоясывающей юрту. Сняв седло с куцега, он погладил вспотевший круп коня и заботливо пробормотал: «Иди, отдохни до сумерек».

— Батима, твой саврасый заморился, наверное, издалека едешь?— спросил Сейфулла, принимаясь за разделку зайцев у костра.

— Вот как Жамал управится с очагом, подложит побольше кизяка и сядет с нами — тогда и расскажу,— отозвалась Батима.— Кстати, как зовут ваших малышей?— обратилась она к Жамал.

— Первый — Садуакас, в день рождения его ты была здесь, а теперь он сидит рядом с тобой. Второй сын — Маликаджар, третий — Абумуслим. Этим двоим уже пора спать. Наш Садуакас очень любит слушать рассказы гостя, готов до утра сидеть, не смыкая глаз. Так что рассказывайте. Как говорят: «Наши уши висят на гвозде внимания»,— ответила Жамал, подкладывая под котел кизяк.

— Ну что ж, согласна... Начну с того, что сегодня утром я выехала из аула со своим кречетом поохотиться за гусями...

— Где ваш кречет?— с нетерпением прервал Сакен.

Он лежал, облокотившись на колени отца, и пристально глядел на брошь Батимы, которая блестела на ее шелковой безрукавке. Батима это заметила и сказала с улыбкой:

— Малыш, ты, наверное, до сих пор принимаешь меня за мужчину и удивляешься, почему дядя носит блестящую штучку. Но ведь я девушка.

— Ровесник моего отца не может быть девушкой,— заявил Садуакас, и все трое рассмеялись.

Мудрено было судить по костюму, кто перед мальчиком — мужчина или женщина. Платье заправлено в ша-

ровары. Косы сложены узлом на затылке и покрыты летним тымаком, на ногах сапоги и войлочные пайпаки, сверху шелковый полосатый халат и бешмет, крепко стянутый в талии, с кавказскими блестящими пуговицами сверху донизу — разве это не мужское одеяние? Но когда она разделась и осталась только в безрукавке, накинув на плечи халат, вот тогда Сакен и увидел блестящую застежку.

— Ну, так я продолжу о своем кречете,— Батима вынула из кармана сплетенную красную нитку.— Вот этой ниткой я привязывала его. Сейчас мне больно на нее смотреть, хотя птица и не человек, но кречет был и спутником моим и утешением.— По лицу Батимы скользнула печаль.— Когда саврасый вылетел галопом на сопку, я увидела на берегу болотистой лужайки за Большой Абой стаю гусей. Я сняла колпачок с головы кречета и последила, хочется ли ему напасть на добычу, злой он или не очень. Судя по виду, настроение у него боевое, и тогда — долой нитку, лети! До гусей было примерно версты две. Кречет сорвался с моей руки, полетел к гусям и сел на холмик, где были сусличьи норы. Я жду, жду, слежу за ним с вершины, а он и не думает подыматься.

— Вот тебе и охотник!— вставила Жамал.

— Так обычно почти все кречеты ведут себя,— вставил Сейфулла.— Пока он возьмет гуся — замучает своего хозяина. Но охотник без кречета, как без рук. Никогда не возьмешь сам столько уток, гусей или дроф! От кречета ни одна птица не спасется! Лишь бы конь твой был резвым и выносливым, лишь бы успевал за кречетом; он тебе начнет сбивать птиц одну за другой — замечательный охотник!

— Когда речь заходит о ловчих птицах, отец Сакена теряет спокойствие,— заметила Жамал.— Потерпите же немного, отец Сакена, не прерывайте Батиму.

— Так вот, сидит он себе на том холмике, а у меня терпение лопается,— продолжала Батима.— Вдруг вижу — снялся и полетел, и лениво так машет крыльями. Наконец, думаю, повезет мне с божьей помощью! Нет, опять мой помощник опустился на другой холмик, опять сидит, по сторонам поглядывает. Проклинаю небо и землю, я сошла с коня и стала разнуздывать его, чтобы

пустить пастись. А сама слежу неотрывно за кречетом. Гуси, ни о чем не подозревая, пасутся себе на лужайке. И вдруг смотрю: высоко парит орел. А кречет орла не видит, снова поднялся и опустился на этот раз прямо возле гусей. Те сразу сгрудились, напали на него, бьют крыльями, издали похоже, будто на моего кречета белая копна навалилась. Ну, думаю, теперь-то дело верное! Сунула удила в зубы саврасого и помчалась туда. Но с орла глаз не спускаю. Вижу, он тоже стрелой понесся вниз и напал на «копну». Я заорала, как могла, гуси разлетелись в разные стороны, а я смотрю — нет моего кречета. И лежит только один гусь. Орел ухватился за гуся, поднялся, а вместе с гусем прихватил и моего кречета. Я опоздала на какой-то миг!.. Вот так сегодня наказала меня судьба. И так горько мне стало, так одиноко, что слов нет.. А тут еще с братом поссорилась...

Жамал задумчиво молчала. Она слышала имя Батимы давно и, как многие, уважала ее. Встречаясь и разговаривая с Батимой, Жамал убедилась, что народ любит ее не зря. И ей Батима нравилась, но только частенько смущала Жамал глухая ревность. Девушка-джигит Батима почти не слезала с коня, участвовала по праздникам наравне с лихими джигитами в козлодрании, сторожила табуны по ночам, нередко встречалась с Сейфуллой на выпасах, вдали от аула. Об этих встречах Жамал узнавала от самого Сейфуллы и от женщин, любящих посудачить, истолковать все вкривь и вкось. Жамал стала ревновать мужа к Батиме. Она зорко следила за обоими, но ничего предосудительного не находила и, как умная женщина, стала еще больше уважать Батиму. Однако свободных манер и образа жизни Батимы Жамал не одобряла. С одной стороны, ей нравилась самостоятельность сверстницы, не пожелавшей выходить замуж за нареченного оболтуса и ставшей таким образом достойной наследницей покойного отца, полной хозяйкой в доме. В глубине души Жамал считала свое замужество преждевременным, огорчаясь, что недостаточно понежилась под родительским кровом, в семье отца. С другой стороны, Жамал понимала, что всякая девушка, достигнув совершеннолетия, должна выйти замуж и стать матерью. И то, что Батима, в общем-то, уклонялась от материнских обя-

занностей, вызывало у Жамал неодобрение. Народив троих в свои двадцать шесть лет, Жамал полагала, что ее бездетная ровесница — неполноценная женщина, ибо не выполняет священной обязанности быть матерью. Жамал по своей натуре не была скрытной и ждала удобного случая, чтобы осторожно, не задевая самолюбия, поговорить об этом с ровесницей.

Разговор между тем продолжался на прежнюю тему.

— Верно, Батима, нет ничего хуже, чем выйти на охоту одному, — сказал Сейфулла. — Ведь кричит всегда выбирает из всей стаи только одного гуся. Он проскакивает к жертве между крыльев нападающего гуся, впирается в него когтями и рвет горло клювом. Гусь вынужден защищаться, машет крыльями, бьет ими землю, а остальные гуси в суматохе стараются помочь, лезут друг на друга, вся стая хлопает крыльями, собирает «копну», а кричущему хоть бы что, он ведь внизу, в безопасности, и не отпускает свою жертву, хоть убей его! Все это хорошо знает настоящий охотник. Ты допустила непростительную ошибку — зачем разнуздала коня не вовремя? В прошлом году я видел похожий случай...

— Подождите минутку, отец Сакена, у меня есть один вопрос к Батиме, — перебила Жамал. — Скажи, пожалуйста, Батима, чем огорчил тебя старший брат?

Ей не терпелось заговорить о главном, в кругу семьи это легче сделать, чем наедине.

— Эх, Жамал, для других это глубокая тайна. Но раз уж на то пошло — не стану скрывать. — Батима вздохнула. — Сегодня утром брат мой Омирбек велел мне передать: «Приехали гонцы от свата Акбуры, спрашивают: можно ли прислать к тебе жениха Боздака? Что им ответить?» Как будто сам не знает, что сказать! Подсылает ко мне своих прихлебателей с вопросами, как будто никогда не слышал, как я отношусь к жениху! Или неужели я сама не знаю, кто такие Акбура и Боздак?! Этот вопрос брата попал мне в самое сердце. Я хозяйка в ауле, выступаю наравне с мужчинами перед всем честным народом, а тут родной братец решил напомнить, что, дескать, как ты ни рядись, все равно ты не мужчина и пора тебе выходить замуж! Они меня принимают за дуру, или я на самом деле дура — ничего не могу понять!

Пропало у меня настроение, махнула на все рукой и поехала на охоту одна...

Сейчас в доме своего ровесника Батима чувствовала себя свободней и говорила откровенно, хотелось излить душу.

— А помнишь, Батима, в день рождения моего Сакена в урочище Белый колодец ты пела вот эту песню?— И Жамал негромко пропела:

Мухортая телка — предводитель стада.
Горе мне лицо морщинит, баюшки-баю...
Кто калым заплатит — хозяином станет,
Как судьбы несчастной избежать мне,
баюшки-баю...

— Ты так горестно пела ее, — продолжала Жамал, — что у меня душа разрывалась. До сих пор твой голос все еще звенит у меня в ушах! Я тогда поняла, что тебя хотят выдать за плохого джигита. Люди говорят: разборчивая невеста может до старости остаться в девках, но я считаю, что это к тебе не относится. Таких слов я не могу сказать тебе. Но и не могу посоветовать, как тебе жить дальше, решай сама! — Жамал помолчала, собираясь с мыслями. — Жить на белом свете — значит стремиться к будущему, вся радость в жизни именно в этом! Если силы твоей души ведут тебя в гору — лезь, взбирайся выше и выше. Но только помни — а кто рядом с тобой? Ведь как плохо остаться одинокой, хоть и доберешься до вершины. Знаешь ли ты, чем кончили свою жизнь девушки-джигиты Ажиган и сноха Кошкарбая, какая несчастная у них участь? Первую, Агыжан, привязали к хвосту буйного коня — замучили. А вторую — сноху Кошкарбая, оставили одну в безлюдной степи в лютый мороз, и тело ее замела метель снегом на высоту коня. Они были смелыми, отчаянными, но не смогли пойти против аульной толпы... Да и надо ли идти против всех? Иной раз неумная душа посреди зимы захочет весеннего подснежника, да разве такую прихоть исполнишь? В конце концов надо подумать и о том, что мужчина не станет женщиной, и наоборот, хотя все младенцы лепечут и растут одинаково... — неопределенно, как бы сама с собой, рассуждала Жамал, пытаясь по-своему образумить ровесницу.

— Эх, Жамал, Жамал, неужели ты думаешь, что Батима только сегодня узнала от тебя, как плохо быть одинокой? Об этом она наверняка задумывалась уже лет десять тому назад,— заметил Сейфулла. Однако он был доволен трезвыми рассуждениями своей жены и тут же решил кое-что добавить и от себя.— Жамал старше тебя, Батима, на один год, поэтому, пользуясь этим правом, она говорит с тобой как старшая сестра, и я согласен с доводами своей жены. Я бы не осмелился давать тебе совет насчет замужества. А то ведь ты можешь принять его за намек — выходи, мол, замуж за меня!

Сейфулла скрасил шуткой нелегкий разговор.

В те времена не было нынешнего календаря, годы делились на двенадцать циклов по названиям животных. Первый — год мыши, потом — коровы, дальше — барса, зайца, дракона, змеи, лошади, овцы, обезьяны, курицы, собаки, свиньи. Нередко год свиньи называли годом черной сайги,— по исламу избегали произносить название нечистоплотного животного. По истечении двенадцати лет исполнялся один мушель; и снова наступал год мыши. Таким образом, первый мушель равен тринадцати годам, второй мушель — двадцати пяти, третий — тридцати семи и так далее.

Если нынче год коровы, значит, Батиме, родившейся в год мыши в позапрошлый мушель, двадцать пять исполнилось уже в прошлом году. В ту пору двадцатипятилетняя девица уже называлась старой девой, так что разговор был не слишком приятный для Батимы. Но тут, к счастью, беспечно вмешался Сакен:

— Папа, расскажи про своих кречетов.

Батима охотно поддержала:

— Да, лучше поговорим о кречетах — ребенок так просит!

Сейфулла сидел, по обычаю, со скрещенными ногами. В ответ на просьбу он поднял одно колено, затем другое — значит, по своей привычке, приготовился рассказывать.

— Жамал, уложи в постель Маликаджара, он совсем дремлет!— сказал Сейфулла.

В маленьком чугушке над костром варилась зайчатина. Чернявый мальчишка в белой овчинной шубке, сын

Уйткибека — Матай — длинными щипцами ворошил угли. Он сидел у костра в роли аульного посланника, с наказом узнать, какую новость привез гость в дом Сейфуллы.

Осенние дожди еще не начались, небо было ясное. Созвездие Малой Медведицы совсем опустило ковш — значит, бульон в котле достаточно наварился. Но в четырехстворчатой юрте Сейфуллы тепло. Снаружи юрта обложена по низу дерном, деревянная дверь обита толстым войлоком.

— Все ловчие птицы побывали в моих руках: и ястреб, и пустельга, и беркут. Одно время я натаскивал ловчих птиц Битабара, потом и у меня завелись свои, но никогда я вдоволь не наслаждался ими, — проговорил Сейфулла с еле заметной горечью. — Если сравнивать, то лучшая ловчая птица — это кречет! Он быстрый, ловкий. Когда я был мальчишкой, я охотился с кобчиками разных пород — жагалтай и турымтай, с ястребом-перепелятником. Эх, все они по-своему хороши! Самого хваткого кречета называют бидайык, ястреба-самца называют шаули. Запомни, Сакен: в породах птиц, пригодных для еды, самка всегда мелкая, а самец крупный. А если самцы мелкие, а самки крупные — такую птицу лучше не варить. Теперь расскажу о тех двух кречетах, которые тебя заинтересовали. Они гнездились в прошлом году в Кара-Шилике на вершине Священный камень и никогда не разлучались. Однажды вдвоем с Матаем мы ехали верхами, — Сейфулла кивнул на мальчика в белой шубенке возле костра. — Вдруг, откуда ни возьмись, налетел крупный орел, и два кречета сразу в испуге взлетели. Орел погнался за ними. Но кречеты ловчее, они сразу взмыли ввысь и, защищаясь, стали хватать хищника сверху. Орел хоть и грузный, но все же проворный. Как только кречет приблизится, орел быстро опрокидывается на спину и выставляет когти вверх, чтобы схватить кречета. Не тут-то было! Глазом не успеешь моргнуть, как кречет снова взмывает выше. Пока орел перевернется, пока расправит крылья — налетает второй кречет. Так они попеременно замучили беднягу орла, он еле-еле поднялся. И тут один из кречетов изловчился и вцепился когтями так, что орел комом полетел вниз. Когда мы

подскакали, орел уже истекал кровью, хрипел, короче говоря, разбился. Всего минуту назад черный хищник хотел растерзать безобидных птенцов кречета в их родном гнезде, и вот уже сам истекает кровью. А два кречета ликуют в бескрайнем небе. В одиночку они ни за что бы не осилили гордую птицу! Вот что значит единство в минуту испытания! Кречет — величиной с кулак, орел по сравнению с ним — как верблюд с бараном...

Сейфулла обнял Сакена и поцеловал в лоб.

— Ради тебя, сын, и мы с матерью готовы сразиться с любым вороном. Пусть наши птенцы растут вот такими же кречетами на свободе и просторе...

Простой рассказ Сейфуллы с такой неожиданной концовкой растрогал Батиму. Глядя на пламя костра, она задумалась о чем-то своем. Всегда она считала себя независимой и свободной, а сейчас вдруг почувствовала, что беззащитна, как птенец, за которым следят со всех сторон орлы. «Кто меня защитит? Неужели мне суждено навеки коротать жизнь без любимого и не целовать своего ребенка?!»

Батима невольно обернулась к Сакену, который сидел, опершись на колено отца. Может быть, он тоже задумался о судьбе птенцов, о своей судьбе или о чем-то еще — кто знает?..

Долго в этот вечер горел огонек в юрте Сейфуллы. Старые друзья говорили о жизни. И малыш Сакен не мог уснуть — слушал.

Хорошо рассуждать не одному, а вдвоем, а еще лучше втроем, и уж совсем замечательно делиться мыслями со многими...

Несмотря на то, что засиделись за ужином допоздна, Сейфулла и Жамал, по обыкновению, встали рано. Сейфулла отвел саврасого на выпас, и, когда возвращался, вышел к нему навстречу Уйткибек. Опираясь на толстый посох, старик недовольно сказал:

— Дорогой Сейфулла, мы живем с тобой в одном ауле. Такие гости, как Батима, бывают у нас редко, и нельзя их угощать тощим зайцем!..

— Для гостя мы не пожалеем барана, но Батима сама наотрез отказалась.

— Мы не ценим такую замечательную сестру, Сейфулла. Люди разных аулов не слишком хвалят ее, потому что Батима не мужчина, но на деле ее боятся как огня и уважают. Если сказать правду, то я не променяю ее на десять таких мужчин, как Какен и Еркек-сары вместе взятые,— сказал Уйткибек без тени улыбки.

Покосившись в сторону, он увидел, как старая Жадыра подошла к Жамал с медным самоваром в руках и, судя по всему, предложила свои услуги. Жамал как раз наливала воду в черный чайник у очага.

— Ну-ка давай, Сейфулла, присядем,— продолжал Уйткибек, безмерно довольный тем, что старуха, совсем как зажиточная, помогает молодой снохе.

— Там, где жены живут в мире, еды вдосталь, светик мой. Самое доброе дело — обоюдное согласие,— продолжал Уйткибек, ковыряя концом посоха засохший кустик. Он не мог скрыть стариковского самодовольства. Но Сейфуллу интересовало другое.

— Уйткибек-ага, верно ли, что Какен нанял муллу учить грамоте своего сына Акая?— спросил он.— Какен похвалил нас, когда мы строили зимовку. Бог, говорит, помогает тем, кто трудится, так что не пропадете...

Уйткибек залился дрожащим смехом.

— Коль так, дорогой Сейфулла, готовь проса мешок. Раз уж Какен высказывает тебе расположение, то скоро чего-нибудь попросит. Но и мы, если он раскрывает объятия для дружбы, не должны бежать... Мы должны быть хитрее. Если они питаются вершками, то мы корешками.

Продолжить Уйткибеку не удалось,— подошел Какен и позвал пить чай.

Когда Уйткибек вошел в юрту и поздоровался, Батима быстро поднялась с почетного места.

— Сиди, милая, сиди, это ведь мой собственный дом, мне и сбоку места хватит,— успокоил ее Уйткибек, сел, скрестив ноги, и сразу заговорил.— Голубушка, все ли здоровы в вашем ауле и в соседнем? Нет ли новых известий? Мы очень рады тому, что Какен нанял муллу. А то в прошлом году, помните, он хотел, чтобы писарь Пантелеймон учил его сына Акая лепетать по-русски? Мы как услышали — у нас волосы дыбом встали.

Когда аксакал вошел и поздоровался, Батима, по обычаю, ответила тихо и вежливо, скромно села, скрестив ноги, и, глядя вниз, шепотом подозвала Сакена и стала легонько гладить его по плечу. Но, услышав последние слова Уйткибека, она не удержалась, чтобы не возразить:

— Да, агай, конечно, вы правы, но я думаю, что у русских можно научиться многому. Известный Чон ведь учился в русской школе и был справедлив до мозга костей.

Уйткибек покряхтел, не зная, чем возразить. Справедливый Чон был волостным управителем тридцать девять лет и ни разу не принял взятки, не тронул даже чужой иголки, никого не обижал и, приезжая в бедный аул, он, как говорили в степи, «не окрсавил даже мышиного носа». Его подхалимы, бывало, заставляли каждого хозяина для встречи волостного заколоть по ягненку, но когда Чон видел это, он едко замечал вслух: «Похоже, что ваших предков до смерти забодали бараны, и теперь вы мстите за это ягнтям».

— Да, конечно, кто станет возражать, если все образованные будут справедливыми!— сказал наконец Уйткибек.

— Если в аулах появится больше образованных порусски, то у многих откроются глаза. И такие, как я, избавятся от заботы сторожить могилы покойных предков,— сказала Батима. Чувствовалось, что она высказала одно из своих заветных желаний.

— Вы слышали, как не так давно выдали замуж девицу Айшу?¹— продолжала Батима.— Родители продали ее одному вдовцу за тридцать голов скота. Но она сбежала и нашла приют на Успенском руднике. Там рабочие, русские и казахи, спасли несчастную от родичей-воронов.

— Что верно, то верно, мало справедливости, Батима. Хорошо поступили рабочие на Успенке, поддержали бедную Айшу,— нехотя согласился Уйткибек.— Я тоже

¹ Эта история рассказана Сакеном Сейфуллиным в повести «Айша».

подумываю, как бы отправить своего Матая на Успенку, пусть научится уму-разуму.

Быстренько допив пятую пиалу чаю и сказав «аминь», старик вышел из юрты. Он не хотел мешать вольному разговору молодых.

Садуакас перестал дичиться, постепенно доверился Батиме и уже смело начал вертеть в пальцах блестящую застежку на ее безрукавке. Батима посадила его к себе на колени.

— Тетя, у вас есть такой мальчик, как я? — неожиданно спросил Сакен.

Он спросил без подвоха — просто ему хотелось дружить со своим семилетним ровесником.

Вопрос смутил и Сейфуллу, и Жамал, и, разумеется, Батиму. Мальчик, сам того не желая, наступил на большую мозоль девушки-джигита. И опять ей пришлось подумать о причинах своего одиночества. Пожалуй, их было три.

Прежде всего, Батима не считала достойной парой своего нареченного, затем она хотела руководить аулом вместо покойного отца и, наконец, мечтала стать влиятельным человеком, подчинить себе округу, пользоваться безграничным уважением. Мало-помалу она своего добивалась, но с каждым днем в сердце ее росла тревога. Аульные свахи и снохи называли ее «милой баловницей», либо «милой красавицей», всякий раз напоминая, что она девица, женщина, а отнюдь не глава аула. Вот Жамал, к примеру, стала достойной матерью, довольна своими детьми, и Батима не может ей не завидовать. И все-таки, помимо жажды материнства, какие-то смутные неугомонные желания будоражили Батиму. О них она не говорила, прятала их в глубине души.

Вопрос Садуакаса задел Батиму за живое. Хозяева попытались тут же заговорить о другом, но Батима молчала, пропуская мимо ушей их слова. Она долго молчала и в конце концов со вздохом произнесла:

— А ведь я, Жамал, приехала к тебе за советом, хотя знаю, что нового ты мне ничего не скажешь. То, что я должна быть матерью, это я знаю. Знаю так же и то, что не к лицу мне нарушать волю покойного отца и отказывать своему жениху Боздаку, с которым скреплена

моя судьба с детства. Впрочем... я не могу сказать, что совсем отреклась от жениха. Иногда, откровенно говоря, сама не понимаю, чего хочу. То мне покажется, что не надо ерепениться и что на роду мне написано быть женой Боздака, нянчить его детей, то вдруг покажется...— Батима затруднительно смолкла.

— Воля твоя, Батима, решай сама. Таковую, как ты, насильно не соединишь с Боздаком, поется же в старой песне:

Тележка за конем в упряжке мчаться будет,
Девушка не пойдет за тем, кого не любит.

— Эй, Батима, у меня есть хороший друг в Акмолинске,— вмешался Сейфулла,— недавно у него умерла жена, дом опустел... Если ты любишь образованных — он будет для тебя в самый раз! К тому же он скоро придет сюда.

Говорил он полушутя, как говорят обычно о скользких вещах, когда слова, при желании, можно принять всерьез, а можно и не принимать, но и не обижаться на шутку.

— Эй, ровесник мой, далеко ты зашел со своими советами,— отозвалась Батима.— Лучше буду довольствоваться синицей в руке, чем мечтать о журавле в небе. Твой дружок служит толмачом при уездном начальнике, грамотей, а у таких желания, как у волка, попавшего в отару. Нет, не хочу быть рабыней.

— Отец Сакена, ваш совет трудно принять. Ведь Акбура не согласится ни за что ни про что лишаться такой невестки. Начнутся распри между родами.

— Они здесь перед нами хорохорятся, а к толмачу уездного начальника Шаймердену они даже близко подойти заботятся,— отрезал Сейфулла.

— Спасибо, ровесник, как ты мне ловко жениха нашел, из-под ног выхватил!— рассмеялась Батима.

Трудно было понять, отчего вдруг раскраснелись ее щеки...

Искания

На пустой поляне между двумя аулами ребятишки собрались играть в асыки. Сбились в тесный круг, присели, толкают друг друга.

Вот один из старших, уже подросток, собрал все битки на ладони и бросил перед собой на землю. Асыки стукнулись и рассыпались. Увесистый желтый биток «улыбнулся», став в лучшем положении, и тотчас вскочил с места чернявый и приземистый мальчуган с широкими ноздрями, в белой рубашке и узорчатой тюбетейке. Ему пришлось начинать кон. Он отошел от круга на десять шагов и прицелился. Остальные расступились, стали цепочкой. Живописная картина — на одном пацане дырявые лохмотья, видно голое тело, у другого штаны сползли ниже пупа и видны незавязанные тесемки нижнего белья. Но никто друг на друга не обращает внимания, все поглощены игрой.

Чернявый коротышка для удобства подтянул левой рукой штанину, выставил левую ногу вперед и, нагнувшись, прицелился. Наступила азартная тишина. Но тут желтый биток выскочил из пальцев чернявого. По правилу, удар отменяется, но чернявый вовремя успел крикнуть «чур, я сам» и таким образом получил право на вторую попытку. На этот раз он метнул желтый биток, не раздумывая. Щелк — удача. Еще один такой удар, и чернявого уже не обыграть. Остальные снова сгрудились в круг, опять поставили асыки в ряд, собрали битки и бросили. На этот раз выгодно стал красный биток горбоносого рыжего мальчугана. Но от волнения он поспешил метнуть, плохо прицелился, и биток пролетел стороной от кона.

— Чур, я сам, — крикнул горбоносый.

— Как бы не так, поздно! — возразил чернявый.

Горбоносый по имени Салкам был сыном бая Торбека, мальчуган избалованный и неизмеримо вспыльчивый. А чернявого звали Акаем, он был сыном волостно-

го управителя Какена. Если Акай заупрямится, то с ним не так-то просто сладить. Одним словом, нашла коса на камень. Покрасневший от злости Салкам двинул Акаю кулаком в лоб. В ответ Акай пнул Салкама под дых, и тот растянулся. Тут кто-то третий ловко щелкнул Акаю по затылку, и Акай свалился на Салкама. Пошли в ход кулаки и пинки, ногти и зубы. В это время из аула подошел Сакен и растянул в стороны осатаневших Салкама и Акаю.

— Если сейчас же не перестанете, обоим расквашу носы! — крикнул Сакен. Ноздри у него раздувались, глаза сверкали.

Грозный вид Сакена, вставшего между драчунами, заставил спорщиков присмиреть. Салкам утер нос рукавом и отвернулся. Опять по очереди стали кидать битки и щелкать по асыкам. То один выигрывал, то другой, но Сакену решительно не везло. Его биток «голубой баран» так ни разу и не стал выгодным боком. Сакен задыхался от обиды и злости, но молчал.

А биток «голубой баран» был не простым. В прошлом году в священный праздник курбан-айт волостной Какен принес в жертву богу редкого барана с шерстью почти голубого цвета.

Знавший наизусть коран от корки до корки мулла, по прозвищу Агаш-аяк — Деревянная нога, рассказывал на празднике о шариае, о блаженном рае и поучал людей, как надо переходить через узкий волосяной мост, ведущий в рай... Мулла утверждал, что тот, кто принес в жертву редкого голубого барана, непременно попадет в рай. Таким образом, волостной Какен обеспечил себе безопасный переход через волосяной мост прямо в чистилище.

От этого жертвенного барана Сакену достался асык. Но сколько бы он ни метал его с другими битками, ни разу асык не стал, как нужно. Значит, голубой баран помогает только баю Какену, но вредит бедняку Сакену.

Перед вечерним намазом мальчишки умчались по домам. Длинные тени, опережая одна другую, не отставали от них. Обыграл всех на этот раз Акай, и мальчуганы сопровождали его как победителя. Сакен остался один на голой поляне. У него в руке был только один биток,

остальные асыки он безнадежно проиграл. Щеки его горели, даже губы потрескались от досады и огорчения. Подумав, мальчик размахнулся и что было силы забросил асык «голубого барана», после чего прошептал:

— Мулла, святой баран, биток — все вы соберетесь вместе и провалитесь в тартарары! И не боюсь я за это никакого наказания!

Отомстив «голубому барану» и облегчив тем самым душу, Сакен пошел домой.

Бедняцкий аул из двух- и четырехстворчатых юрт стоял на берегу Жаман-коля — Плохого озера. Наступили вечерние сумерки. Бледно-серое небо постепенно стало прозрачно-синим, а потом и совсем темным. Засверкали звезды, казалось, кто-то сыпанул их в небо щедрой рукой — сияйте! Одни звезды шурились и подмигивали, другие вдруг срывались, падали, прочерчивая тонкий путь, как змея.

В самом зените, как будто связанные одной веревкой молодые кобылицы, столпились шесть звезд — это Плеяды. А неподалеку от них еще семь звезд образовали ковш, тупой, как морда у телки — это созвездие Большой Медведицы. Если соединить прямой линией две ее крайние звезды и протянуть линию вверх — уткнешься в Полярную звезду. Это хорошая звезда, она никогда не уходит со своего места и всегда помогает ночному путнику найти верную дорогу в бесконечной степи.

Взошла луна, и от ее света звезды потускнели и будто поредели. Луна плыла все выше, и небо от нее белело, как молочное.

На пустыре между аулами друг против друга выстроились две группы ребят. Во главе одной группы — Сакен, во главе другой — Акай. Каждый крепко держит своего соседа, стараясь создать цепь, которую не смог бы разорвать противник.

— Враги или друзья? — крикнул Сакен, начиная игру.

— Враги! — ответил голос Акая.

Врагу полагалось начинать схватку первым. Но перед схваткой предводитель должен был еще вдохновить своих и раззадорить противника. Акай речитативом заговорил:

...Тем-тем-тем!
Из-под стремени кровь польется,
Красная сосна до земли согнется,
С полным ведром, с белым кумысом,
У калмыка табун отобьется.
Эй, пес Сакен, ты нужен мне,
Будет тебе жарко, как в огне!

По зову Акая Сакен сразу же помчался к противнику, с налету пробил плечом слабое место в цепи врага, оторвал трех крайних мальчишек и быстро перетащил их к своим. Теперь настала очередь Сакена вдохновлять словом свою рать и вызывать противника.

Тем-тем-тем!
Будет много главарь болтать,
То победы ему не видать!
Бедняга Акай, ты мне нужен,
Выходи сражаться — сядешь в лужу!

Неуклюже подскакивая, Акай двинулся на Сакена. Решающая схватка началась только теперь. Оба мальчугана были крепкими, оба выросли в суровых условиях степной жизни, руки их обожжены зноем и морозами и закалились, как сталь. Бойцы сцепились в мертвой хватке — и Акай не выдержал. Поражение атамана расстроило ряды его шайки — противник поднял руки и запросил пощады. Победители потребовали дань — все выигранные вчера асыки.

Злосчастный асык «голубого барана», как проклятый, ни разу не ставший выигрышно, все еще не выходил из памяти Сакена.

2

Время летней сороковины — шильде (от первого июня до десятого июля) — самое жаркое. Аулы на джайляу. К зимовкам возвращаются в августе.

Знойно так, что кажется — степь горит. С запада тянет суховеем. У берега озера Агашты-Коль почти вплотную один к другому приткнулись аулы. Вокруг аула, где много скота, — никакой зелени, как будто змеи слизали все живое, нет даже кустика полыни, совсем нечего ущип-

нуть скотине. Там и сям торчат из земли расщепленные колышки, обглоданные, как кости. Возле коновязи такая сушь, что пыль тучей поднимается до неба от легкого движения.

Жеребят, забредшим в заросли на берегу озера, не дает покоя овод. Жеребята выбегают из зарослей, мчатся подальше от берега и очумело встряхивают головами. В стороне от аула, на солончаке, лежат верблюды: одни подогнув ноги, другие завалившись на бок. Посреди аула женщины доят овец, привязанных веревкой за шею одна к одной. Ягнята пасутся на выгоне.

По берегам Агашты-Коля густо зеленеет камыш. Подальше от берега бьет крыльями по воде и выкрикивает свои жалобы белая чайка. На самой середине озера плавают два лебедя, плавают дружной парой, прижимаясь друг к другу.

Кюй мелодичен,
Струны то вздохнут,
То вновь напев, как крылья, разведут.
И молкнет серебристая вода,
И лебеди по ней плывут,
плывут...

На почетном месте возвышается большая белая юрта хозяина — Мустафы. Справа от нее — юрта старшего сына Какена, слева — младшего, Мирасбека. Кто победнее, попроще, разместились подальше, кто где смог.

«...И богат волостной Какен, и свиреп — одной плеткой погоняет не только аул, но и весь край. Даже камень из его руки катится в гору, видать, родился волостной под счастливой звездой. Какен, сын Мустафы, ему все дозволено: если разгневается — весь народ загонит в скорлупу одного яйца...» — так шушукуются в изодранных лачугах.

«...Какен — человек не промах, такого голыми руками не возьмешь. И далеко не глуп — сумел подчинить себе и казахов и русских», — так говорят в юртах побогаче, стараясь поддержать авторитет волостного.

Какен — сын знаменитого покойника, главы рода, Мустафы. Говорят, у породистого, лысого жеребца жеребенок, в крайнем случае, с отметиной — то есть сын хоть в какой-то степени должен быть достойным своего отца.

Именно поэтому народ сделал Какена волостным, как будто в нем жил дух мертвого Мустафы. Скоро Какен прослыл выдержанным, серьезным, знающим, спокойным. «Он не поддастся панике, даже если скалы сдвигнутся с места», — стали поговаривать в аулах.

Однако у Сейфуллы насчет волостного было свое мнение:

— А по-моему, Какен дурак-дураком, — не раз с громким смехом заявлял он. — Не всякое молчание — золото.

— Ай, озорник мой, как у тебя язык поворачивается говорить такие слова?!.. — радовался Уйткибек и тоже смеялся.

Держа за пазухой всеильную печать, а под рукой толмача с подхалимами, готовыми на любую подлость, почтового чиновника с винтовкой, волостной управитель — это бич, пугало для населения, жалит людей, как скорпион, заставляет бедняка, как говорится, сунуть две ноги в один сапог. В дни сбора налогов волостной появляется в аулах, как посланник смерти. Люди знают, что обязаны платить два налога: раamat — для казны и карашыгын — черный убыток, на содержание местной знати.

Приспешники волостного, так называемые «пятидесятники», тоже не зевают во время грабежа, хватают, что увидят: годовалого бычка, телку, ягненка. В дни налога торжествуют сутяги — рады, что по их жалобе обобрали соседа; ликуют взяточники — и те, что берут, и те, что дают, проворачивая свои темные делишки.

Если к волостному придут искать защиты и справедливости, то Какен одним показывает лицо, другим спину, и без слов, одним движением бровей, решает дело. Грозен Какен в аулах, но когда очутится перед уездным начальником в Акмолинске, слетает с него вся спесь, даже пузо его, похожее на бурдюк с кумысом, становится меньше; вертится он, как юла, то перед уездным начальником, то перед его толмачом, стараясь найти подход.

В ауле он тяжело дышит от жира, сам, если его не поддержат под локти, не может сесть на почетное место в юрте, никогда сам не стянет с ноги сапог, а перед уездным начальником бегаёт, как перекати-поле в степи.

Впрочем, подхалимом и лизоблюдом ведь тоже не

легко быть? Слушать пьяный лепет уездного начальства и, не понимая ни слова, почтительно стараться угадать скрытое желание уездного и потеть от усердия — тоже ведь не так-то просто!

— Если глотка дырявая, все проглотит, что в нее ни кинь! — сказал Пантелеймон, стараясь успокоить жалкое сердце Какена.

По совету своего писаря волостной решил, что на самом деле не помешает дать взятку, лишь бы шакал насытился.

Все эти тревобления и обиды стали причиной тому, что Какен твердо решил учить своего сына Акая русскому языку, чтобы потом сделать его верным помощником. Натаскивал Акая Пантелеймон. Каждый день мальчуган машинально бормотал, глядя в потолок: «Азаглавной, апрастой, бэзаглавной, бэпрастой», полагая, что буквы русской азбуки именно так длинно и произносятся.

Но тут пошли в ход сплетни и кривотолки: наследник знаменитого Мустафы перекрестил сына с малых лет в иную веру и даже не дал ему возможности выучить мусульманскую молитву. Тогда Какен, спохватившись, нанял одноногого муллу Бармухамета учить Акая по-мусульмански. Мулла ходил на деревяшке, за что прозвали его Деревянной ногой — Агаш-аяк. Начальную молитву он читал так, что весь аул слышал и готов был рыдать за ним. Четыре буквы «з» арабского алфавита — «зе», «зол», «зат», «згы» — он тянул с таким визгом, что хоть уши затыкай. Агаш-аяк не знал толком, когда в арабском языке применяются все эти «з», но, разумеется, не показывал виду.

Кроме азбуки он еще заставлял зубрить назидания, например, такие: если будешь говорить, что у муллы пятка крива — станешь грешником и попадешь в ад. Старшие слушали Деревянную ногу с восхищением.

Настал день, когда и Сейфулла привел к мулле своего Сакена, держа его за руку. Войдя в юрту, Сакен сел на выдубленную шкурку возле самой двери в неловкой позе, поджав ноги. Галдевшие дети сразу приумолкли и исподлобья уставились на чужака.

Сейфулла обратился к мулле так:

— Кости мои, мясо твое (дескать, лупи его, сколько

угодно, лишь бы кости остались целы). Хорошенько учи его, дорогой мулла. Я тоже не останусь в долгу и не забуду насчет приношений по четвергам и пятницам¹.

— Когда родился ваш сын?— спросил Агаш-аяк.

Упоминание о приношении сделало свое дело — голос муллы зазвучал как дуновение райского ветерка. Сейфулла от проникновенного вопроса растаял, его потянуло на откровенность.

— Садуакас, или Сакен — мой первенец! Дома у меня еще трое. Но Сакен на особом счету, он родился в год змеи...

Агаш-аяк, поковыряв пальцем во рту, достал из-за нижней губы насыбай и щелчком отбросил сгусток в огонь очага, после чего смачно сплюнул под кошму. Прочистив горло, он позвал Садуакаса к себе, посадил перед собой на корточки и затянул молитву. Глаза его закрылись, ноздри раздулись, в горле забулькало. Заунывному зудению его голоса будто стала вторить вся окрестность. Сейфулла слушал с напряженным вниманием, каждое арабское слово было для него непонятным, казалось неохватно толстым и доносилось будто из потустороннего мира. Вскоре Агаш-аяк запыхался, будто взбежал на высокий холм и спустился обратно.

Получив в таком виде первое задание муллы, Сакен вернулся на свое место и снова сел, поджав ноги.

В самой середине на почетном месте справа от Агаш-аяка развалился на подушке Акай. Видно, ему надоело сидеть, как все, онемели ноги от обычной позы. Если у всех книги лежали на коленях, то перед Акаем стояла темно-коричневая скамейка и на ней раскрытая книга — не одно столетие морочивший людские головы священный коран.

Перед обедом муллу позвали в большую юрту пить кумыс. Наказав детям: «Учите, учитель!», Агаш-аяк похромал из юрты. Не раздумывая, за ним последовал и Акай.

«Дети богатого всегда хороши»,— говорят в народе. «Сыну волостного и мулла друг».

¹ Ученики муллы по четвергам заканчивают учебу раньше, а в пятницу отдыхают. В эти два дня они обязаны приносить мулле подарки.

В полдень, в самую жару, мулла распустил детей по домам, а когда солнце перевалило за полдень, опять собрались и долбили молитвы до вечера с таким шумом, что казалось, юрта вот-вот оторвется от земли.

Перед закатом солнца ученики встали и прочитали в заключение молитву «салауат» — восхваление. Но учебный день еще не закончился. Чтобы закрепить знания и настроить детей на завтра, мулла приказал одному рослому крепкому мальчику взвалить на спину поочередно троих нерадивых и прошелся по их заду розгами. Наказание получали, в основном, по двум причинам. Одни — за «неаккуратность», значит, их родители забывали о мулле по четвергам и пятницам. Другие — за то, что из чужого рода, причем отцы их, как правило, не бедствовали, были нахватаны, различали, где черное, где белое, знали шариат и при случае могли поставить на место самого муллу. При всем при том они были не слишком щедрыми на подарки, и это частенько отражалось на спине их детей. Чаще других роль держателя выполнял крепыш Матай, но нередко и по его спине прожигалась розга.

3

Прошло три года с того дня, как Сейфулла поселился в своей зимовке. Весной они вместе с Уйткибеком дней десять пахали землю однолемешным плугом, впрягая серого вола Уйткибека в паре с сивком Сейфуллы. Сеяли они просо, наиболее урожайное в этих местах. Рано утром Сейфулла надевал серый, домашнего тканья, чекмень, высвобождал правую руку и туго подпоясывался веревкой. Наполнив подол чекменя зерном проса, он медленно брел по пашне и с размахом сеял.

Сакен бегал возле него с мокрым чубом и сгонял воробьев с пахоты.

Сын пахаря с чумазыми ногами,
И день и ночь следи,
Чтоб твой посев, обрызганный дождями,
Не съели воробьи...—

так тихо напевал Сейфулла, идя вразвалку. На куцем сивке следом за ним боронил поле Матай. Рыхлая земля покрывала зерна, хороня их от ненасытной тучи воробьев.

В первый год урожай выдался на славу. Труд Сейфуллы окупился с лихвой. Жамал, усталая и довольная, толкла в ступе просо, запасала пшено на зиму.

Но на другой год старанья пошли насмарку: не уродилось ничего, посев зарос сорняками, белым ковылем, голубой полынью, и мышей развелось видимо-невидимо. Сейфулла и Жамал особенно не горевали, успокаивали себя — все делается по воле всевышнего.

Да и для огорчений-то не было особых причин — Сейфулла только сеял, но за посевами не ухаживал, во всем полагаясь на божью волю, и перебирался вместе с другими на джайляу.

Аул скотоводов и аул земледельцев сильно зависели друг от друга, но в разное время и по разным причинам. Летом на джайляу землепашец шел к богатому скотоводу, потому что дети пахаря обучались у муллы, нанятого баем; пахарь пользовался байским кумысом и тяглом. А осенью, когда созрел урожай, тогда уже скотоводы становились зависимыми от землепашца. По утрам в поле везли кумыс в бурдюках, а по вечерам возвращались в аул с торбами, наполненными зерном.

Постепенно и Сейфулла, и Уйткибек стали зажиточными. Сын старика Матай скоро познал всю нехитрую науку Агаш-аяка и ушел работать на Успенские рудники. Весь свой скудный заработок он привозил родителям весной, и Уйткибек удовлетворенно сиял, радуясь прибылям.

4

Богатый аул с большой отарой ставит юрты полукругом. Пустая середина называется котаном, сюда сгоняют овец на ночь.

А бедный аул ставит юрты как попало, и чаще без котана, ибо нечего туда загонять. В богатом ауле юрты белые, как яйцо, к ним лепятся черные, как чужеродный

нароств. Бедные аулы тоже неодинаковы. Но если в богатых аулах пестро оттого, что одна юрта белая, другая черная, то в бедных аулах пестрой может быть каждая юрта — у одной верхние кошмы белые, у другой — нижние, у третьей из белой кошмы дверь, — в общем, кто на что горазд. Со временем появилась белая кошомная дверь и в юрте Сейфуллы — первый признак зажиточности.

Аулы бедняцкий и байский расположены неподалеку. Когда слуги бая выходят с ведрами в руках на первую дойку кобыл, то зоркие люди из бедного аула, не теряясь, бредут в аул бая пить кумыс.

Направился на кумыс и Агаш-аяк в юрту Какена. Акай сегодня пригласил Сакена, впервые обнаружил расположение к Сакену как брату по роду.

Войдя в юрту бая, Сакен услышал:

— Голубчик, подойди ближе. Оказывается, ты уже совсем взрослый. А где твой баламут отец? Почему он избегает нас? — так усердно, как будто, страшно соскучившись по Сейфулле, справлялся бий Битабар, сидящий на почетном месте юрты.

— Папа занят, вяжет невод, — пояснил Сакен.

Ответ мальчика не удовлетворил волостного.

— Если вяжет невод, значит, идет в гору, это хорошо, разбогатеет. Как говорит пословица: «Выйдя замуж за купца, родная дочь забывает отца». Мне думается, что твой отец со временем даже перестанет здороваться со старшими в ауле, — многозначительно подчеркнул Какен. Он считал подобные высказывания тонким намеком.

Высокомерные слова волостного задели Сакена, глаза его потемнели. Но этого-то и надо Какену! Когда он видел, что собеседнику не по себе, что издевка попала в цель, волостной рвался доконать его насмешками.

— Эй, Битабар, помнишь ли ты, как наш старец Жомарт однажды зимой посадил косога Ахмета в галошу? — громко спросил он.

— Помню, Какен-ага, помню. Но мне сдается, что это сушая небылица, ибо косога Ахмет даже летом не станет рыбу ловить, не только зимой. Но если даже и случилось такое, старец Жомарт вряд ли допустил бы

такую колкость по адресу Косого. Мы ведь давно знаем Жомарта и его острый язык,— отозвался Битабар, явно желая смягчить злость Какена и увести разговор в сторону.

Но этого ему не удалось.

— Нет, Битабар, ты, оказывается, не помнишь, Жомарт тогда здорово сказал косому Ахмету. «Какой дурак станет искать добро в проруби, величиной с чашку!..»— ликовал Какен, стараясь досадить этим Сакену — ведь Ахмет был приятелем его отца.

Затем, косо улыбаясь, Какен обратился к мулле:

— Скажи, как учится мальчик?

— Хорошо, очень хорошо учится Акай. Скоро будет знать весь коран, и тогда вам придется устроить пир горой. Из него определенно выйдет человек, достойный занять ваше место,— ответил Агаш-аяк заискивающе.

— Я спрашиваю, как учится сын Сейфуллы!

— Да, и он...— мулла пытливо глянул на волостного, что-то моментально сообразил и продолжил:— Не скажу, что очень уж хорошо. Характером плохой, упрямец.

Агаш-аяк был рад тому, что вовремя выкрутился и угодил Какену. Но, все же помня, что мулле полагалось бы говорить истину, Агаш-аяк беспомощно огляделся.

— У отца задиры и сын забияка. Ишь, упрямитесь вздумал! Если не ценит добра, не слушается, то гони его, мулла!— твердо сказал Какен.

Сакен вскочил и выбежал из юрты. Никто не придавал значения этому, кроме Битабара. «Какой он чувствительный! Но выдержанный и умеет молчать. Я был бы рад, покидая этот мир, оставить такого сына, как Сакен!»— подумал Битабар.

— Если он буян с малолетства, то что будет, когда вырастет!— заметил волостной.— Определенно не даст нам житья.

Бросил он эти слова неспроста.

Дней десять тому назад, когда аулы только что прибыли на джайляу, произошло одно знаменательное событие, которое надолго у всех осталось в памяти.

Ровно в полдень, после кумыса, несколько всадников выехали из соседнего аула к волостному — отведать ба-

ранины. Богачи шага не сделают пешком, обязательно в седле. Кумыс слегка опьянил их и подогрел надеждой на сытный обед у волостного. Ясно, что приезд соседей — уже повод для того, чтобы заколоть упитанного ягненка, сварить, добавить жирной копченки из остатка зимних запасов и в заключение угостить всех вкусным бульоном и разогнать хмель.

Нередко такой обед заканчивался жарким спором, словесным раздором, иногда даже дракой — от излишка кумыса. Кто-нибудь вспоминал старую родовую вражду, и начинались колкие шуточки.

На этот раз в юрте Какена сцепились между собой Еркек-сары и Имамуса Кутжанов из рода Алтай.

Еркек-сары начал горячиться первым и говорил торопливо, Имамуса отвечал спокойно, но старался не остаться в долгу. Сначала шутя, а потом слово за слово, сцепились.

— Скажи, Имамуса, верно люди говорят, что твой отец не знал ни «агузо», ни «альхама»¹? — спросил Еркек-сары.

— Может быть, и правда, отец умер, когда я был совсем маленьким.

Слева от Еркек-сары сидел волостной, справа — Битабар, и, гордясь таким соседством, да еще под хмельком, Еркек-сары обнаглел:

— Да, дорогой Имамуса, ты, конечно, не знаешь своего отца Кутжана, а люди знали. Как-то раз, давным-давно, народ стал просить Кутжана: «Хватит быть грешником, Кутжан. Пора тебе отрешиться от мирской суеты и подать руки смирения духовному наставнику». В то время как раз был в нашем ауле святой Магзум. Он пожаловал из Туркестана. И вот тогда, родимый, хочешь не хочешь, пришлось твоему отцу подать руки смирения этому духовнику. Покойный твой отец Кутжан, благослови его бог, не зная ни «агузо», ни «альхама», вместо священных слов брякнул: «Всю жизнь я кормился нечистью, теперь хочу благодати на том свете»...

В юрте раздался хохот. Смех и слова Еркек-сары

¹ «Агузо» и «альхам» — начальные молитвы корана, которые должен знать любой мусульманин.

больно задела Имамусу, но он промолчал. Раздосадованный его выдержкой, Еркек-сары выругался.

В юрте воцарилась гробовая тишина. Но Имамуса и на этот раз промолчал. Люди из рода Алтай недобро переглянулись, уже готовые к драке. Молчание затягивалось.

Видя, что деваться некуда и надо отвечать, Имамуса негромко заговорил:

— Почтенный Еркек-сары, вы старше меня по возрасту, поэтому всегда правы. Мы, младшие, по обычаю, покоряемся. Вы можете оскорблять меня — Имамусу, и моего достойного отца Кутжана, которого вы знаете. А вот кто ваш подлинный отец — этого никто не знает. Но вы, почтенный Еркек-сары, совсем тут не виноваты, а называть вашу мать недостойным словом не позволяет моя мужская честь. Однако если на то пошло, я плюю на всех ваших предков до седьмого колена!

Еркек-сары взвился, словно с раскаленной сковороды, и началась драка. Не успели просвистеть кулаки, как пошли в ход нагайки. Через минуту пробили череп Еркек-сары, окровавили лицо Какена.

Сейфулла, не вмешиваясь, молча поднялся, взял за руку Сакена и вышел. Сердце мальчика испуганно колотилось. Взрослые, бородатые, почтенные сородичи грызлись как псы посреди аула, деля кости.

С того скверного дня Сейфулла перестал, как ножом отрезал, ходить на кумыс к баям. А Какен в свою очередь затаил лютую злость на силача Сейфуллу, который не вступился за своих в том побоище.

Вот почему сегодня волостной решил показать свою власть и дал совет мулле: «Если не ценит добра — гони его!» Глубокая обида надолго осталась в сердце юного Сакена. Он сразу понял, что, как теперь ни старайся, успеха в ученье не будет.

И Сакен решил не ходить больше к мулле, но матери ничего пока не рассказывать.

Сейфулла хорошо понимал, почему злятся на него богатые сородичи. Он никогда не одобрял их чрезмерной спеси и особенно их издевательств над бедняками. Он не хотел быть прислужником, не хотел, чтобы волостной загребал жар его руками. И теперь, окончательно от-

делившись от богатой родни, Сейфулла не настаивал, чтобы сын ходил к мулле. Жене он тоже ничего не сказал.

Жамал ни о чем не спрашивала ни сына, ни мужа, узнала все сама через узун-кулак — самую малую новость в ауле, как шило в мешке, не утаишь.

В том году вместе с каменщиком Матаем, сыном Уйткибека, приехал в аул Саден Дуkenов с Успенского рудника. Они приехали погостить на два-три дня. Садену было уже около тридцати, а Матаю не исполнилось еще и двадцати, но они дружили. В ауле их сразу прозвали: Саден-непослушный и Матай-упрямый. Матай одевался теперь иначе, не по-аульному. Вместо полушубка из грубой овчины носил укороченный бешмет с пестрым сатиновым верхом на голубой бумазейной подкладке — одним словом, «облинял» Матай.

Вечером оба гостя зашли к Сейфулле послушать домбру, повидаться с Сакеном.

Домбра была лимонного цвета, с восьмью ладами. Когда раздались звуки «Саржайляу» композитора Токи, казалось, весь аул затих, вслушиваясь. Мелодия рыдала. Все десять пальцев Сейфуллы прыгали по домбре, будто плясали в такт. Сакен зачарованно слушал, и перед его глазами вставал аул на джайляу, шумное блеяние овец и ягнят, певучий рев верблюдов, мычание коров — весь многоголосый привычный гомон обычного дня летнего аула.

Скоро почти весь аул собрался в юрту Сейфуллы послушать.

А искусный домбрист все играл и играл. Кюй «Сылкылдак» композитора Таттимбета рисовал в воображении Сакена уже иную картину... Несколько аулов кочуют на джайляу. Каждый торопится прибыть к месту первым, выбрать луговину с сочной травой и вблизи удобного водопоя. Шаг коней сменяет поспешная рысь, потом дробный галоп. Джигиты несутся лавиной, опережая друг друга. Вот у кого-то съехал набок выюк на верблюде, его поправляют, не останавливаясь, ловко, на скаку. Вдруг «Сылкылдак» зазвучал печально — что-то случилось... Но жизнь идет своим чередом, грусть сменяет радость — и кюй снова звучит резво, бодряще.

Уйткибек слушал, опустив голову, был растроган,

восхищен, время от времени вскидывал голову и восклицал: «Здорово, ай, как хорошо!» — и глядел на Сейфуллу с любовью.

Но вот пальцы домбриста замерли, песня оборвалась.

— А теперь подыграйте для песни, отец Сакена, пусть ребята споют хором, — попросила Жамал.

У нее на коленях лежала двухлетняя дочь Калима.

Сейфулла отодвинул назад подструнную подставку, поплевал на домбру, поставил подставку на прежнее место, подтянул струны, побренчал, перестраивая домбру на песенный лад, и заиграл песню «Бал Кадиша» — Медовая Кадиша.

Матай тотчас запел:

Вдоль берега речки розы расцвели,
Звать домой молодку две снохи пришли.
Кадиша, Кадиша, медовая Кадиша,
Отпускаю я тебя домой, Кадиша.

На мгновение Матай, остановившись, запел более высоким голосом:

Самый справедливый хан — комар-бедняга.
Слепень — жалит без стыда, хитряга.
А в доме стрекозы случилось мне увидеть,
Как справляются поминки по родне...

Все расхохотались, захлопали в ладоши, с возгласами: «Ай, здорово! Ай, хорошо!..»

Сакен, восторженно улыбаясь, неотрывно смотрел на отца, будто прося — играй подольше, до самого утра. Сейфулла понимающе кивнул сыну и продолжал. Играя на домбре, отец становился как будто красивее и моложе.

Снова запел Матай что есть духу:

Пузырь надутый тяжелей всего.
Однажды я один надул его.
И муху с комаром запряг в телегу,
И на телеге целый свет объехал.

Сакен был в телячьем восторге от песни-небылицы.

В полночь люди аула разошлись по домам. Сакен вышел проводить Садена и Матая. В тишине за аулом они долго говорили о своих планах, о житье-бытье.

— Если ты теперь не ходишь к мулле, значит, болтаешься в ауле без дела? Давай поедem с нами, устроим тебя в школу в Успенске,— предложил Саден.

— Отец не пустит его, побоится, как бы Сакен не принял русскую веру,— усомнился Матай.

— Акай учится русскому языку у писаря Пантелеймона и не стал креститься. А почему Сакен должен стать крещеным? Ведь много детей казахов учатся у русского учителя, ничего с ними не случается,— не принял Саден доводы Матая.

Сакен молчал. Матай стоял на своем:

— Нет, Сейфулла не пустит. Он не знает, что если казах говорит по-русски, то обязательно начальник на Успенском руднике. Таких ты и сам видел. Нашим волостным управителем ведь тоже писарь руководит. Вот посмотришь, через год-другой новым волостным станет тот, кто знает по-русски,— уверенно заключил Матай.

Слушая товарищей, Сакен размечтался. Вот, действительно, стать бы ему волостным! Показал бы он тогда старым негодьям, где раки зимуют! Для всех установил бы, прежде всего, одинаковую справедливость. В крайнем случае, если не волостным, то можно и в должности писаря добиться правды!.. Прежде всего он взялся бы за жирного Какена.

— Я поеду в Успенку!— решительно заявил Сакен.

— А отец?— попробовал испытать его Саден.

— Не пустит — сбегу. Но, думаю, пустит, в крайнем случае мама поможет.

Сакен всегда надеялся на поддержку Жамал и никогда в своих надеждах не ошибался.

Саден и Матай собрались ехать на рудник на верблюде. Пока его снаряжали, Сакен не отходил от товарищей ни на шаг.

— Не огорчайте сына, отец Сакена, пусть едет. А сплетни сородичей как-нибудь переживем,— говорила мужу Жамал.

— У мурлы не захотел учиться, не знаю, что теперь делать с ним,— озабоченно отозвался Сейфулла.— Но если Сакен отказался изучать коран и поедет в Успенку

учиться по-русски, люди обязательно осудят, скажут, что Сейфулла окрестил своего сына...

Плохое заставляет искать лучшего. Сакен обучался у муллы ни много ни мало, как три года. За это время он не приобрел солидных знаний по мусульманству, но зато постиг основы грамоты, приобрел навык в учении, а главное, у него появилось стремление к познанию нового. Ясно, что Сейфулла не мог понять устремлений юноши, и потому на душе его было беспокойно.

— Ты говоришь правду, Жамал, но ни ты, ни я не знаем, какой будет толк от новой учебы,— сказал Сейфулла с опаской.

— Не будет ничего плохого, кроме сплетен сородичей,— возразила Жамал.— А наш Сакен уже различает, где черное, где белое, не пропадет.— И, как о деле решенном, она продолжила:— Но неужели вы отправите его на хвосте чужого верблюда?

— А кто нам даст лошадь?!— приуныл Сейфулла.

— Может быть, сходить к Острослову? Человек он понимающий, сердобольный,— сказала Жамал, подавая надежду.

— Тогда иди, скажи Садену, пусть подождет, а я схожу к Битабару,— согласился Сейфулла и поспешно вышел.

Вернулся он хмурым.

— Видно, так богу угодно... Но ничего — буду жив, так за все с ними рассчитаюсь!

От обиды глаза Сейфуллы влажно заблестели. Обидно стало и Жамал, она не могла взглянуть на мужа и силилась подавить волнение.

Сейфулла подозвал сына, и все вышли на улицу. Возле верблюда уже стояли Саден и Матай.

— Поручаю вам, как старшим, последить за моим сыном,— сказал Сейфулла.— Доброго пути!

— Смотрите, чтобы не обижали моего птенчика там, на чужбине, будьте за старших,— добавила Жамал наставительно и, обняв Сакена, долго целовала его. Чтобы не огорчать сына, мать сдержалась, не заплакала.

Шагнул верблюд, рыдван заскрипел, и трое джигитов двинулись в степь из родного аула.

Контора рудника в Успенке окружена высоким забором изрядной длины. На железных воротах вывеска: вход посторонним воспрещен. Здесь хозяйничает горстка англичан. По сравнению с массой рабочих они выглядят, как пятно на лбу лошади. В сущности, здесь берлога кровожадного зверя, который сосет кровь людей необъятного края.

Вокруг конторы ютятся ободранные черные лачуги, землянки — убежища вечной скорби. В них живут подлинные хозяева земли, но ее благами они не пользуются и всегда рады тому, что зарабатывают жалкие гроши на богатствах своих же недр.

Здесь добывается медная руда и отвозится на Спасский завод. В Спаске казахи с подводами подряжаются возить медь до Акмолинска, а те, у кого много подвод, выполняют дальние перевозки — до самого Петропавловска. На таком извозе разбогател «Черный узбек», нажил немалое состояние подвозом меди от Акмолинска в Петропавловск, Жанбагыс и Байкель. Сейфулла тоже пытался, да ничего не вышло — мало было коней и подвод.

В Успенке Сакен жил в доме рабочих вместе с Садемом, обучался в русско-казахской школе. Первым его учителем был Роман Николаевич Склянкин.

Труднее всего давался Сакену русский язык. Не поддавались правильному произношению многие русские слова. Сравнительно легко он усвоил односложные и двусложные слова, такие, как: «Я», «ты», «он», «папа», «мама». Но вся беда заключалась в изменениях по родам и падежам, чего нет в казахском языке. Все слова Сакен согласовывал одинаково: «моя мама», «моя папа», «моя лошадь», «моя конь». Помогал ему русский мальчик Миша. Сакену было тринадцать лет, а Мише восемь, но эта разница не мешала им дружить. Миша часто поправлял Сакена, тот не обижался и, в свою очередь, обучал Мишу казахскому языку. Миша тоже смешно коверкал казахские слова, и Сакен убеждался, что любой язык не так-то просто дается.

Однажды утром в классе перед началом урока один из старших учеников, Григорий, выхватил у Миши чернильницу и поставил на свою парту. Мише ничего не оставалось делать, как схватить свою чернильницу и по-

пытаться перенести обратно. Тогда Григорий пнул Мишу в живот. Миша заплакал. Сакен не утерпел, вступился за товарища. Тогда Григорий перед всем классом крикнул ему в лицо: «Орда, киргиз!»

Сакен, еще не зная значения слова «орда», по злому лицу Григория понял, что тот сказал жестокое оскорбление, и, долго не задумываясь, схватил его за горло. Тот вывернулся, поднялся шум, стук. Зная приемы казахской борьбы, Сакен, улучив момент, сделал подножку, и Григорий свалился как подкошенный.

В домотканном чекмене на подкладке из верблюжьей шерсти, в косматой бараньей шапке, неуклюжий Сакен сидел верхом на груди Григория и, красный от натуги, душил его. И тут вошел в класс Роман Николаевич. Дети бросились по своим местам. Сразу установилась тишина. Роман Николаевич глянул на происходящее — и стал темнее тучи.

— Что за безобразие? До чего вы дошли, даже в классе устраиваете драку?! Кто зачинщик?

Григорий и Сакен — два виновника молча стояли перед классом. Неподалеку, вытирая слезы рукавом, сидел Миша. Учитель, опросив «свидетелей», узнал подробности, прочитал драчунам нотацию:

— Гриша, ты обидел мальчика, который моложе тебя на несколько лет, а значит, и слабее. Когда за него заступился Сакен, ты ему нагрубил. Это не только нарушение дисциплины — это безобразие. Но и Сакен тоже виноват — затеял драку да еще в классе. Школьники, к тому же одноклассники, не драться должны, а дружить. Школьный друг — самый лучший друг, и такой дружбой надо дорожить и помнить ее...

Роман Николаевич говорил долго. Он хотел, чтобы в детских сердцах не осталось ни тени обиды, ни злости. К стати сказать, он умел воспитывать — драки в его классе были очень редки.

После стычки великовозрастный Григорий, поняв, что не на того напал, потянулся к Сакену с миром. Они помирились, но Сакен все же не стал искренним другом Григория. После этого мимолетного случая Сакен почувствовал, что характер его определяется все резче — он не мог переносить фальши, несправедливости, не мог

спокойно смотреть, как сильный издевается над слабым.

...После трех лет учения Сакена в Успенке по аулам пошла молва: «Сын Сейфуллы пошел в гору. Теперь он стал надежной опорой отца...»

Рабочие казахи Успенки и русские рабочие общались между собой в те времена на каком-то смешанном, «ничейном» языке. Например, Саден не сомневался, что слова: «баранчук», «маржа», «махан» — чисто русские. А вот Роман Николаевич, в свою очередь, считал, что они чисто казахские и означают: «ребенок», «женщина» и «мясо». И ни тот ни другой не знали толком, откуда появились в степи эти слова.

Как-то раз к Садену приехал на верблюде его отец, аксакал Дукен, из далекого горного аула Аба.

Старик приехал в Успенку по двум причинам: увезти в аул подарки сына и узнать последние городские новости, как воздух нужные степному аулу. Аксакал надеялся похвастать потом в ауле в кругу молодых и старых: «Мой Саден говорил вот что...»

Едва Дукен скрылся за дверью сыновней избы, как туда сразу же потянулись соседи — приветствовать гостя. Рабочие ждали аульных новостей не меньше, чем аульчане — рабочих.

Когда Матай сказал Садену, что нарядчик Шалтайбай оставил их сегодня ни с чем, старый Дукен изумился: как это понять — ни с чем?

— Это значит, отец, оставили нас без заработка на сегодня. За один рабочий день нам платят по пятьдесят копеек. А вот сегодня Шалтайбай взял да и записал, что мы с Матаем «ничего не делали», — пояснил Саден. — Англичане не дураки, знают, что нарядчиком надо назначать хищника. Для них и дружба — только деньги. Они понимают, как выгодно добывать здесь руду. А нарядчики наши, Шалтайбай и Федор, тоже понимают, как надо из кожи лезть, чтобы оправдать хлеб хозяина.

— Эх-хе-хе, вот где, оказывается, собака зарыта. А мы-то думали, что справедливость надо искать только в городе! — вздохнул Дукен. — Какен и Еркек-сары завели большую канитель из-за пастбищ, не утихают ни на минуту. Однако в конце концов вся тяжесть распри легла на плечи бедноты. Верно говорят в народе: «Кто

айран съел — ушел безнаказанно, а кто ведро облизал — попался!»

— Много темных дел и в ауле и в городе, — уныло проговорил Саден. — Одна надежда: вот подрастут такие, как Сакен, грамотные, с чистым сердцем...

Впечатлительный Сакен заморгал, дыхание его стало тяжелым. Саден и Матай были для него старшими братьями, и потому слова их особенно волновали. Сакен заговорил медленно, раздумчиво:

— Сегодня Роман Николаевич задал нам в классе такой вопрос: «Завтра вы получите свидетельство об окончании школы. Чем думаете заниматься дальше?» Сын Федора, Григорий, встал и говорит: «Я буду нарядчиком». Другие ученики тоже рассказали, о чем мечтают. А я ничего не мог ответить. Учитель выслушал всех ребят, посмотрел на меня и говорит: «Я знаю, что Сакен Сейфуллин, например, не станет нарядчиком, а будет продолжать учение. Нарядчик — это дело Шалтайбая». — Сакен смолк, лицо его стало сосредоточенным и гневным. — Но сейчас я послушал вас, подумал — и тоже решил стать нарядчиком. Да к тому же и Шалтайбай сам, как родственник по матери, давно пристаёт — учись быть нарядчиком. Даже сам обещал научить меня этому делу. Я хочу знать, как вы на это смотрите? — обратился юноша к сородичам.

— Если сможешь, надо, конечно, выйти в люди, — сразу же отозвался Дукен.

Но Саден высказался иначе:

— Отец, неужто нарядчик кажется вам большим чином? Ведь все они мелкие шкурники. А Роман Николаевич порядочный человек, зря болтать не будет. Царь выслал из Петербурга его самого и его родного отца. Отец его очень образованный человек, умный и честный. Он всегда говорит людям, что справедливость будет тогда, когда народ станет грамотным, значит, надо Сакену учиться дальше.

Матай поддержал Садена:

— Люди верно говорят: у кого большие руки, тот поборет одного-двух, а у кого большие знания — тот поборет тысячи. Сущая правда! Я думаю так: пусть наш Сакен учится. А мы будем ему помогать, чем сможем.

После этого разговора Сакену очень захотелось по-видать отца Романа Николаевича. Интересно, какой он? Мечтательный юноша представил его с орлиным взглядом, загорелым мужественным лицом, рослого и крепкого... Вот он идет спокойной твердой поступью по широкой степи...

Но где сейчас этот справедливый отец учителя?

Роман Николаевич вручил Сакену похвальный лист со словами:

— Садуакас Сейфуллин, ты хорошо учился и должен учиться дальше. Мало грамотных людей в степи. Вот почему ты обязательно должен выучиться, чтобы нести свет в родной край. Отправляйся в Акмолинск, в школу, Сакен!

Сакену уже исполнилось шестнадцать. После трех лет учения в Успенке нелегко ему было расставаться с первым учителем, таким добрым человеком. Сакен впервые ощутил тогда свойство своей натуры — привыкать всем сердцем к доброму человеку. Поэтому он расставался с Романом Николаевичем с волнением и душевной болью.

В это время отец Садена — старец Дукен, посадил своего верблюда перед окном школы и, не слезая с него, закричал:

— Эй, Сакен, едешь или не едешь?

Услышав голос, Сакен вздрогнул, как будто пробуждаясь от глубокого сна.

— До свидания, Роман Николаевич,— пробормотал Сакен и отвернулся в сторону — не хотелось показывать, как горько он переживает расставание, и моментально выбежал на улицу.

За три года и Роман Николаевич привык к способному ученику и сейчас, видя его волнение, был растроган. Учитель не ожидал, что Сакен, юноша замкнутый, вспыльчивый, часто несговорчивый, обнаружит вдруг такую душевную мягкость. Сакен обычно говорил мало, не любил блистать красноречием, хотя при случае был довольно остер и резок на язык, особенно тогда, когда видел несправедливость и ложь. Его можно было назвать рабом правды.

Аксакал Дукен ничего этого не видел и все продолжал торопить юношу — садись да едем! Тут же был и Саден.

Сакен уселся верхом позади аксакала. Саден взял в руки поводья и проводил отца и Сакена за околицу Успенки. Там он сказал на прощание:

— Не один день ты видел, Сакен, таких, как я, простых рабочих Успенки. Знаешь теперь, какая тут у нас жизнь. Вот приедешь в аул — не будь шалопаем, как многие твои сверстники, иди учиться! По темноте своей мы грыземся здесь из-за куска хлеба, а чужеземцы только знай науськивают нас друг на друга! Учись, Сакен, всему и обязательно учись русскому языку. Желаю тебе счастливого пути!

Уместно сказанное слово всегда доходчиво.

— До свидания, Саден-ага, не забуду вашего пожелания, — ответил Сакен дрогнувшим голосом.

Да, он видел, что рабочие живут в нищете, и удивлялся тому, что они не унывают, не поддаются нужде и чаще, чем богатые, говорят правду.

С севера подул холодный ветер. Минуту назад ясное голубое небо и солнце, обливающее золотым светом мир, теперь потемнели. Облака лавиной устремились к югу.

У старика Дукена, хотя он и в овчинном полушубке, посерело от холода лицо, морщины на лице стали глубже. Аксакал Дукен любил повторять, что шкура годовалого ягненка теплее девяти шелковых одеял, но сегодня, видимо, склонен думать иначе. У барана тоже овчина сверху, но он не мерзнет, потому что под шерстью есть еще и жировая рубашка.

Черный холощенный верблюд облез к весне и стал похож на пегую сыромятину. Хвост кочергой, шея оголилась и стала еще длиннее. Идет он качаясь и смотрит по сторонам, старается урвать на ходу куст полыни с обочины. Сакен и аксакал покачиваются в такт верблюжьему шагу.

Тяжелые серые облака все больше давят сверху, свинцовый ветер пронизывает тело Дукена, и он шепчет:

«Как это так, почему вдруг стало холодно? Ведь весенняя непогода прошла не так давно, когда рожали дикие козы и когда я ехал в Успенку. Может быть, теперешние холода наступили перед дракой и случкой сайгаков?»

Сакен задумчиво молчит, дорога тяготит его. На добром коне из Успенки до горы Аба можно добраться за день — всего пятьдесят-шестьдесят верст. Но на верблюде они едут уже второй день.

Дукен остановил верблюда возле сопки «Девичья грудь». Оба слезли, повод перекинули на шею верблюда и пустили пастись.

Но все в мире переменчиво. Постепенно облака разбежались, погода улучшилась, и от этого настроение у путников поднялось.

Дукен с самого детства пас отары. К мулле ходить было некогда, и потому самые необходимые молитвы он выучил в преклонном возрасте, и то по настоянию и наущению окружающих. Он не знал, ради чего совершаются молитвы, и думал про себя, что они лишь забава для праздных богачей. Иногда на выгоне, когда молодые пастухи собирались кипятить молоко на костре, Дукен отходил в сторону со словами: «Надо совершить бесин», — полуденную молитву. Он усердно шевелил губами, засучив рукава, бил ладонями по полам своего чекменя и делал движения, будто производит омовение без воды. Молодые пастухи шутили: «Эй, Дукен, ведь еще время не припело, смотри — солнце еще не вышло в зенит! Значит, бесин не увенчается успехом». В другой раз советовали: «Лучше, Дукен-ага, совершать все пять молитв сразу, в один присест, зачем столько раз отрываться от дела?» На шутки пастухов Дукен отвечал, что совершает молитвы не ради какой-то корысти, а так, для отвода глаз: «Ведь у меня уже преклонный возраст...» Сейфулла не зря говорит: «Набожность и любовь к корану — это байское дело!»

Дукен был ровесником Сейфуллы и потому считал своим долгом вспоминать его доводы в любом разговоре.

Дукену за всю жизнь ни разу не пришлось совершить все пять молитв вовремя — вечно мешали то одни дела, то другие. Сегодня он опять по старой привычке сделал омовение без воды и рассчитался с долгом за вчерашнюю

бесин, однако сделал вместо десяти всего лишь четыре поклона, помня, что пропущенную молитву бог разрешает укорачивать. Затем, пригласив Сакена сесть ближе, Дукен с удовольствием приступил к длинному разговору.

Помня о том, что перед выездом из аула в Успенку Сейфулла наказывал передать Сакену скорбную весть о смерти младшего брата Абена, которого Сакен очень любил, аксакал начал издаലെка:

— «Плохая погода пройдет, но от плохого характера человек не избавится»,— так говорят в народе, сынок, и это правда...

Дукен помолчал, ожидая отклика юноши.

— Вы правы, почтенный аксакал, я тоже думаю, что погода прояснится. Но пока еще холодно. Оказывается, сапоги из сыромятины не дают тепла, к тому же они старые, вся драфта наружу. А в войлочных пайпаках сорок дырок. Вот я и продрог.

Сакен по молодости пока еще не догадывался об истинном намерении Дукена.

— Аксакал, не знаете, почему так бывает: чем ближе к аулу, тем я сильнее скучаю по матери. Встал бы сейчас и побежал!

Дукен вздохнул и прилег на бок, опершись локтем о землю.

— Не торопись, милый, пусть пока верблюд кормится, да и нам отдохнуть малость надо, ведь устали, два дня на горбах качались. А ехать теперь совсем недалеко, за сопкой и аул. А пока я расскажу тебе об одном интересном случае, присаживайся поближе, дорогой, и послушай...— Дукен перевалился на другой бок, разминаясь, прогоняя усталость.— Однажды в старину у мудрого Улыкман-хакима один из его ровесников спросил: «Как здоровье вашего брата?— хаким ответил коротко и ясно: «Брат мой помер!»— Дукен чуть приподнялся и сел, скрестив ноги.— Тогда ровесник, удивившись неучтивому ответу и, не зная, о чем еще говорить, спросил: «В чем же причина его смерти?» Улыкман без запинки ответил: «Причина его смерти в том, что он родился!»

— Как прекрасно сказано!— изумился Сакен.— Кто он такой, этот Улыкман-хаким?

— Откуда мне знать, кто он такой, мой голубчик, я

передаю тебе понаслышке. Да-а, Сакен-жан, такая жизнь... Ты первенец у своих родителей, вырос уже, теперь стал их опорой, — пробормотал Дукен, глядя в землю и снижая голос почти до шепота. — Когда родители радуются, и ты должен радоваться, а горе их ты обязан рассеять умным советом. Да, дорогой, надо быть стойким, если придет смерть, а она обязательно приходит, и от нее не убежишь. Ведь все мы смертные: и ты и я. Твой младший брат простился с жизнью, благослови его бог. — Дукен обеими ладонями провел по своему лицу и зашептал молитву.

— Правду ли вы сказали? Когда умер? Почему сразу не сообщили?! — вскричал Сакен.

Дукен не знал, что ответить. Сакен заплакал, слезы потекли по лицу, он зарыдал, приговаривая: «Дорогой мой Абен, братик мой!..» Нелегко было слушать Дукену рыдания юноши. Немало тягот перенес жилистый старик, но здесь сердце его содрогнулось. Да разве можно спокойно слышать, как плачет брат по брату!..

Безлюдная холодная степь как будто вторила горемычному голосу Сакена.

Как будто все несчастья долгой жизни навалились вдруг на Дукена, и он тоже заплакал, зарыдал в голос...

Стоял август. В долине Есена, возле берега, заросшего тальником, приютился аул. В вечернюю пору в большой шестистворчатой юрте шел скорбный разговор Жамал и Сейфуллы. Свечу они еще не зажгли, и в юрте было сумрачно. Детвора гомонила за дверью, дневные аульные заботы еще не утикли.

Сейфулла только что вернулся от Какена и был сердит. На вопросительный взгляд жены он проворчал:

— Не дает, что ж теперь силой забирать, что ли?

— Не сердитесь, отец Сакена. Мы живем не хуже всех, даже лучше иных, если не считать, что умер наш Абен. Не дает — так бог с ним, добро-то его... А мы потерпим, ведь говорят же: терпенье — золото.

Жамал утешала, но в голосе дрожал плач.

— Не вздумай голосить! Что дал нам бог, то вправе и отнять у нас! Посев сгорел дочиста. За все лето не

выпало ни капли дождя. Как только дети родились, так и пошло все прахом, ни днем ни ночью не знаю покоя. И хлеб сеял, и медь возил — ничего не пошло впрок. А ты еще кричишь: учиться должен, учиться! Ведь живут другие без учения, да еще и хорошо живут...

Сейфулла был раздосадован тем, что двоюродный брат Какен не дал ему лошади отвезти сына в Акмолинск.

Ехать до города долго, а до начала учения оставалось всего-навсего десять дней.

Отдохнув в ауле у родителей, по которым истосковался за зиму, Какен скоро соскучился по учению и заторопился в Акмолинск. Мать поддерживала его и уговорила Сейфулла в последний раз сходить к волостному. Долго не решался самолюбивый Сейфулла идти просить, но в конце концов не устоял, уважил просьбу жены и сына.

Три года тому назад, перед тем, как отвезти сына в Успенку, на такую же просьбу ему отказал Битабар. Сейфулла еле добрался до своей юрты, ноги подкашивались от горькой обиды... И сейчас, выйдя из юрты, он остановился в нерешительности, но не мог повернуть обратно. «Ну, пусть в худшем случае не даст лошади, но ведь чапан-то с меня не снимет», — подбодрил себя Сейфулла и пошел.

В белой восьмистворчатой юрте волостного было полно гостей, пили кумыс, весело гомонили. Присев у самой двери, Сейфулла залпом выпил чашку кумыса и сразу выпалил:

— Я пришел просить одну лошадь. И не на целый год, а всего на одну неделю. Хочу Какена своего отвезти в Акмолинск, тут рукой подать. Вернусь и сразу же отведу коня в табун...

Зависимый всегда робок — у него руки короткие. Волей-неволей он должен заискивающе следить за каждым движением благодетеля. Сейфулла ждал, что, как близкий родственник, волостной не откажет.

Но Какен, вместо того, чтобы уважить просьбу, поднял Сейфулла на смех. Повернувшись к Еркек-сары, сидящему справа, он проговорил:

— Что станет с нашим аулом, если все захотят только праздновать? Мне кажется, следовало бы каждому из

нас по одежке вытягивать ножики.— Так сострив, он обернулся к Сейфулле и снисходительно продолжил:— Если б лошади стояли под боком, то и жалеть нечего. Но беда в том, что вчера наш Акай отбыл в Петербург... Ты сам знаешь, на тройке до Петропавловска к поезду не поспеешь. Пришлось запрячь шестерых. Ведь сами же видели, о чем еще говорить?

В разговор вмешался Еркек-сары:

— Почтенный Какен, вы слишком добры и потому говорите с таким спокойствием! А вот я вспоминаю, как три года тому назад средь бела дня, когда Имамуса вдоволь потешался над нами обоими, на чьей стороне был тогда ваш сородич, позвольте спросить? Ведь по всей округе не было джигита, который мог бы положить Сейфуллу на лопатки! В тот вечер я, может быть, хватил лишку в разговоре с Имамусой. Но я это допустил потому, что за нашей спиной был известный силач Сейфулла! А он что сделал? Он превратился в теленка с намордником и позорно сбежал. До конца дней не забыть мне того позора! Мне раскроили череп, а на вашем лице остался глубокий шрам. Неужели вы забыли об этом?!

В защиту Сейфуллы подал одинокий голос Мирасбек:

— Дорогой Еркек-сары, не надо быть таким жестоким, ведь промахи могут быть у всех... Ведь не зря говорят в народе: если младший брат тверд как камень, то старший пусть будет податлив, как мел, и пусть прощает младшего.

Мирасбек хотя и был родным братом Какена, но уважал Сейфуллу за крутой нрав, за честность и прямодушные и прощал ему дерзкие выходки.

Вот так, похоронив Абена, уже почти взрослого, Сейфулла и Жамал оказались в большой беде. Из близких не нашлось никого, кто разделил бы их скорбь и оказал поддержку хотя бы добрым словом. Ни один из сородичей в эти тяжкие дни не перешагнул порога, словно у Сейфуллы завелась черная оспа. Только Мирасбек и Уйткибек разделяли с семьей Сейфуллы всю тяжесть невозполнимой утраты. Мирасбек принимал участие в омовении трупа по всем правилам шариата и хоронил Абена.

И позже, когда Какен на верблюде Дукена приехал

из Успенки, Мирасбек вместе с женой первым пришел приветствовать юношу. Жена Мирасбека, Жупар, поцеловала племянника, подала Жамал сверток: «Это почки, я приберегла для Молдажана!»

В то время, когда Жупар перешагнула порог юрты своего жениха как невеста, Сакен учился у хромого муллы. По обычаю, невеста, как и все молодые женщины, не могла называть джигитов аула по имени, и поэтому она дала Сакену свое прозвище — Молдажан — Милый мулла.

В тот день Мирасбек тоже преподнес подарок. Он сказал Сакену:

— Будь опорой отцу своему и матери. А мы с Жупар наметили тебе из своего хозяйства гнедого пятилетка, чтобы ты на нем ездил во время перекочевки аула.

Вот этот самый Мирасбек и сегодня проявил свое расположение к Сейфулле.

Но Какена не так-то просто было уговорить.

— Чего ты болтаешь, Мирасбек? — одернул его волостной по праву старшего брата. — Чем давать советы, лучше б дал ему свою лошадь.

— Почтенный Какен, я ничего не пожалею для Сейфуллы, — не сдавался Мирасбек. — Гнедого пятилетка я недавно подарил Сакену, но молодой конь не выдержит тяжелого пути до Акмолинска...

— Правильно ты говоришь, милый Мирасбек, — вмешался Битабар, стараясь замять назревающую ссору. — И вы тоже правы, Какен, не все люди равны вам по достатку. Кроме того, мы своими глазами видели, что только вчера вы отправили Акая в Петербург. Выездных лошадей у вас почти не осталось, об этом мы тоже знаем, так что вы сказали сущую правду... Прав и ты, Еркек-сары, любую неприязнь можно развеять, когда откровенно выскажешь то, что накопело в душе. Высказывать прямо взаимные обиды — присуще только родичам... И тебя, дорогой Сейфулла, обвинить не в чем! Знаем, что нет у тебя лошади, но сын твой добьется своего и поедет учиться в русскую школу. Наша сноха Жамал настырная женщина, она не успокоится, пока не отправит сына на учебу. Сейфуллу с одной стороны прижимаем мы, с другой — жена, оказался он между

двух огней. И нет ничего предосудительного в том, что в трудную минуту он пришел к нам как сородич и попросил помощи. Если есть лишняя лошадь, то надо дать, но если нет, то на нет и суда нет, вот так, дорогой Сейфулла. Кстати, и у меня нет подходящего коня.

Длинно умел говорить Битабар, витиевато, мог одобрить всех, поддержать всех и, разумеется, дать в то же время знать, что и сам он ничем не в силах помочь.

Лицо Сейфуллы потемнело от гнева. Он еле поднялся с места, не зная, с какими словами покинуть юрту.

Он доплелся до своего очага, свалился, как побитый, и прснулся перед самым закатом.

Жамал и Сакен сразу поняли случившееся. Рухнула последняя надежда.

Но, как говорит пословица, раздевшись — воды не бойся.

За белыми юртами Какена стоял на привязи красавец скакун чалой масти Жезмоин — Медная шея. Какен берег его как зеницу ока, не пускал в табун, выхаживал, холил возле себя, намеревался зимой травить на нем волков. Казалось, что все особые приметы быстроногих скакунов сосредоточились в нем одном: стройный, с высокой грудью и жидким хвостом, ноги тонкие, как у горной сайги, круп, как у зайца, берет в намет сразу, без понукания и летит и прыгает, обгоняя ветер! Такого скакуна Сакен не променял бы на крылатого тулпара, восхваляемого в сказаниях!

Стреноженный рыжий конь по кличке Пузатый, с пышной гривой, прихрамывая, шел к Жезмоину. Жезмоин на привязи весело заржал, наострил уши, встречая гостя. Началось обычное в таких случаях проявление внимания: кони сошлись вплотную и начали чесаться. И Жезмоин бая, и Пузатый бедняка Азимхана паслись всегда вместе и, не зная о неравенстве своих хозяев, ревелись на равных.

Азимхан был ровесником Сакена, они дружили, а после возвращения Сакена из Успенки почти не расставались.

Стоя возле юрты, они любовались лошадьми.

— Здесь, в ауле, я надеюсь только на тебя, Азимхан, и на свою мать, — задумчиво проговорил Сакен.

— Все, что мне посылно, будет сделано. Можешь на меня рассчитывать,— ответил Азимхан.

Жамал подслушала. Ей показалось, что у юношей какой-то сговор о чем-то очень важном и тайном.

Азимхан Кожатаев зашагал домой, а Сакен вслед напомнил еще раз: «Значит, сегодня встретимся на качелях, а потом будем играть в ту самую игру...» Подозрения Жамал о сговоре укрепились. Она послала сыновей Малика и Мажита собирать шесты для качелей, после чего подозвала к себе Сакена.

— Родной мой,— сказала мать и поцеловала сына в затылок.— Скажи, почему ты такой упрямый? Я просто боюсь твоего характера. Мы-то с отцом можем потерпеть, но что будет, если ты столкнешься с другими, родной? Люди злы, они могут погубить тебя, будь сдержанней...

Сакен понял, что мать о чем-то догадывается, и это его подбодрило. Он верил, что мать всегда будет его союзником.

За аулом на скорую руку был сооружен алтыбакан — качели на шести шестах, единственное развлечение аульной молодежи в те годы. Алтыбакан, как магнит, притягивал к себе всю молодежь не только своего, но и соседнего аулов...

Первыми начали качаться Сакен и юная Жазира, дальняя родственница по матери. Они сели друг прогив друга на арканах, вытянутых, словно струны домбры. Чуть сгибая колени, они начали раскачиваться, неотрывно и ласково глядя друг на друга. Они раскачивались все стремительней, то взмывая ввысь, к звездам, то падая. Им чудилось, будто к плечам приросли крылья. Восторженный Сакен запел «Ахау Семей»:

О милая, ты, как душа, мне близка.
Лучшая из всех сверстниц своих...

Жазира знала эту песню и стала подпевать.

Далеко по бескрайней степи раздались их звонкие, молодые голоса:

Всегда, везде хочу я быть с тобой.
Огонь в душе ты не зальешь водой.
Уйти. Забыть — мое не в силах сердце.
В тебе — мой и радость и покой.

Так песней они говорили о своих чувствах.

В ночной прохладе мерно журчала речка, звучали песни, перебиваемые шутками, веселыми намеками, звонким смехом — все сливалось воедино и несло над широкой степью.

В такие часы наступала самая беспечная пора в ауле: волки, отпугнутые гомоном молодежи, не нападут на овец в загоне посреди аула. Старики могут спать спокойно — шумный алтыбакан сторожит аул.

Юноши и девушки были заняты алтыбаканом, а мальчики, которые еще не доросли до него, играли в «белую кость» — бросали в траву как можно дальше высушенную на солнце кость. Тот, кто найдет, бежит на старт, чтобы снова бросать подальше.

Когда вокруг алтыбакана собралась толпа, Сакен и Жазира уступили место гостям из других аулов, а сами ускользнули в темноту степи.

...Когда послышался конский топот, Жазира высвободилась из объятий Сакена. Подскакал Азимхан на своем Пузатом. В поводу он вел Жезмонна.

— Сакен, садись! Твоя мать сама проводила меня и благословила в дорогу. Велела не задерживаться...

Когда Сакен вскочил на скакуна, ему показалось, что он взлетел на седьмое небо.

— До свиданья, милый, — прозвучал встревоженный грустный голос Жазиры.

Голос девушки рассеял мгновенную радость Сакена. Его охватила тоска разлуки. Луна освещала смущенное и печальное лицо Жазиры. Нетерпеливый скакун, потоптавшись, взвился на дыбы.

— Счастливого пути, — прошептала Жазира, — доброго пути, Сакен!

Наутро аул всполошился — исчез любимый чалый скакун Акая, исчез, словно в воду канул. Волк ли съел, или вор увел — неизвестно. Табунщики прочесали бесчисленные косяки, пасущиеся в степи, прочесали рощи, кустарники — нигде не обнаружили скакуна, значит, сделали свое черное дело ловкие конокрады.

Волостной Какен тут же, на второй день, допросил

весь аул и скоро напал на след. Было установлено, что в ту ночь, когда молодежь увлеклась алтыбаканом, Кожатаев Азимхан и Сейфуллин Сакен вдвоем отделились от толпы под видом игры в «белую кость». Их не стали искать, никто ничего не заподозрил. А знавшие тайну Жамал и Жазира молчали.

Пошла молва, что скакуна увел не заезжий, а кто-то из местных, и не кто иной, как Уйткибек с помощью Сейфуллы, который, кстати, давно имел зуб на хозяина скакуна...

Какен хотел тут же составить протокол и послать нарочного к уездному начальнику, но, вот беда, некому составить — писарь Пантелеймон уехал в Петроград, будь он неладен! Уехал в такую даль сопровождать байского сына Акая.

Так неожиданно-негаданно нагрянула на волостного управителя беда и встревожила весь аул.

«Что же мне предпринять? — размышлял Какен, наливаясь злостью. — Прежде всего, добиться, чтобы Уйткибека и Сейфуллу отправили в ссылку. Именно они виноваты. Отобрать у них весь скот, оставить их без капли молока. Затем прижать как следует Матая и Садена — это они привозят смуту из Успенки! Если их не тронуть, то они сумеют защитить воров — за них рабочие. Не жди добра, если на корню не уничтожишь этих смутьянов. Облить их грязью, унижить, согнуть в бараний рог! Сделать так, чтобы они нигде не нашли себе спасения. Этот оборванец, сынок Сейфуллы, у которого на губах еще молоко не обсохло, без позволения увел коня! Разве это не издевательство! А что он еще выкинет, когда расправит крылья! Нет, нужно срочно принять меры! — решил Какен. — Надо, пожалуй, отправить нарочного в Акмолинск, к толмачу Шаймердену. Он служит при уездном начальнике. Впрочем, нет, нельзя, он дружит с Сейфуллой... А кроме того, когда в прошлом году Шаймерден приезжал сюда, я пожалел дать ему коня на время. Глупо, конечно, я поступил. Нужный ведь он человек — толмач при уездном начальнике».

Кстати, Какен тогда не только пожалел коня, он еще издевался над Шаймерденом, читая злые куплеты акына Тотенбая с намеками на толмача.

— Один ведь у меня конь-то. Что буду делать? На чем буду ездить зимой, если мой сынок удрал с твоим Сакеном в Акмолинск? Что мы будем делать с тобой, если обоих лошадей они сдуру продадут?— сокрушался старик.

Сейфулла резко перебил:

— Не приставайте ко мне, ради бога, меня называют вором, конокрадом!

Огорчение и стыд не давали ему покоя. Сколько оскорблений слышался он вчера от Битабара, злого бледнолицего старика. И от Какена не ждал снисхождения. Еркек-сары — тупой сорвиголова, такие злыдни встречаются лишь в сказках. Кроме личной наживы, он ничего не признает. Готов закопать Сейфулла в могилу, чтобы самому стало просторней. Торекбек хоть и ненавидел Какена, но по натуре неустойчив. Так складывалось, что только один Имамуса мог протянуть Сейфулле руку помощи. «Правдивый человек всегда смел», — думал Сейфулла и, уверенный в этом, тайком послал Уйткибека к Имамусе, позвать того на суд старейшин. Имамуса тепло встретил Уйткибека и согласился стать участником этого необычного собрания.

Но перед самым выездом Имамусы из дому произошло одно весьма важное событие, о котором пока еще никто не знал.

Первым взял слово Еркек-сары. Сопроводив свою речь, как всегда, бесчисленными пословицами да поговорками, он предложил потребовать с Сейфуллы за воровство одну корову с телятком, пятилетнего рыжего мерина, привести их сюда собственноручно и упасть на колени к ногам волостного.

— Говорят, за один проступок не бывает двух наказаний. А сколько штрафов вы уже наговорили?— усмехнулся Мирасбек.

— Во что превращается добро покойного Мустафы? Кто в лес, кто по дрова! Кого ты намерен защитить, Мирасбек: своего брата Какена или проходимца Сейфулла?— произнес с гневом Еркек-сары и окинул взором сидящих, ища поддержки.

— Если я неправ, пусть скажет слово Битабар-ага. Но незачем раздувать вражду между сородичами,— спо-

койно произнес Мирасбек и замолчал, сурово поджав губы.

Битабар пристально посмотрел на Какена, потом на Торевека, достал из кармана розовую шакшу с насыбаем, постучал ею о свою подошву, высыпал на ладонь щепотку и заложил насыбай за губу.

Потом обратился к Имамусе, как к постороннему:

— Имамуса-жан, скрывать тут от тебя нечего. Живем мы по соседству с тобой в мире и согласии. Наверно, ты сам слышал, что знаменитый чалый скакун Какена неожиданно исчез. Оказывается, сын Сейфуллы Сакен без спроса уехал на нем в Акмолинск. Вот почему мы собрались. «Каждый гость — святой», — говорят в народе. Вот и ты стал участником нашего разговора, так что я считаю уместным послушать твое решение как человека со стороны!

Какену предложение Битабара не понравилось — он знал, на чью мельницу станет лить воду Имамуса. Торевек пока скрывал свое мнение. В юрте воцарилось молчание. Имамуса многозначительно улыбнулся, и от этого молчание стало еще тревожнее.

— Я приехал получить суюнши за хорошую весть, — начал Имамуса. — Потерянный скакун нашелся, Какенага. Он жив и невредим. Сакен — сын близкого вам сородича, благополучно доехал на нем до Акмолинска, там остановился у известного вам Шаймердена, а коня отправил с Азимханом обратно. Вчера Азимхан по пути остановился у меня. Конь в теле и резв по-прежнему.

Просветлело лицо Какена. «Слава богу, — подумал он. — Боялся я, что неопытный ездок мог загнать откормленного коня».

— Если конь нашелся, так и разговору конец! — решительно произнес Мирасбек.

Торевек, страстный любитель склоки, видя, что разговор гаснет, сразу помрачнел и начал мысленно искать повод раздуть свару. Сородичи проявили хорошее понимание, дело пошло к миру, а причиной тому — благородная выдержка Мирасбека. «Неужто управлять аулами отныне будут молодые?!» — заволновался Торевек.

— Разве все дело в скакуне? — горячо заговорил вдруг Еркек-сары. — Мы собрались не для того, чтобы

взыскать с виновников стоимость чалого. Ему нет цены! Уплатить за него не хватит состояния Сейфуллы и Уйткибека, вместе взятых. Я настаиваю, чтобы Сейфулла был наказан за издевательство. Я не позволю осквернять святое место, которое нам оставил почтенный Мустафа. И тебе, Имамуса, не надо бросать искру на сухую кошму! Как бы ты заговорил, если бы завтра в святом очаге твоего отца кто-то попытался посеять раздор?

— В словах Еркек-сары — залог нашего единства, — вставил Торекбек, обращаясь к Битабару. — Увидев маленькую искорку раздора, Торекбек тут же дунул на нее.

Пережив радость от находки чалого, Какен вспомнил о своей власти.

— Нашелся скакун или не нашелся, дело не в этом! — степенно заговорил он. — Дело в другом: почему Сейфулла посмел оскорбить меня? По его наущению начинает издеваться надо мной недостойный инородец Уйткибек. Если не пресечь наглость сегодня, то завтра эти двое сядут мне на голову. Какен еще только в школе учится, а уже успел отрастить волосы! Постепенно становится русским, и скоро превратится в русского, и скоро начнет креститься. А мой сын Акай учится, слава богу, в Петрограде, и я уверен, что он никогда креститься не станет, — с гордостью заключил волостной.

Имамуса ничего не добавил к сказанному прежде. Понимая, что оштрафовать Сейфуллу теперь будет нелегко, он уехал. Имамуса также понимал, что если завтра возникнет новая распря между сородичами, то обе стороны обратятся к нему, Имамусе. И он ждал этого.

Судьи-старейшины долго и всласть ругали Сейфуллу и Уйткибека. Немало поносили отсутствующих Садена и Матая.

С этого дня мир среди сородичей нарушился надолго, и все началось со скакуна Жезмоина.

Жезмоин мчался стрелой, легко и плавно. Когда в синем мареве показались очертания Акмолинска, Какен подобрал поводья и приподнялся на стременах. Чувствительный скакун, уловив движение всадника, насторожился, шевельнул ушами и, закусив удила, пошел быстрее.

Пузатый Азимхана мчался изо всех сил следом. Лихая скачка всегда нравилась Сакену, от бешеной скорости по степной дороге он испытывал неповторимое наслаждение. Азимхан скоро отстал, и Сакен вынужден был остановить Жезмоина. Гарцуя, конь заплясал посреди дороги, ожидая отставшего.

Двое суток провели юноши в пути и вот на третьи, кажется, достигли цели.

Акмолинск... В старину он назывался Кара-откель — Черный брод. Прежде, услышав название незнакомого города, Сакен представлял, что город этот невероятно далек от родного аула. Но, оказывается, совсем нет — не месяц и не год добираться, а всего-навсего три дня.

Акмолинск совершенно не походил на Успенку, западный рудник, окруженный закопченными ветхими юртами. Здесь сверкали купола белых церквей, провожая своими крестами заходящее солнце, высились синие мечети с полумесяцем. Звон множества гулких колоколов, певучие голоса муэдзинов, возвещающих о времени молитвы, создавали свою особенную жизнь, отличную от степной, свою городскую красоту и значительность. Ветряные мельницы на холмах вокруг города, не переставая, махали широкими крыльями, словно гостеприимно зазывали путника.

Небольшой, в сущности, городок на берегу Ишима показался Сакену громадным и шумным. Юноша глядел во все глаза на дома и улицы, на людей, их одежды, удивлялся всему и немножко боялся.

— Батен, посмотри-ка, кто к нам пожаловал. Вот так здоров стал! Значит, в Успенке окончил школу с похвальным листом, а теперь приехал в Акмолинск продолжать учебу? Каков размах-то у нашего мышонка! Говорят, ты без разрешения взял знаменитого скакуна волостного и подался в Акмолинск? Молодец! Взять у сородича лишнее при нужде — это, брат, не воровство. Дают — бери, не дают — отбери! — такими словами встретил громкоголосый Шаймерден вошедшего в дом Сакена.

— Садуакас, да ведь ты совсем недавно сидел у Сейфуллы на коленях. И вот уже джигитом стал! — восхищалась вслед за ним Батима, целуя Сакена в лоб.

Это была та самая Батима, которая когда-то на саврасом коне встретила их в пути на охоте.

Отказавшись от нареченного жениха Боздака, она долго сидела в девках, а потом все-таки нашла себе человека по душе. Они поженились с Шаймерденом по любви. Он называл ее всегда ласково — Батен. Но поженились они не гладко — нарушили обычай.

Когда Батима убежала с Шаймерденом, в ауле вспыхнул скандал. Однако, боясь тяжбы с толмачом уездного начальника Акбура, отец жениха присмирел, тем более, что солидную часть выданного за Батиму калыма ему возвратили.

— Шаймерден, когда я еще была в девицах, вот этот самый Садуакас, спросил меня однажды: «Тетя, у тебя есть такой мальчик, как я?» Мне тогда стало стыдно. Но этим невинным вопросом Сакен, можно сказать, ускорил наш брак, Шаймерден. Иначе увидел бы ты меня, как видишь собственный затылок! — засмеялась Батима.

— А сама пулей вылетела из родного дома навстречу, когда мы с Сейфуллой тайком приехали в ваш аул, — усмехнулся Шаймерден. — Кто меня торопил уехать в ту же ночь, а не завтра, как мы хотели, забыла? А теперь зазнаешься! — шуточно пожурил он. — Батен, тот малыш уже не Садуакас, а Сакен. Он будет жить у нас, а когда вырастет, выучится, надеюсь, и нам поможет.

У Шаймердена и Батимы не было детей, хотя прожили они вместе почти девять лет; появление в их доме юноши, да еще сына друга, доставило им большую радость.

Шаймерден в тот вечер говорил беспрерывно. На его обычно суровом лице появился румянец. Сегодня для него и Батима еще больше похорошела, видимо, оттого, что появление Сакена возбудило в ней материнское чувство.

— Как несправедлив великий бог, что наградил Батен таким умом, красотой, выдержкой, но лишил детей, — с возмущением говаривал адвокат Рахимжан, сородич Шаймердена.

— Уж не влюбился ли ты в свою сноху? — сердилась жена Рахимжана Злиха.

Азимхан уехал домой через два дня. Сакен торопил его. Надеюсь замять дело своим авторитетом, Шаймер-

ден предложил продать скакуна: Какен, мол, ничего не сделает! Но Какен не согласился: «Отца будут презирать, вражда начнется». Какена поддержала Батима, обрисовала мужу жизнь аула, и Шаймерден сдался. Так вот и привел Азимхан Жезмоина обратно...

Первого сентября 1910 года Шаймерден сам отвел Какена в городскую школу. Через десять дней Какену исполнится шестнадцать лет. Но оказалось, что в Акмолинскую школу поступить не так просто, как в Успенке: туда принимали детей богатых, а Сейфулла всю жизнь был бедняком. Шаймерден несколько дней хлопотал, просил помощи у знакомых чиновников, пока не добился наконец своего. Какен превратился в сына состоятельного человека — стал по бумагам младшим братом волостного управителя Какена. Расходы за учебу уездный толмач взял на себя. Восьмого сентября Какен Сейфуллин занял место на последней парте.

Труднее всего давался опять же русский язык. Преподавал его Иван Федорович Токарев, человек с густыми и прокуренными усами. Он скоро полюбил старательного и способного ученика. А сколько хлопот доставляли Какену две буквы: мягкий и твердый знаки... Никак не получалось произношение буквы «т» перед мягким знаком. Какен произносил «спать», как «спят».

— Когда приедешь домой, Какен, читай только вслух. Это приучит тебя к правильному произношению,— советовал учитель.

Какен не сразу поверил: ведь у муллы Агаш-аяка он учился три года, все время читал вслух, но что толку! Еле-еле научился грамоте. В Успенке он три года читал про себя, но ему выдали похвальный лист. А здесь, в Акмолинске, ему предлагают читать вслух! Однако, если так советуют, надо принять во внимание...

Какен скоро подружился с коренастым смуглым пареньком, ходившим в холщовых штанах, в сером пиджаке, в грубо сшитых казахских сапогах и черной тибетейке — Какеном Серикбаевым. Они сидели за одной партой. По русскому языку Какен занимался лучше Какена, потому что в Акмолинске жил давно. Но лучше других

знал русский Елубай Жолаев, парень с большой челюстью, веснушчатый, в прыщах и с глубоко сидящими вкрадчивыми глазами.

Каждый день у Сакена появлялись новые знакомые. Возле магазина купца Кубрина он познакомился с Абдуллой, отец которого, Мусапир Асылбеков, служил приказчиком у Кубрина. Абдулла успел уже окончить четыре класса приходской школы, но дальше учиться не мог — не было средств, вот он и слонялся по улицам. Сакен, Бакен Серикбаев и Абдулла Асылбеков скоро подружились и после школы не расставались, всюду были вместе.

Елубай Жолаев держался особняком, нередко подсмеивался над друзьями. Он был сыном бая из знатного рода и держался надменно.

Однажды, отвечая урок, Сакен стал заикаться. С тех пор Елубай стал дразнить его «заикой». В другой раз при чтении молитвы, Сакен вместо «Боже, царя храни» с трудом выговорил «Боже, саря хорони!» Ученики расхохотались. Сакен обижался, нервничал, но потом все улаживалось.

На берегу Ишима, неподалеку от Черного брода, стояли две юрты — белая и черная. За юртами взмахивали гривами кони, связанные поводьями. Черная юрта была пуста, а белая — полна — столько собралось в ней людей. Был здесь и Сейфулла, предстоял важный разговор.

Первым взял слово Бижан. Он слыл блестящим оратором и острословом. Обращаясь к Альсену и Жомарту, сидевшим справа от него, он сказал:

— Наш дорогой Сейфулла сообщил мне вчера, что скоро, во время осенней Акмолинской ярмарки, в городе будет особый съезд. Соберутся люди из сорока восьми волостей Акмолинского уезда. Там будут и наши враги и наши друзья. Не лучше ли будет, если мы все, из родов Алтая и Тока, приедем на съезд в дружбе, отбросив всякую мелочную вражду и недовольство? Вот, к примеру, Имамуса из рода Алтай враждует с нашим Торебеком из-за того, что ушла невеста с уплаченным калымом. Какен и Еркек-сары враждуют из-за места волостного

управителя. Вы должны собрать нужных людей, пригласить прежде всего, Альсена, как одного из старшин рода Тока и волостей в низовьях реки Нуры. Собрать — и помирить их. Я был покорен мудрым советом Сейфуллы, его доводами. Так вот, сегодняшней наш сход ради этого и собрался...— Аксакал Бижан смолк.

«Хитро ты похвалил Сейфуллу, у которого образованный сын живет в доме толмача уездного начальника!»— подумал про себя Торебек и, откашлявшись, громко сплюнул.

С правой стороны Сейфуллы сидел Сакен, а с левой — адвокат Рахимжан. Все трое как бы представляли единение города с аулом и, глядя на них, можно было надеяться на примирение враждующих сторон.

Альсен поднял чашку, отпил изрядный глоток кумыса и, поставив чашку на скатерть, заговорил:

— Твои слова справедливы, Бижан. Милый мой Сейфулла, спасибо тебе, пусть не обойдет тебя бог своей щедростью. Ключ благоденствия народа в его единстве, мире и согласии. Я целиком...— Тут Альсен бурно закашлялся, будто подавился костью, и затряс небольшой бородашкой. Он был человеком вспыльчивым, говорил топорно, сбиваясь и обрывая фразы. В такой момент он походил на незадачливого охотника, погнавшегося сразу за двумя зайцами. Но в то же время он умел подчеркнуть главное и был смел, за что народ уважал его.

— Я думаю, не надо нам здесь заводить длинные речи,— продолжал Альсен,— незачем повторять допотопные причины. Все это без толку! Как говорится: «Девяносто слов имеют только одно важное содержание». Я предлагаю: пусть те, кто моложе, встанут и подойдут к старшим враждующей стороны и с истинным уважением к ним протянут свою руку мира. И тогда — конец всякой вражде!— решительно закончил Альсен.

Первым поднялся Имамуса и, подойдя к Торебеку, дружески подал обе руки. Однако Торебек нахмурился, встрепенулся и, будто ужаленный змеей, сказал:

— Альсен-ага, вы хотели лишить нас всех прав говорить, но я все равно выскажу свою обиду. Обездоленный Имамуса, которому я помог жениться и стать человеком, начал строить всякие козни против меня же, своего бла-

годетеля. Как говорит народ: «Мной же выхоженный козленок мне самому не дает покоя».

Торекбек говорил гневно и, разволновавшись, даже не смог выговорить сполна свою обиду... Имамуса же молчком сел на место, будто и не слышал слов Торекбека.

Теперь взоры сидящих обратились на Еркек-сары — он моложе Какена по возрасту, ему полагалось бы подняться и подойти. Но Еркек-сары даже не встрепенулся, сидел красный и толстый, как бурдюк.

Тогда Битабар встал, подошел к Еркек-сары и, взяв под мышки, попытался приподнять его со словами: «Вставай же, Еркек-сары, ведь люди ждут тебя, ты что с ума сошел, Еркек-сары? Иди же к своему старшему брату Какену, помирись...» Но толстокожий упрямец Еркек-сары остался недвижим и только сказал в оправдание:

— Ну что изменится, если мы подадим друг другу руки? Мы делаем это ежедневно, когда здороваемся... К тому же я написал уездному начальнику жалобу на Какена. А сегодня возьму обратно и больше не буду враждовать. Конец нашему раздору! Таммати тамом¹! — так закончив, Еркек-сары взял чашку с кумысом и, отпив несколько глотков, зачмокал.

Однако присутствующих его слова не удовлетворили. Вместо того, чтобы прямо сказать по-казахски: «Теперь конец нашей вражде», Еркек-сары словчил, пообещал арабскими словами, заученными у муллы Агаш-аяка. Никто не мог с уверенностью сказать, как следует понимать эти слова с двояким смыслом — то ли вражде конец, то ли Какену.

Тут подал голос Сейфулла. Лицо его потемнело от гнева, будто только что его опалило пожаром: «Разъяренный человек от высказывания, а раздетый от воды — не отступят», — говорит пословица.

— Эй, Битабар, что стряслось с тобой, как ты смеешь унижать достоинство нашего славного предка Макажана? Для чего ты по-рабски вставал и умолял Еркек-сары подойти к Какену?! — одернув таким образом Битабара, Сейфулла молча оглядел всех. Похоже, что большинство

¹ Таммати тамом — конец всему (арабское присловье).

остались довольны его началом, да и сам Битабар не разозлился.

Сакен смотрел на отца с удивлением и восхищением, как будто видел его впервые.

Сидевшие справа от Сейфуллы аксакалы рода Тока — Бижан и Альсен сделали легкий жест рукой, прося Сейфуллу продолжать. Сейфулла давно ждал возможности излить накипевший гнев.

— А вы, Еркек-сары, напрасно петушитесь! Если вы сейчас не подойдете с миром к Какену, то посмотрим, что с вами будет дальше! Здесь не долина реки Есен, где вы можете позволять себе, что угодно, здесь окрестности города Акмолинска, и вокруг вас сидят люди многих славных родов и волостей. Здесь найдутся люди, чтобы вышибить спесь из башки зазнайки!

Не устоял Еркек-сары. Едва смолк Сейфулла, как он встал и подошел к Какену с протянутыми руками. Все вдруг приумолкло. До сих пор молчавший Рахимжан, обращаясь к Битабару, сказал:

— Вот какие дела, Битабар. Твой авторитет как аксакала не подействовал на Еркек-сары, а вот ругань Сейфуллы стала ему поперек горла и привела в чувство...

Вокруг рассмеялись. Битабар не остался в долгу:

— Твоя правда, Рахимжан. Как говорит пословица: «Кто имеет младшего брата, тот может и отдохнуть». Еркек-сары издавна уважает младших братьев, особенно Сейфуллу.

Всем понятна была ядовитая ирония Битабара. Обстановка накалилась, и, видимо, не желая, чтобы сход перешел в очередную ссору, заговорил Какен:

— Альсен-ага, я не хочу говорить о таких мелочах, как женитьба наших младших братьев, о чем тут разглаговльствовали некоторые.

Волостной хотел сразу убить двух зайцев — увести в сторону разговор о Еркек-сары и задеть одновременно Торебека.

Но это ему не удалось. Еркек-сары не успел еще сесть на свое место, как Альсен сказал:

— Дорогой Еркек-сары, подай заодно руку примирения и Жомарту. — Альсен кивнул на белого как лунь старца Жомарта, которому перевалило за восемьдесят.

Однако Еркек-сары молча сел на свое место. Такое дерзкое непослушание одних рассердило, других ужаснуло, третьих привело в недоумение. Все сидели, как истуканы, не зная, что сказать. И только на лице одного человека не было заметно никаких следов волнения — на лице самого Жомарта, много пережившего, много видевшего умудренного долголетней жизнью аксакала. Со впалыми щеками, с густой сетью морщин, похожих на паутину, с белыми длинными бровями, Жомарт сидел, как призрак, и потому слабый голос его прозвучал особенно внятно:

— Дорогой Альсен,— в юрте наступила гробовая тишина.— Правду ты говоришь, дорогой Альсен, правду говорит и Еркек-сары. В самом деле, что особенного сулит нам рукопожатие, которое совершается среди нас каждый день?— продолжительно помолчав, старец заговорил снова.— Я вспомнил сейчас одно событие старины и хочу рассказать вам. Давным-давно это было. Тогда я был еще мальчиком и только-только начал вникать в дела взрослых. Город Акмолинск тогда походил на деревню. Наш род был малочисленным, всего лишь два-три аула, и жили мы спокойно и в согласии. И вот в один черный день наши мирные аулы попали в беду и не могли сами из нее вывернуться. Еще вчера мы жили между собой, как голуби, и вдруг джигиты перестали внимать словам аксакалов, сыновья не слушались отцов. То один, то другой начали мчаться с доносами в Акмолинск к уездному начальнику. Чтобы одержать верх над противником и выиграть тяжбу, начали давать взятки уездному. Прямо в руки давать боялись, а совали через толмача и адвоката — через этих холуев и хитрецов. Вот такие времена начались, Альсен... В один прекрасный момент, когда молодые в городе были заняты склокой и передачей взяток городским чиновникам, собрались на сход почтенные аксакалы аула. Умудренные жизнью старики решили узнать, что же произошло, за что покарал нас бог, навлек такой позор на наш мирный род? Ведь еще вчера мы жили, как один, а теперь... Может быть, все дело в какой-то нечистой силе? Есть такое поверье старинное, что с появлением в ауле невесты из другого рода или пастуха-инородца, пораженного нечистой силой, непре-

менно разразится беда. Старики подумали — может быть, так оно и есть? Принесли в жертву несколько баранов, помолились богу и разошлись, чтобы всех расспросить и проверить свое предположение. Но по божьей воле оказалось, что за последние годы в наш род не пришла ни одна невеста со стороны, не появился ни один пастух из другого рода. Как же так? Ведь какая-то причина беды должна быть, ведь без причины ничего не бывает! И оказалось, что в этом году родился, появился на свет божий наш дорогой Еркек-сары... Пусть живет и здравствует наш дорогой шалун Еркек-сары, ведь он редкий баловень судьбы, он родился, держа в горстях сгустки крови. Так что, дорогой Альсен, оставь надежду, что наш род придет к единению и кончит распри, пока живет Еркек-сары! Пусть он живет и благоденствует до тех пор, пока существует мир!— Последние слова Жомарт закончил совсем тихо и медленно, после чего негромко кашлянул, отпил глоток кумыса из чашки, и взгляд его опять стал бесстрастен и старчески неподвижен. Сидящие также подняли свои чашки и выпили по глотку кумыса, следуя примеру аксакала. Один только Еркек-сары остался недвижим: как изваяние сидел, глядя вниз, в одну точку...

Не дожидаясь бесбармака, Рахимжан вышел из юрты, кивнул Сакену следовать за ним. Они сели на коней и двинулись в сторону Акмолинска.

— Кто такой этот Жомарт?— поинтересовался адвокат после долгого молчания.— Речистый старик, лучшего говоруна в ваших краях, пожалуй, не сыщешь.

Сакен усомнился в этом и сказал, что в их ауле живет аксакал по имени Уйткибек. Он умеет говорить гораздо лучше Жомарта, но его словам никто не внимлет, потому что Уйткибек пришел из другого рода и к тому же беден.

— А бедных везде теснят,— заключил Сакен.

Весь путь до города они вели теплую непринужденную беседу. Старший по возрасту Рахимжан старался, чтобы больше говорил юноша, и Сакен успел ему рассказать все, что знал о взаимоотношениях людей в их округе, о повадках и делах Какена, Битабара и Сейфуллы и о том, что, несмотря на родственную близость и богатство, волостной никогда не помогает Сейфулле. Го-

ворил он и о расприх между главарями родов из-за поста волостного и о том, что эти распри возникают только среди богатых и исходят от зависти друг к другу. Какен высказал свое расположение к Имамусе. Хотя тот из рода Алтай, вроде бы чужой, но он очень умен и правдив и в решительный момент может всегда оказать помощь тем, кто стоит за правду. Какен враждует с Имамусой из-за скакуна Жезмоина. Сегодня об этом спор не поднялся. Аксакал Альсен — мудрый человек, он сразу дал понять, о чем не следует говорить. Торобек и Имамуса ведут тяжбу из-за калыма. Несколько лет тому назад алтайцы взяли из аула Торобека невесту по имени Айша. Но, едва выехав из аула, Айша сбежала к своему брату в Успенку. Тогда все главари рода Алтай приехали на Успенский рудник, чтобы отобрать силой невесту, за которую платили калым. Но рабочие Успенских рудников защитили Айшу — ведь ее брат тоже был рабочим на руднике, а спайка у рабочих крепкая. Вот с того времени между ними не кончается тяжба...

Выслушав Какена, Рахимжан задумчиво проговорил:

— Пока не будет равенства, пока не избавимся от темноты народной — не жди мирной жизни в среде казахов. Главное, мой Какен, учись! Недаром в народе говорят: «Силой поборешь одного, а знаниями — тысячу». Те отцы, которые собрались в юрте, ненавидят не только друг друга, но и нас недолюбливают, и виноваты в этом мы сами, потому что, нередко сознавая, где правда, где ложь, мы сами становимся невольными соучастниками гнусных дел. Отрадно пока одно — натура родовых стервятников, думающих только о своем брюхе, как видишь, противна седовласому старцу Жомарту. Он перевидел всякое на своем веку! Бесчувственный чурбан Еркек-сары никак не может уразуметь всю глубину горя народного!.. — Рахимжан был взволнован и говорил сердито. — Но ты, Какен, постарайся быть другим, не таким, как наше поколение. Ведь большинство из нас — неучи! Верно сказано: Ученье свет, а неученье — тьма...

Возле своего дома, спешившись, Рахимжан сказал:

— Завтра воскресенье, приходите к нам с отцом и матерью в гости. Прошу, дорогой Какен, с этого дня считать мой дом своим!

В воскресенье была осенняя ярмарка. Торговля шла бойкая, как говорится: «Не успеешь и бороду погладить, как уже сторговался». Степные казахи, удачно продавшие скот, чувствовали себя на седьмом небе. Не прогадали и покупатели, одним словом, и тем и другим кажется, что все люди на ярмарке — с прибылью.

У городского люда не такая широкая натура, как у степняков. Кто связан с базаром каждодневно, тот любит счет каждой копейке.

В этот день в гости к Рахимжану Дусенбаеву пришел Шаймерден с молодыми джигитами — Сакеном и его товарищем Бакеном. Сакен по такому случаю приоделся. Выглядел он славно, юношеские усы стали чернеть, волнистая шевелюра буйно спускалась из-под бархатной тюбетейки, а косоворотка из синего сатина подчеркивала его статью и стройность.

Гости церемонно поздоровались с хозяином и хозяйкой и завели непринужденный разговор. Кроме толмача с джигитами, к адвокату пожаловал кое-кто из уездных чиновников. Одеты они были по-разному: кто по-европейски, кто по-татарски, а кто смешанно.

Сам Рахимжан был одет изысканно, с белым воротничком и галстуком, был он высок и сутуловат, с рыжеватыми волосами, зачесанными назад так гладко, будто их заливал теленок.

Пока Рахимжан занимал гостей, его жена Злиха вместе с Батимой пошли готовить на кухню. Здесь они имели возможность посудачить наедине.

— Не нравится мне это платье, — заметила Батима недовольно. — Но муж говорит, так надо, красивое, говорит, платье, и сидит хорошо. А я думаю, обманывает, просто не хочет меня расстраивать!

Батиме хотелось пустяками вовлечь жену адвоката в разговор.

— Нет, зачем ему обманывать, — отозвалась Злиха. — Платье твое на самом деле красивое и сидит хорошо. Вот эта складка на груди широковатая. А мой муж подарил мне цветастое голубое. Оно мне тоже не очень нравится, но складка там лучше, чем у тебя.

И Злиха тут же начала перечислять все свои туалеты, весь сундук, по фасонам, размерам, цвету...

нашем искусстве, но исполнителей, к сожалению, с каждым годом все меньше и меньше. Таких кобызистов, как Ихлас, и певцов, как Шакиш, сейчас мало у нас.

— Сейчас люди заняты делом, им некогда заниматься пустозвонством,— сказал свое мнение Шаймерден. Пока пели татары, он скучал и с трудом удерживался, чтобы не прервать их.

— Эх, Шаймерден-ага, для вас, кроме «бери» и «давай», ничего в мире не существует!— едко отметил Рахимжан.

Замечание Рахимжана понравилось Сакену. Третий год квартируя в доме толмача, Сакен еще ни разу не осмелился играть на домбре в открытую, считая, что городские люди не понимают домбры, что народный инструмент слушают только в аулах. Теперь, услышав из уст коренного горожанина, известного адвоката, интеллигента теплые слова о домбре, Сакен посмотрел на Рахимжана с признательностью и некоторым удивлением. Затем он перевел взгляд на своего отчима Шаймердена и как бы сравнил его с адвокатом на весах мудрости...

По просьбе присутствующих Сакен поиграл ради вежливости на домбре и попросил молодого татарина поиграть еще на гармонике.

Тот заиграл шуточную «Бисакай». Старик тотчас, мешая татарские и казахские слова, начал подпевать быстрым речитативом:

Легковерный Бисакай,
Когда корову доишь,
Когда корову доишь,
Садись на землю крепче, Бисакай!

На этот раз Шаймердена проняло. Он рассмеялся до слез, повторяя: «Вот так штука! Значит, крепче держись за землю при дойке коров, да?»

Старик оказался знаменитым акмолинским певцом Газизом, о котором Сакен много слышал, но еще ни разу не видел его. Газиз был давнишним приятелем Рахимжана и частенько закахивал в его дом. Сегодня же его пригласили в гости Еркек-сары и Торебек, которые стояли на квартире кумысницы Акжайкау. Идя к ним, Газиз зашел сюда по пути. Повеселив всех шуточной песней,

Газиз и молодой гармонист выпили по две чаши кумыса и ушли.

— Добра от баев не жди, если они появились в городе,— сказал Рахимжан с раздражением, имея в виду Еркек-сары и Торебека.— Опять на кого-то донос привезли!

— Тяжба из-за сбежавшей невесты закончена, из-за Жезмоина — тоже,— поразмыслил вслух Шаймерден.— Зачем же они пожаловали? Или опять из-за невесты? Опять из-за поста волостного управителя?..

— Нет, Шаймерден-ага,— с сомнением покачал головой Рахимжан.— Вчера я был свидетелем, как они помирились по старой распре. Там и Сакен присутствовал. Зачем, спрашивается, после перемирия им понадобилось ехать в город? Тут, конечно, дело нечистое. Как хорошо сказал о них наш великий Абай:

Если спросишь, в чем умней,
Чем же славится злодей?
Неужели тем, что строчит
Он доносы на людей?..

Лицо Рахимжана помрачнело, как небо перед ненастьем. Сакен взял книгу стихов Абая, лежавшую на столе хозяина, и стал листать ее, Бакен подошел к нему и, склонив голову набок, тоже стал разглядывать. Видя такую картину, Рахимжан сказал потеплевшим голосом:

— Если вас всерьез заинтересовал Абай — возьмите книгу себе! И другие книги можете брать. У меня есть «Хрестоматия» Ибрая Алтынсарина на казахском языке, труды Чокана Валиханова на русском, несколько номеров нашего журнала «Айкап». Это первые ласточки новой весны...

Пока юноши разглядывали книги, старшие заговорили о последних событиях.

Итак, едва примирившиеся вчера «батыры» сегодня снова схватились. Еркек-сары и Какен опять хотят разбить малочисленный род на два лагеря. Вдобавок, волостной Какен предъявил иск Имамусе на своего скакуна Жезмоина, который после возвращения из Акмолинска вдруг захромал. Единственная вина Имамусы в этом громком деле заключалась в том, что он пустил ночевать

Азимхана. А кто из степных жителей откажет в ночлеге путнику, нарушит добрый обычай предков? Какена, однако, беспокоила не столько хромота Жезмоина, сколько мстительное желание навредить Имамусе за то, что тот поддерживает Сейфуллу. Вот какое запутанное дело получилось и стало осложняться все больше и больше всяческими наговорами с обеих сторон. В конце концов история дошла до уездного начальника. И толмач его и адвокат были хорошо во всем осведомлены.

— Скажи, ну какая мне польза от того, что эти враги помирятся?— сказал Шаймерден и деланно рассмеялся.— Лишь бы не пострадал при этом мой друг Сейфулла.— Толмач украдкой глянул на Какена, заметил пристальный взгляд юноши в свою сторону и моментально перестал смеяться. Рахимжан обратил на это внимание.

— Да, Шаймерден-ага, мы все думаем только о себе,— сказал адвокат,— за что степные казахи нас недолюбливают, и совершенно справедливо. Вчера я в этом убедился... Но на этот раз вы просчитались. Именно вчера эта тяжба была закончена,— продолжал Рахимжан, улыбаясь многозначительно и неискренне только губами, в то время как глаза оставались холодными.

— Как же это у них получилось?— спросил Шаймерден, не в силах скрыть заинтересованность.

Но разговор прервала Злиха, сказав, что обед готов и пора садиться за дастархан.

Сакен и Бакен после бесбармака ушли, взяв книгу стихов Абая, а толмач с адвокатом продолжали беседу.

— Ваш приемный сын нравится мне,— сказал Рахимжан.— Вчера мы с ним возвращались с этого самого собрания и в пути много говорили. Он, оказывается, хорошо закончил школу. Теперь, пожалуй, надо бы послать его в Омск.

— На этот раз придется уже самому Сейфулле раскошелиться, у меня денег нет... Сакен пишет стихи и, наверное, хочет стать учителем. Пожалуй, направим его в Омскую семинарию,— помолчав, Шаймерден вернулся к тому, что его задело прежде.— Ты только что говорил о примирении враждующих сторон. Скажи, почему так быстро закончилась давнишняя тяжба?

Рахимжан громко рассмеялся.

— Я пошутил, Шаймерден-ага. Пока будет жив Еркек-сары, тяжба среди них не закончится, так что за себя вы можете не беспокоиться.

Адвокат попал в самую точку — Шаймердена на самом деле беспокоила возможность примирения. Если не будет тяжбы, чем же тогда кормиться толмачу уездного начальника?

Рахимжан был умен, он хорошо знал, понимал сложность родовых отношений в аулах и смотрел на них с отвращением. Понимал он и Шаймердена и сожалел, что не было здесь, в Акмолинске, в канцелярии уездного начальника, настоящего честного человека, с которым Рахимжан мог бы подружиться и хоть в какой-то степени улучшить нравы аула.

Осенью 1913 года Сакен приехал в Омск и поступил в учительскую семинарию. Поселился он на квартире Мукана Айтпенова.

Жена Мукана Батиш была очень гостеприимной, с открытой душой, вот почему в доме Айтпеновых было всегда полно молодежи.

В семинарии Сакен сдружился с Абилем Досмагамбетовым и Жумабаем Нуркиным.

Однажды Абиль привел Сакена и Жумабая в рощу на берегу Иртыша. Здесь собралась почти вся учащаяся в Омске казахская молодежь.

Первым выступил, открывая собрание, Альжанов.

— Исполнилась наша заветная мечта — мы объединились. С этого дня существует наша молодежная организация «Бирлик»¹. Поздравляю всех присутствующих! — Сделав небольшую паузу, чтобы подчеркнуть торжественность минуты, Альжанов продолжал: — Наша задача — открыть глаза широким массам народа и поднять угнетенных против царского самодержавия. Для своей борьбы мы должны создать типографию, купить наборный станок и печатать наши призывы.

Не так давно Альжанов был осужден за революционную деятельность, но бежал из тюрьмы, работал в Пет-

¹ Б и р л и к — единство.

рограде и сюда прибыл несколько месяцев тому назад. Пронзительный взгляд впалых глаз и улыбка, мгновенно меняющаяся на суровость, без лишних слов показывали, что это человек бывалый и стойкий.

— Если революция свершится,— продолжал Альжанов,— а в этом уже нет сомнений, и двуглавый орел падет, то мы не должны сидеть сложа руки. Мы должны с оружием в руках выйти на битву, чтобы добыть угнетенным казахам свободу и равенство! Оставаться в стороне от борьбы не должен тот, у кого есть хоть капля гражданской совести...

Хотя организация называлась «Единством», но единства на первом собрании добиться не удалось. Против Альжанова пылко выступил молодой поэт Жаметей Жоргабеков:

— Какое нам дело до русского царя!— с жаром воскликнул он.— Мы должны бороться за свою самостоятельность! Все казахи — братья, зачем их делить на богатых и бедных?! Если мы не утвердим идеи Кенесары-хана, то пусть мы будем прокляты!..

Он говорил страстно и торопливо, выкрикивал слова, как шаман заклинания, на губах его выступила пена, а лицо почернело, как после пожара.

— Эй, Жаметей, ты ведешь себя по пословице: «Ешь за здорового, а бредишь, как больной!»— осадил его Абиль Досмагамбетов.— Неужели можно сравнить русского царя с русскими мужиками-переселенцами? А разве нет разницы между казахским баем и бедняком-пастухом? Когда управлял Кенесары-хан, кому жилось весело? Баям. Кого они пинали в грудь? Несчастливого бедняка. Испокон веков у нас ведется смертельный бой между бедными и богатыми. Не позор ли поэту, образованному человеку, не замечать этого? Только притворившийся слепым не заметит верблюда! Мы знаем, что среди казахов есть два класса. Точно так же и у русских. Поэтому надо правильно подходить и решить: кто из нас на чьей стороне? Сам я на стороне трудового рабочего, который хочет революцию. Я верю, что и казахов, и русских избавит от рабства только простой трудовой люд! Пусть навсегда исчезнут все богатеи — и русские, и казахские! Пусть навеки сгинет слава разбойника

и кровопийцы Кенесары! Борьтсья против русских за казахских богачей — значит толкать народ на унижение, значит предавать простых людей. Это не борьба за равенство, а продажа трудового народа!..

Поднялся шум и гам, жаркий спор, в общем: «Один резал, другой рвал, третий в почках ножки искал».

Мукан Айтпенов присоединился к группе Альжанова. Сакен и Абиль — тоже. Злой Жаметей тут же начал иронизировать: «Альжанов уродился готовым революционером», и «красавчик» Сакен, важный франтик, туда же лезет. А имя Абиля переименовал и прозвал его «слизистым черным».

Но четверка друзей осталась непоколебимо спаянной.

Собрание произвело на Сакена сильное впечатление.

После собрания Сакен впервые задумался над тем, почему так отличается революционер Альжанов от толмача Шаймердена. Что теперь делать, как относиться к толмачу, ставшему для Сакена по воле рока добрым отцом?..

Дома поздней ночью он написал стихи:

Видя слезы несчастных,
Я сам становлюсь одиноким.
Эти слезы несчастных —
Мои огневые строки...

Свое новое стихотворение Сакен посвятил Абаю.

Для учения в Петрограде у Акая оказалась жила тонка, и он приехал, сбежал, в сущности, в Омск вместе с неразлучным Пантелеймоном.

Сакен к тому времени уже два года проучился в Омской учительской семинарии, стал зрелым джигитом — ему исполнилось двадцать лет. Встретились они с Акаем по-дружески, обнялись и не вспоминали ни давние стычки, ни историю с Жезмоином. Сакен даже пытался сдавать экзамены вместо Акая, но Пантелеймон, натерпевшись от недоросля всякого, не позволил, сказав, что хватит именованному оболтусу лодыря корчить.

Во время зимних каникул Акай решил поехать в родной аул на почтовых. Сыну богача при деньгах не страшно зимняя дорога, однако смущало его одно обстоятельство — что сказать отцу, как объяснить, почему не до-

учился и позорно сбежал из Петрограда. После недолгих раздумий Акай ухватился за Сакена, как за палочку-выручалочку. Если приехать в аул вместе с ученым сыном Сейфуллы, то все подумают, что и Акай учится вместе с ним, не отстает.

...Впервые за долгие годы учения Сакен приехал в родной аул.

Сейфулла чувствовал себя на седьмом небе — как никак сын без пяти минут учитель! Даже сам Битабар пригласил Сакена в гости, сказав при этом:

— Если издалека приедет шестилетний, то его должен встречать даже шестидесятилетний. Я приехал за тобой, Сакен-жан, чтобы ты отведал у нас почек¹, для тебя сбереженных моей женой. Приезжай вместе с матерью, со своими братьями и не забудь малышку Салиму!..

Так пришлось выразить Битабару свое внимание к Сакену впервые за всю жизнь.

Перед отъездом в гости Жамал подошла к одевающемуся Сакену и долго любовалась сыном, как будто впервые его увидела. Потом поцеловала его в обе щеки.

— Желаю тебе долгих лет жизни, мой жеребеночек. Помни, что счастливому воробью угождает даже могучий орел. Только не зазнавайся, не перечь старшим, дорогой, и не вмешивайся в мелкие дрязги своих родичей.

Сакен в детстве всегда слушался мать, и сейчас, повзрослев, он тем более считал своим долгом и в своих силах исполнить материнские наставления.

Сакен побывал также в гостях у волостного. Пригласил его сам Какен через Акая и Пантелеймона и увез его на озеро Кок. Родичи долго не отпускали Сакена, приглашали, возили его из аула в аул, и только один раз ему удалось переночевать в своем доме....

Какен, помня нарекания уездного толмача: «Не знаешь русский язык, невежда!», решил на всякий случай пригреть будущего учителя из Омска. Волостной рассуждал так: «Этот мальчик живет в одном городе с самим генерал-губернатором... Значит, надо его прибить — может пригодиться».

¹ У казахов бараньи почки хранятся для угощения детей.

— Эй, Жамал, заткни дыру в окне, опять погода испортилась,— сказал Сейфулла.

Свернув в комок старую кошму, Жамал заткнула дыру.

Наступили сумерки, а Сакен не появлялся. Сейфулла прилег на постель возле печи. Здесь тепло и уютно, если не считать блох.

— Пусть его пощадит аллах,— произнесла Жамал.

Она прядла козий пух, намереваясь связать Сакену теплый пуховый шарф в дорогу. Через день-два Сакен снова уедет в Омск.

Дверь со скрипом отворилась, и белый морозный пар ворвался в теплую комнату.

— Ассалаумагалейкум¹,— донесся знакомый стариковский голос.

— А, Уйткибек,— Сейфулла приподнялся в постели.— Как там погода, не разъяснилась?— в голосе его звучала тревога.

— Что-то вы загрустили. Едва Сакен отлучился, так вы сразу скисли,— покашливая усмехнулся Уйткибек.

— Что поделаешь — сын родной!— ответила Жамал.— Как приехал, всего разок ночевал дома, мы и насмотреться на него не успели... И когда будет конец этой долгой учебе?.. Разве можно сравнить учебу в Успенке или Акмолинске с учебой в Омске? Тогда он был рядом, а теперь, как у черта на куличках... Приехал на неделю, да окрутил его сынок волостного, увез.

— Не кручинься, сноха, радоваться надо такой дружбе. Кстати, я зашел тебе сказать, что со стороны озера Кок мчится на санях целая орава. Видать, твой сынок возвращается из гостей, так что вари мяса казан. Мой Матай тоже с ними, дьявол, гонит коней, как угорелый, будто собирает людей на похороны отца...

Не успели они разговориться, как в дом ввалились десять человек. Громче всех первым приветствовал хозяев Матай. Последним поздоровался рослый, посолиднейший, ставший совсем городским Пантелеймон.

— А-а, Пантелеймон, проходи вперед,— узнал писаря Сейфулла.

¹ Приветствие у мусульман.

— О, боже, отец Сакена, разве вы не видите, что перед вами стоит Акай. Он подает вам руку,— заметила Жамал, стягивая за рукав чапан с Сакена.

— Проклятая коптилка не светит, подлей жира, Жамал, да подними фитиль,— отозвался Сейфулла, подавая Акаю обе руки для приветствия и указывая ему место справа от себя.

— Жамал, подай Акаю подушку, пусть приляжет,— сказал Сейфулла.

Вместо Жамал подал сверстнику подушку Сакен. Надо сказать, что в семье Сейфуллы к Акаю относились иначе, чем к его отцу. Сегодня они принимали не сына волостного управителя, а товарища Сакена.

Глянув на задремавшего Акаю, Пантелеймон ухмыльнулся. Значение его ухмылки ни Уйткибек, ни Сейфулла пока что не поняли.

Опекун Акаю Пантелеймон был приставлен к отпрыску волостного самим Какеном перед отправкой на учебу в Петроград. Писарь и до этого учил Акаю русской грамоте и больше чем вдоволь насмотрелся на его повадки и манеры. Когда Пантелеймон видел кого-нибудь лежащего на боку, квелого и с сонными глазами, он всякий раз замечал: «Точь-в-точь, как наш Акай!» и громко смеялся.

— Голубчики мои, чем сидеть молча, лучше б рассказали, какие новости у русских? Правду говорят, что турецкий султан Ануарбек вместе с Германией выступил против русских? А кто, по-вашему, победит: германцы или наш белый царь?— живо спросил Уйткибек, переводя взгляд с Сакена на дремавшего Акаю.

— Если русского царя побьют, то, наверное, вам не будет легче, аксакал,— не без ехидства ответил Сакен. Его карие глаза загорелись, а под черными усами сверкнула легкая усмешка.

Пантелеймон одобрительно кивнул Сакену и спросил:

— Уйткибек, вы заплачете, если царя сбросят с трона?

— Я пока не сошел с ума, зачем мне плакать!— возмутился старик.— Если царь слетит — пусть летит. Что хорошего я от него видел? Пусть плачут Какен и Еркексары, которые при нем блаженствуют!— Уйткибек удо-

влетворенно выпрямился и расчесал пальцами свою бороду.

— Милый Сакен, скажи, в Омске много таких, как ты, которые учатся? Или ты один? — спросила Жамал. — Не скучно ли тебе в одиночестве? Есть ли там казахи, или только одни русские?

Если говорить правду, Жамал не имела никакого представления об Акмолинске, ни тем более об Омске. Она думала, что там загадочные жуткие места, как в сказке, где у птиц от жары сгорают крылья, а у коня лопаются копыта...

— В Омске, мама, казахов меньше, чем в Акмолинске, — охотно пояснил Сакен. — Однако нельзя сказать, что их совсем нет. Вместе со мной, например, учится Жумабай Нуркин из рода Керей, сын бедняка. Учатся многие дети богатых из разных аулов, но с ними я мало дружу...

— О, это хорошо, что есть товарищи, хоть помогут, если заболеешь... — проговорила Жамал и, успокоившись, пошла к очагу.

Ко времени приезда Сакена в родной аул Успенская (Нельдинская) волость разделилась на две: волостным управителем Ерке-сая стал Еркек-сары, а Успенки — Какен. Борьба между ними длилась несколько лет, Какен не хотел упускать единоначалия, но в конце концов уступил Еркек-сары. Упрямый властолюбец Еркек-сары, имевший большие отары и табуны, сумел подкупить уездного начальника, толмача и чиновников и тем самым добился разделения одной волости на две. Какен старался не отстать в подкупе, но все-таки своего не отстоял, а вскоре и пожалел, что зря тратился. Во-первых, разделение избавило его от лютого врага Еркек-сары, а во-вторых, Какену нужно было не единство рода, а должность волостного и спокойствие, уверенность, что под его должность никто больше не станет подкапываться.

Разговор о том о сем, как всегда, переключился на главное, и вот что услышал Сакен.

Между Торебеком и Имамусой все еще продолжалась

тяжба из-за калыма, уплаченного за Айшу. Тяжба перешла в барымту¹. Осенью прошлого года в урочище Аккудук стычка возле табуна закончилась резней, и началась новая тяжба, на сей раз за убитого человека. Воскресла опять тяжба из-за Жезмоина. Если род Алтай требовал возместить калым за сбежавшую Айшу, то род Тока в ответ угрожал взыскать за охромевшего Жезмоина, которому прежде цены не было.

Имамуса был умен, понимал, что к чему, и провести его было нелегко. Отношения между родами ухудшались с каждым днем. Но все понимали: если грянет бой, то алтайцы не дадут в обиду своего Имамусу. Если поднимется весь род, то несдобровать никому из соседей, потому что у алтайцев двенадцать волостей, а в роде Тока — всего лишь девять...

Рассказывая подробности, Сейфулла делал вид, что обращается к Уйткибеку, а Уйткибек, в свою очередь, прикидывался внимательным слушателем, будто впервые слышит. Обоим, разумеется, хотелось знать, что скажет Сакен, который знает все законы и учился по-русски. Но старшие не хотели навязывать ему своего мнения, пусть Сакен пораскинет своим просвещенным умом. Выслушав отца, Сакен долго молчал, обдумывая, затем заговорил:

— Тратят свое добро на взятки, терпят убытки, подлизываются к начальству, как собаки, кормят и поят их до отвала, из шкуры лезут вон, чтобы стать волостным! А добившись хоть призрака власти, мчатся в аул и начинают запугивать темных несчастных людей, сдирают с них то «рамат», то «кара-шыгын»¹, чтобы восполнить свои убытки. Продают дочерей за калым, а если дочь уйдет к любимому, начинается резня... Когда он сгинет, этот проклятый обычай казахов?! Ведь у культурных народов такого не бывает.

— Голубчик мой, ты прав, на языке твоём — мед. Ты верно говоришь о несправедливых делах своей знати, но все это мы и без тебя знаем. А ты вот скажи нам, как

¹ Барымта — вооруженный угон скота с целью возмещения убытков.

² Рамат — налог, который сдается в казну; кара-шыгын — налог в пользу местной знати, дословно «черный убыток»

думают образованные, какой есть путь избавления, научи нас!— осторожно вставил Уйткибек.

— Я не всемогущий бог, аксакал, я не могу учить,— ответил Сакен,— но думаю, что единственно верный путь — в сплоченности. Ведь не смогло множество алтайцев отнять несчастную Айшу, приютившуюся на Успенке. Почему? Потому что там рабочие сплотились и защитили ее. Родовая вражда хоть и продолжается, но Айша вышла замуж за любимого человека по своей доброй воле. Скажите, кто сильнее? Один волостной или шестьсот семей в его подчинении? Если все твердо решат постоять за себя, то победа неизбежна!— решительно заявил Сакен.

— Из рода Тока сколько человек учатся сейчас?— гнул свое Уйткибек, не слишком веря в слова Сакена.

— По-моему, трое — Асылбеков Абдолла, Омаров Ашим...

— Ну еще, допустим, ты,— перебил старик.— Вот вас трое, и если добавить Акая, получается лишь четыре человека!— с глубоким сожалением заключил Уйткибек.— Не дожидаться мне, пока весь наш род станет грамотным, нет, не дожидаться...

— Еще несколько наших учатся, но Сакен их не признает,— сказал Акай, встряхиваясь ото сна и зевая.

— По-видимому, Сакен не учитывает тех, из которых сорок не стоят одного настоящего,— понимающе вставил Пантелеймон.

Сакен посмотрел на писаря и отметил про себя, что тот заметно изменился, стал говорить недомолвками и безусловно знает что-то важное, иначе не держался бы так уверенно, гораздо увереннее, чем до поездки в Петроград...

Вошла Жамал и попросила молодежь пройти в другую комнату.

— Правильно, давайте перейдем,— согласился Матай, приподнимаясь. Сакен и Пантелеймон последовали за ним.

А в комнату хозяина зашли старухи, собравшиеся возле Жамал на кухне.

— Эй, «круглый сирота», теперь не отделаешься, да-

вай той устраивай! Помнишь, ты обещал на берегу Есена или уже позабыл?— наперла на Сейфуллу Жадыра.

— Нет, не забыл, вот с наступлением весны справлю,— ответил довольный Сейфулла, и на лице его появился румянец.

— Как быстро проходит время!— продолжала изумляться Жадыра.— Ведь только вчера, кажется, мы перекочевывали на берег Есена. В те дни Сакен только начинал говорить, и я учила его считать по пальцам.

— Я тоже ему показывала каждый палец и говорила: а ну повтори, как называется!— сияя от удовольствия, подхватила Жамал.

— Пожалуй, скоро сватать ему невесту придется,— задумчиво проговорил Сейфулла.— Если Сакен согласится, сосватаем ему Жазиру.

Наступило молчание, тема эта, видимо, была настолько важной, что никто не решался высказать своего мнения. Сейфулла это понял и продолжал:

— Любил сказки маленький Сакен, досаждал мне с ними каждый день. Ничего не поделаешь, пришлось рассказывать. Как-то раз поведал я ему о батыре Ер-тостике. И когда стал рассказывать про его коня Шалкуйрыка, Сакен-жан даже привстал и сидел, как натянутая струна.

Уйткибек тоже решил внести свою долю в воспоминания:

— Да, он и меня всегда просил рассказать про Шалкуйрыка,— сказал он.— Я тогда сразу подумал, что если будет жив Сакен, то выйдет из него настоящий человек. Но чтобы не сглазить, я тут же отворачивался и сплевывал через плечо...

— Наверное тебе туго пришлось тогда, старина. Ведь ты ни одной сказки не знал, всему у меня научился!— ввернула к слову Жадыра.

— Ах ты, старая злодейка, подстерегаешь меня на каждом слове, как черная оспа здорового человека,— шутливо огрызнулся Уйткибек.

Разговор перебили звуки домбры из комнаты молодых. Это лихо играл Матай.

— Приоткрой дверь, Жамал,— попросил Сейфулла.— Мы песни послушаем.

Первоначально дом Сейфуллы состоял всего из двух комнат — большой и маленькой. Маленькую комнату Жамал называла «уютом Сакена». Сейчас большая комната разделилась длинной печью, и образовалась еще и кухня.

Сидя в «уюте Сакена», Матай пел песни на слова Сакена, на первые его стихи, которые в прошлом, в 1914 году, были изданы в Казани под названием «Минувшие дни».

«Мудрому и вдумчивому твои слова — как золото, беспечному и шалому — как ветер, проходящий стороной», — протяжно закончил Матай.

Увидев, что Сакен недовольно поморщился (видимо, ему не совсем нравились свои стихи), Матай передал ему домбру со словами:

— Сакен, сыграй терме¹, а я спою твой стих: «Назовем вожаком того, кто укажет нам верный путь, кто закончит с былыми раздорами»...

Сакен кивнул, заиграл, и Матай спел его стихи до конца. Сакен улыбнулся на этот раз, довольный своими словами.

— Молодец, — бодро поддержал его Уйткибек.

— А теперь, Сакен, спой сам, спой! — настойчиво попросил Пантелеймон.

Сакен настроил домбру и протяжным тихим голосом запел недавно сочиненные им стихи «В летнюю ночь».

Когда тебя возьмет степная тишь
И ночь светло сомкнется над тобой,
Ты будто рядом с звездами паришь
Над черною невиданной землей.
Когда идешь вдоль берега реки,
Когда тебя родной аул зовет,
В твоей душе нет места для тоски,
В твоей душе любовь и свет поет.
Ты торопился много раз домой,
Когда нависших облаков края
Высвечивала ранняя заря
И солнце поднималось над тобой...

— В твоей песне, Сакен, точно описана та самая ночь, когда наш аул стоял на берегу Есена и к нам приез-

¹ Терме — попури из казахских мелодий.

жала Жазира, — заметил Матай. — Ей-богу, очень похожа! Эх, и боевая же эта девушка Жазира!

Если разобраться, намеки старой Жадыры насчет той, которые она высказала Сейфулле, касались именно сватства этой девушки.

Жазира, дочь Мендыбая из рода Каракесек, доводилась семье Сейфуллы дальней родственницей, каких обычно называют «седьмая вода на киселе».

В прошлом году, когда аул стоял на берегу Есена, Жазира приезжала сюда вместе с матерью. Шестнадцатилетняя девушка была так стройна и тонка, что, казалось, могла бы пролезть сквозь перстень. Тонкие черные брови, ясные черные глаза и маленький точеный носик, яркие губы и мелкие, как жемчужины, зубы. Над губой справа у нее темнела тонкая родинка, придававшая Жазире еще большую прелесть. Она была в белом шелковом платье с двумя оборками, в бархатной безрукавке, стянутой в талии, гибкая, как лозинка, в бобровой шапочке с пучком перьев, пестрых — филина и черных — журавля.

Они качались на алтыбакане, и при лунном свете в таком одеянии Жазира казалась Сакену сказочной гурией.

С той встречи прошел год. Сакен снова уехал и в Омске встретил красавицу Гулю, шуструю, востроглазую, игривую девушку. Глядя на нее, Сакен вспоминал Жазиру и чьи-то слова о том, что подлинная земная красота рождается только от чистой любви...

Вчера, выезжая из Акмолинска в родной аул, он снова вспомнил степную красавицу Жазиру и стихи Абая о «тихой ночи при светлой луне и о лунной дорожке на дрожащей воде...» Тогда он и написал стихи «В летнюю ночь» в подражание своему кумиру.

— Матай, спой-ка ты какую-нибудь небылицу, а то всякие назидания уже надоели, — сказал вдруг Пантелеймон. — Я их слышался в петроградской полиции.

Сакен насторожился, хотя никто, кроме него, не придал значения упоминанию о полиции — все были заняты думброй и песней.

— Дети, бесбармак готов, мойте руки! — слышался

голос Жамал.— Да разбудите Акай, он, бедняжка, устал, наверное, а здесь некому его пожалеть.

— Никто его не мучил, мамаша, и поклажу на его спине не возили, таким уж он уродился,— отозвался Пантелеймон, тормоша уснувшего Акай.— Эй, Акай, сыночек бая, божий баловень,— Пантелеймон громко рассмеялся.

— Да, можно сказать, он вырос у Магомета за пазухой,— добавил Сакен.

Пантелеймон вслух одобрил слова Сакена, сказав, что русские часто говорят: «Он вырос у Христа за пазухой».

— Одним словом, удачно сказал джигит,— заключил Пантелеймон.

Акай, решив спросонья, что хвалят его, улыбаясь, спросил у Пантелеймона:

— Скажи, кто в Петрограде называл меня магометанским?

— Кому не лень, разве всех упомнишь,— ответил писарь.

Молодежь с шутками приступила к бесбармаку. Два брата и три сестренки Сакена вплотную уселись возле большого блюда.

Жамал несколько раз пыталась прогнать их: «Идите к отцу, не мешайте гостям»,— но они не слушались, да и к тому же за малышей заступился Сакен, дескать, пускай сидят, ведь мяса всем хватит.

Младшая сестренка Сакена Салима, осмелев от защиты брата, приползла на коленях поближе к блюду.

— Куда ты лезешь с ногами!— хотела укоротить ее сестра постарше, Халима, но самая старшая, Рахима, приструнила обеих:

— Как вам не стыдно!

Тем не менее Салима, не придавая значения своим обычным «недругам», запускала пухленькие пальчики в блюдо и уплетала за обе щеки. Халима от нее не отставала. Матай не успевал крошить мясо, стараясь и себя не обидеть.

— Матай! Себя не забудь,— подзадоривал его Пантелеймон.

Три дня они все вместе гостили у Какена и Битабара. И всюду Матаю доставалось крошить мясо. Но там

блюдо было большим, мясо — горой, сколько ни ели, блюдо наполнялось вновь и вновь, так что Матаю только и приходилось уговаривать то одного, то другого: «Ешьте, ешьте!» — и слышать в ответ то же самое.

Но сегодня блюдо опустело быстро, то ли оттого, что гости явились с мороза и проголодались, то ли оттого (и это вернее), что у Сейфуллы мяса было не так уж много. Когда осталось два-три кусочка, Сакен предложил: «Бери, Акай, очень вкусно», — и пододвинул блюдо к нему.

— Я наелся до отвала, — пробормотал Акай, при этом положил в рот солидный кусок, а остатки подвинул Пантелеймону.

— Нет никакой радости угощать других, когда мяса в избытке, — проговорил Матай многозначительно. — А вот когда мяса мало, тогда можно проявить уважение к другим: ешь ты да угощайся ты, как, например, сегодня. Но еще лучше будет завтра, когда вы приедете в гости к нам, — Матай рассмеялся.

После бесбармака все вышли на улицу.

Погода прояснилась, но подул ветер, метя поземку. Луна стояла над головой, затянутая легкой морозной пеленой.

Пантелеймон вышел в одной рубашке и сразу продрог. Обходя небольшой стожок сена, Пантелеймон заметил Сейфулле:

— Если весна затянется, то к лету ты останешься совсем без скотины...

Сейфулла и без него знал, только вздохнул и ничего не ответил.

Вернулись в дом. Здесь тускло горела свеча. Акай прилег на одеяла и сразу захрапел на весь дом. Пантелеймон поставил на край плиты сушить свои пестрые валенки, а сам босиком прошел в комнату и подсел к Сакену.

— Почему не спишь? — спросил он, усаживаясь по-казахски, умело скрестив ноги.

— Да что-то не хочется, — ответил Сакен. — Рассказал бы, какие новости в Петрограде.

— Новостей в Питере много, — протяжно и загадочно ответил Пантелеймон. — Мы с тобой еще, Сакен Сейфуллаевич, попируем в той столице!

Сакен посмотрел на него с любопытством — Пантелеймон говорил необычным, многозначительным, тоном.

В комнате стоял полумрак, свеча догорала и пахло паленым жиром. Пантелеймон неопределенно помычал, не зная, с какого конца начать разговор с юношей. Тогда Сакен решил пойти ему навстречу и своей откровенностью вызвать на откровенность Пантелеймона.

— Я несколько раз бывал на собраниях молодежной организации в Омске, но толком не могу понять, что делать. Один шумит об одном, другой — совсем о противоположном. Кого слушать — не знаю. Приезжаешь в аул — здесь грызня из-за места волостного, долги за невесту, один другого убить готов. Три года я проучился на руднике, среди рабочих, но и там не видел ничего отрадного; куда ни глянь, всюду оборванные и голодные, обездоленные бедняки. Два с лишним года я учился в Акмолинске, жил на квартире у толмача Шаймердена. И он, бедняга, тоже, как собака, виляет хвостом перед уездным начальством и кормится подачками... Есть там Рахимжан Дуйсембаев, умный человек, но что он может сделать один? Вот я и стал все чаще задумываться: когда, с чьей помощью казахи добьются равноправия? Что для этого нужно делать?

Пантелеймон понимающе кивнул, легкая улыбка осветила его лицо.

— Я доволен, Сакен, что ты чистосердечно говоришь со мной — с Пантелеймоном Дудкиным, писарем волостного управителя Какена. Этой твоей доверчивости я ждал. Хорошо, что ты любишь правду и справедливость. Однако хочу дать тебе совет: будь осторожен, не лезь напролом, не то сорвут голову раньше времени. На твою откровенность и я не останусь в долгу. Но только смотри, держи язык за зубами! Давеча, когда я сказал о петроградской полиции, ты насторожился. Я это заметил и подумал — неспроста парень наострил уши! А теперь я постараюсь ответить тебе на вопросы, которые ты мне задал. Ты говоришь, что среди молодежи, которая учится в Омске, нет единого мнения — один тянет в лес, другой — по дрова. В ауле только и знают, что рвутся стать волостным; рабочие в Успенке не организованы — тоже кто куда; а чиновники в городе берут взятки. В конце

концов, из множества людей ты нашел одного порядочного — Дуйсембаева...

— Это я для примера, — уточнил Сакен. — Разве может быть у большого народа только один порядочный человек?

— Вот это правильно ты сказал. Значит, не зря побывал в разных местах. — Пантелеймон помолчал, подбирая слова. — Только ты со мной и впредь будь откровенным, ты теперь грамотный, не надо вилать. Я разговаривал со многими образованными казахами, и почти все они жалуются, что земли казахов день ото дня ограничиваются, что переселенцы забрали у них много земли. — Пантелеймон пристально посмотрел на Сакена.

— Вы правы, многие так думают. До приезда в Омск я тоже был такого мнения, но знаю, что и русские делятся на богатых и бедных. Я не понимал, что русские мужики показали казахам цену их же земли. Мы ведь только одну поверхность ценили — луга, покосы, — места, куда удобнее перекочевывать на лето с отарами и табунами.

Пантелеймон удовлетворенно крикнул, довольный понятливостью собеседника.

— Ты верно подметил, Сакен, — не все русские живут одинаково, здешние переселенцы — бедняки. У нас говорят: от добра добра не ищут. Лихая беда заставила мужиков уйти за тридевять земель от родных краев. А разве мало обездоленных среди казахов? Ты сам знаешь, кто такие Саден и Матай из Успенки. А в ауле — Уйткибек и Дукен. Они столь же несчастны, как и переселенцы! Если погнать царя, если познать хоть малую долю свободы и равноправия, то все бедняки-переселенцы сражаться пойдут заодно с казахами. Но для этого казахской бедноте нужно раскрывать глаза. Перво-наперво нужно бороться с неграмотностью! Для этого написано много книг, и ты должен их знать, хотя бы часть их. Я работал на Петроградском заводе и знаю много соколов, которые скрывались до поры до времени от царского надзора. Но они не дремлют, они агитируют бедных против царя. Их возглавляют большевики, и главный учитель у них — Ленин. Его много раз ссылали, его помощников бросали в тюрьмы, но от этого они ста-

ли еще закаленное.— Пантелеймон понизил голос.— Я ведь тоже не просто писарь, присланный царем, я здесь в ссылке. Ты взрослый и честный джигит, прошу о нашем разговоре — никому ни слова. Я совсем не Пантелеймон Дудкин, а Лазарев Иван Николаевич. Я бежал из Иркутской тюрьмы. И помогли мне, от смерти спасли вот эти самые мужики-переселенцы. С их помощью я попал писарем к казахскому волостному... Вот такие дела, Сакен. Я верю, что придет время, когда ты не раз вспомнишь писаря Пантелеймона, зачуханного переводчика.— По лицу Ивана Николаевича скользнула легкая усмешка.

Говорил он с волнением, то краснел, то бледнел. Сакен слушал его с благоговением и сочувствием. Он еще раз убедился в том, что не так-то легко и просто бороться за свободу трудового народа!

Когда-то Альжанов говорил о существовании у русских двух классов, и поэтому смотреть на них нужно по-разному. То же самое Сакен услышал и сегодня от русского революционера, живущего под чужим именем. Перед глазами Сакена встало его детство, отец, пасший табуны богача, мучения Уйткибека, Дукена, Садена, Матая!.. «Значит, главная задача — раскрывать глаза людям, учить их, вывести из тьмы к свету!..»

Свеча догорела, пыхнула последней струйкой копоти и погасла.

После необычной беседы с писарем Сакен долго не спал.

Восхождение

I

За городом на берегу Иртыша стояла ободранная юрта пастуха Борибека, который пас коров омских жителей. Рыжий, рябой старик, с низким лбом и воспаленными глазами, он из года в год терпеливо занимался одним и тем же, и его ветхая юрта, похожая на одинокую могилу, не привлекала особого внимания горожан.

Именно здесь и решили собраться на очередной сход члены молодежной организации «Бирлик». Сходились по одному, не спеша, ныряли в юрту и ждали там остальных.

Борибек угнал скотину на выпас, и в юрте было пусто.

Сакен пришел в форме семинариста с начищенными медными пуговицами, в синей форменной фуражке, изпод которой выбивались черные как смоль волосы.

Они пришли сюда вместе с Гулей, и пока шли, девушка держалась за руку Сакена. Часто спотыкаясь, она невольно прижималась к его плечу.

Вслед за ними пришел пучеглазый джигит, поэт Жаметей с девушкой Газизой, за ними широколобый Абиль и коренастый кудрявый Токтар. Жаметей сегодня напудрил лицо, как девица.

К полудню собралось шестьдесят три человека. Они были из разных слоев населения, и почти у каждого была своя, можно сказать, доморощенная программа. К примеру, Жаметей и Токтар утверждали, что следует добиваться такого единства, о котором говорили наши предки, — пусть царь сидит себе на троне, он нам не мешает, а мы должны уважать своих главарей рода, биев, и не сеять раздоров в своей среде. «Мы должны уважать и поддерживать сливки общества...»

Но Альжанов, Абиль Досмагамбетов и Сакен Сейфуллин стояли за революцию, за сокрушение царизма. Они считали, что времена неограниченной власти ханов,

третейских судей и всяких чиновников прошли, чаша народного терпения переполнена. «Какая польза народу от сливок, если они попадают только в рот бия?»

Мнения сегодня окончательно разделились.

Альжанов еще три года тому назад говорил: «Если будет свергнута династия Романовых, триста лет сосавшая кровь России, и там начнется битва за свободу, то и мы должны взять в руки оружие и пойти вместе с ними!» Сакен не раз поддерживал предложение Альжанова и напоминал о том, что еще давным-давно слепой мудрец Кара Керей говорил: «Из всех видов оружия выбирай ружье, ибо оно при переходе послужит тебе посохом, при голоде добудет пропитание».

— Если Россия свергнет царя, то и мы должны изгнать своих ханов, третейских судей и беков! — говорил Сакен сегодня.

Тут Жаметей вскочил, словно его ужалила змея.

— Пусть тешат себя надеждой на свободу длинноухие ослы и тупорылые свиньи! Нам с Россией не по пути!

С напудренным лицом Жаметей в эту минуту был похож на покойника.

— Длинноухими ослими ты называешь трудового казаха, а тупорылыми свиньями — русских рабочих, мы это понимаем, — продолжал Сакен. — Но погоди, они еще заставят тебя лизать свои ноги... Колесо истории не повернешь вспять.

Сакена поддержали одобрительными возгласами. После этого выступил Абель Досмагамбетов и решительно поддержал Сакена. В конце концов большинством было решено поддержать вооруженное восстание.

После собрания вскладчину устроили ужин. Когда первое блюдо с бараньей головой Абель поставил между Гулей и Сакеном, Жаметей не удержался от ехидного замечания:

— Какая надобность ставить почетное блюдо перед дочерью торгаша, разбогатевшего на продаже подсвечников! Казахи должны уважать только потомственных богачей.

Гуля покраснела, не зная, что ответить.

— Торговец подсвечниками все же как-то трудится,

а вот те, что в семи поколениях пожирают чужой труд, их, кроме как паразитами, не назовешь, не правда ли?— сказал Сакен.— Может быть, поэту понравится, если почетное блюдо поставят перед потомком грабителей?

Жаметей побагровел даже сквозь пудру, вскипел, готовый затеять драку. Но и Сакен был не робкого десятка. Их разняли.

Абиль Досмагамбетов внес предложение прекратить спор и попросил поэта прочесть свои стихи.

— Ну-ка, Жаметей, начинай!

Напудренный поэт не заставил себя долго уговаривать и, горделиво откинувшись, начал:

Джигиты Кенесары все храбры, как волки,
И в юрте сидят только на почетном месте...

— Ну, поэт Сакен, теперь твоя очередь. Да жаль, что нет домбры, он хороший домбрист,— объявил Абиль, одновременно представляя Сакена и обнаруживая свое расположение к нему.

— Пусть читает без домбры!— слышались голоса. Сакен начал так:

Тупой невежда не поймет меня,
Ведь в решете не держится вода.
А умный человек поймет меня:
В сосуде собирается вода!

Сакен читал, в упор глядя на Жаметя. Вокруг понимающе заулыбались.

— Еще, еще!— слышались голоса.

— Сакен, прочти стихи, посвященные степной красавице,— попросил Абиль.

Покоисься ты в сладкой истоме,
Как белый непослушный олененок.
Твой стан, как гибкая лоза,
И черные глубокие глаза.
И светел лоб,
И талия тонка,
И зубы блещут, словно жемчуга.
И дышит грудь — нежна и высока.
И ласкова покорная рука.
Улыбка, как весенняя заря.
И щеки, словно яблоки, горят.

Такая ты — красавица степная.
Хочу обнять тебя.
А как — не знаю.

Читая стихи, Сакен смотрел на Гулю.

Но девушка ничего не знала о степной красавице Жазире и принимала эти строки в свой адрес. Не только из-за девичьего тщеславия, ей сейчас очень хотелось, чтобы стихи Сакена были талантливее стихов Жаметея и чтобы присутствующие поняли, что Сакен обращается не к кому иному, как к Гуле. Была на это особая причина. Дело в том, что шумливый и пылкий Жаметей в первую встречу привлек внимание девушки, и ей даже показалось, что она влюбилась. Но день за днем она убеждалась, что Жаметей прежде всего пустозвон, ничего в нем нет от современного молодого семинариста, попугай внешне и попугай по существу — знай повторяет избитые истины старших.

Гуля смотрела на Сакена взволнованно и думала, что сегодня она наконец нашла своего избранника...

И на этом собрании члены «Бирлика» не пришли к единству и никакой общности в интересах и высказываниях не обнаружилось.

2

В Омске в те годы жили казахи трех сословий: учащиеся, грузчики речного порта — здоровенные широкоплечие джигиты и, наконец, мелкие торгошники и извозчики.

Когда Сакен и Гуля подошли к дому капитана Танакоева, мужа старшей Гулиной сестры, здесь собралась толпа казахов всех сословий и возрастов. Не успели Сакен и Гуля разузнать, в чем дело, как открылись большие тесовые ворота и сухопарый подтянутый офицер лет сорока с золотыми погонами широким жестом пригласил всех войти. Сакен и Гуля растворились в этой толпе.

Во дворе было нарядно убрано — персидские ковры, стоял круглый казахский стол, накрытый шелковой, с кистями, скатертью, а вокруг него разостланы для сидения самые дорогие шелковые и бархатные одеяла. Одна-

ко убранство в целом отдавало безвкусной старой роскошью. Свежий кумыс из небольшого торсука в молодой небогатой семье не сравнить с застоявшимся кумысом, долго хранившемся в заплесневевшей сабе¹). Запах нафталина от залежавшихся в сундуке вещей, кажется, только сегодня увидевших свет, резко бил в нос.

На середину вышел мужчина в военной форме с гладко выбритым подбородком и длинными усами. Слуги выстроились неподалеку от него, жадно лоя глазами жесты этого человека. Это и был Жанузак Танакаев, окончивший Омский кадетский корпус, а затем Военную академию в Петербурге, потомок именитого хана.

Люди недоумевали: с какой стати пригласил их этот золотопогонник, который раньше на улице не достаивал их даже кивком головы? А сегодня такой приветливый, такой скромный, будто не обидит овечку! Что с ним случилось? Может быть, времена изменились? Или просто-напросто, учась в чужих городах, высоко взлетевший соплеменник соскучился по своему народу, по родному языку?.. Возможно, потомок хана, насытившись царскими почестями и золотыми погонами, решил отречься от былых благ и вернуться к простому народу? Тогда к чему эти сверкающие пуговицы, эти вонючие роскошные ковры?..

Нет, тут какая-то тайна!..

Люди молчали, выжидая. И Танакаев заговорил:

— Есть такая поговорка: «Сколько волка ни корми, он все равно в лес смотрит». Хоть я и получил от царя золотые погоны, но всегда был и остаюсь вместе с казахами. А для того, чтобы вы не принимали меня за чужого, я пригласил вас всех к себе, уважаемые гости. Не думайте обо мне плохо.

В толпе вздохнули с облегчением — от Жанузак Танакаева можно было ожидать и худшего. Старшие стали громко благодарить и благословлять Танакаева на большие дела.

Затем наступила тишина, и Сакен громко сказал:

— Голодный волк в поисках добычи смотрит в степь

¹ Торсу́к — маленький кожаный сосуд для кумыса; саба — большой кожаный сосуд.

и воев, а волк, сожравший отару овец, спокойно сидит на верхушке сопки.

Один из грузчиков с Иртыша, рослый и уже в годах, подтолкнул в бок Сакена и поддержал:

— Да, разные бывают и волки и люди, каждый хорош по-своему. Да только добра от них не увидишь. А теперь что — можно разойтись по домам?

Стоявшие рядом с золотопогонником стали прощаться с ним. Танакаев пристально посмотрел на Сакена, едва сдерживая злость.

Гуля, играя глазками и улыбаясь, протянула руку Сакену, приглашая его войти в дом. Ей хотелось поговорить с ним, показать свою роскошную комнату, но Сакену после такой любезности хозяина не хотелось оставаться здесь.

На улице его неожиданно остановил рослый и еще крепкий старик-казах.

— Голубчик мой, я тебя задержу на минутку, — проговорил он. — Говорят: «От приятной внешности можно ожидать только приятное».

Сакен вопросительно посмотрел на незнакомца, не зная, что ответить.

— Ты мне показался славным малым, — продолжал старик. — Ты чей?

Сакен коротко представился.

— А меня звать Жуманом. — Старик помолчал и сказал с неожиданной укоризной: — Неплохо, конечно, погулять и повеселиться. Однако, дорогой, не будь падким на все, что красиво!

— Я не совсем понимаю вас, — холодно произнес Сакен. — Вы начали с поговорки: «От приятной внешности следует ожидать только приятное», а закончили: «Не будь падким на все, что красиво!» Как вас следует понимать?

— Голубчик мой, то и другое верно, только в разных случаях жизни... Ты заметил, конечно, что дом Танакаева красиво убран, да и сам Жанузак выглядит молодцом. Все это хорошо, как ты думаешь? — глядя в упор, спросил старик.

— Аксакал, вероятно, вы убеждены в том, что все образованные казахи безоговорочно защищают бед-

ных. Отчасти вы правы, но...— Сакен затруднительно помолчал.

— Согласен, что среди образованных бывают и сорняки, вы правы,— подхватил старик. Я вырос в ауле Каржае, на том берегу Иртыша, недалеко от Омска. Вот уже двадцать лет я живу в Омске. Я видел раньше, как этот самый Танакаев Жанузак даже на улице всегда брезгливо смотрел на казахов. А сегодня ни с того ни с сего пригласил нас, рабочих. Вот чего я никак не могу понять,— высказался наконец Жуман.

— Конечно, в этом есть какой-то скрытый смысл,— согласился Сакен.— Жанузак недавно вернулся с русско-германской войны и наверняка знает какие-то недобрые для себя новости. Но хотя он и собрал рабочих, но на самом деле «сколько волка ни корми, он все в лес смотрит» — эти слова точно к нему подходят,— усмехнулся Сакен.

— Светик мой, я сразу понял, к чему ты сказал тогда: «Сытый волк, сожравший отару, спокойно сидит на вершине сопки и озирается вокруг». Эти слова тоже подходят к Жанузаку. Он озирается, потому что боится народа, вот пригласил нас. И не от чистого сердца, а лишь бы уберечь свою голову. А Гуля, если ты не знаешь, младшая сестра жены Танакаева, смотри, голубчик, не попадись! — заключил Жуман.

Сакен ничего не ответил. Гуля ему казалась нежным ковылем среди сорняков семьи Танакаева. Казалось ему также, что Гуля останется такой же чистой и непорочной впредь. Но — кто знает, что будет завтра?..

3

Настало лето 1916 года. Сакен окончил учительскую семинарию и получил назначение в Бугулинскую волость учителем в новую школу. По дороге туда он заехал в Акмолинск, в дом Шаймердена.

— Как я рада за тебя, Сакен! — встретила его Батима со слезами на глазах. Она заметно сдала за эти годы, осунулась, постарела.

Сакен поинтересовался, где Шаймерден, почему его нет дома.

По лицу Батимы прошла тень. Не хотелось ей отвечать на такой вопрос, но утаить от Сакена она ничего не смогла.

— Шаймерден, твой второй отец, богатеет день ото дня,— ответила Батима со вздохом.— Народ бедствует, страдает, скотина дохнет, неурожай... Имамуса и Альсен в тюрьме теперь, все добро родов Алтай и Тока в руках Шаймердена. Раньше он был толмачом уездного начальника, а теперь повысился, досталась ему должность адвоката.

— А что делает дядя Рахимжан?

— Он остался верным сыном народа. Когда стало невозможно видеть, как грабят аулы, Рахимжан отказался от своей должности,— с горечью продолжала Батима.— Сейчас он дома сидит, без работы... А недавно уездный начальник для подавления бунта послал пятьсот солдат в аулы. И представь себе, твой отчим собрался их сопровождать! Я отговаривала его от гнусного поступка, да куда там! Раньше все считали, что я нашла себе достойного мужа, а теперь я только внешне живой человек, а в душе только дым и пепел. Он не человек, а красиво одетое чучело. Правду говорят люди: не так легко научиться быть умной, надо такой родиться...

С мрачными мыслями уезжал Сакен из Акмолинска, из гнезда, которое он так любил прежде и считал родным.

Но в Бугулинскую волость ему сразу попасть не удалось — акмолинские власти послали молодого учителя на перепись населения.

С этим заданием он выехал в Ерейменскую волость и там в доме своего товарища Елубая Жолаева, племянника волостного управителя, он прочитал только что полученный «июньский указ» царя о мобилизации на тыловые работы казахской молодежи от 19 до 31 года.

Весть молнией облетела степь. Аулы взбудоражились. Указ царя восприняли, как черную оспу, свалившуюся на народ. Испуганные люди в панике бросились бежать в глухие уголки степи. Волостные управители и толмачи, верные царские слуги, стали теперь злейшими

врагами народа. Волнения в степи помешали Сакену закончить перепись в порученной ему волости. О переписчиках распространился слух, будто они являются тайными агентами царя и под видом всеобщей переписи собирают сведения о джигитах, чтобы взять их с солдаты. В ауле сразу же перестали давать подводы и лошадей. Сакен кое-как добрался до Акмолинска, где пешком, а где на попутных... От всего увиденного и пережитого, он не знал, что теперь делать, чем заняться.

Остановился он, как и прежде, у Батимы. На другой день сказал, что хочет поехать в родной аул.

— Не хочу оставаться в стороне, будь что будет!— Лицо Сакена стало бледным, осунувшимся.— Переживу бурю вместе со всеми.

Батима понимала его терзания и не хотела перечить.

— Что же, сынок мой, если задумал, то поезжай, счастливого пути! А с Шаймерденом о моей беде не заводи речи, я сама с ним поговорю,— попросила Батима.

Перед самым отъездом Батима достала из своего кармашка сложенную записку и, подавая Сакену, сказала:

— Сакенжан, чуть не забыла. Вчера на улице Пантелеймон дал вот эту записку и очень просил меня передать ее тебе по секрету. Просил не показывать ни одной живой душе, передать лично тебе в руки!

Сакен сел на коня с запиской в руках.

Батима долго смотрела ему вслед. Сакен казался ей молодым соколом, который, взлетел пока еще на слабых крыльях, но направление взял верное.

— Дорогой мой сокол, пусть будет твой путь счастливым...— прошептала Батима, вытирая рукавом слезы.

Время за полночь. В темной юрте, стоящей на краю поселка Успенского рудника, тускло светится лампа, еле разгоняя полумрак. Трое мужчин тихо говорят между собой. Вокруг юрты не спеша прогуливаются еще двое. Изредка они останавливаются, незаметно оглядываются по сторонам. Двое снаружи — это Саден и Матай, а трое в юрте — Сакен, Иван Николаевич Лазарев (он же Пантелеймон) и дядя Коля, сосланный в Успенку большевик, родной отец Романа Николаевича Склянкина, ко-

торый когда-то учил Сакена русскому языку в Успенке. Сакен пришел сюда по записке, переданной ему Батимой.

— Народ бушует, как море,— глуховато говорил Лазарев.— Но главный ураган еще впереди. А пока есть немало вопросов, которые надо как следует обдумать и что-то решить. Здесь наша основная сила — рабочие, на них можно положиться. Они все понимают, все чувствуют. Не зря я здесь встретил и дядю Колю...

— Сын мой Роман ушел в этом году в Спасск, агитирует там полным ходом,— заговорил дядя Коля.— Как только Россия даст сигнал, мы сразу выступим. Здесь сил достаточно, а вот какие у вас новости?

Сакен был взволнован тем, что солидные люди так доверительно с ним говорили. Он рассказал о волнениях в Ерейменской волости, о том, как самому ему удалось взбудоражить кое-кого и уже из Акмолинска направить на озеро Кургальджин нескольких толковых молодых джигитов, чтобы они спланировали темных аулчан и указывали, с кем конкретно следует вести решительную борьбу.

— По пути из Акмолинска сюда, в поселке Захаровке, я встретился с Омаром, одним смелым человеком, нашим сородичем,— продолжал Сакен.— В деревню он пришел к мужикам за оружием и выпросил у одного берданку. Меня он встретил с радостью. Передай, говорит, привет своему отцу и скажи, что в Сары-Адыре поднялся народ отстоять себя. Но у нас совсем нет оружия, только топоры и пики, да на две тысячи человек всего четыре берданки, двенадцать двустволок и две сабли... Это ведь курам на смех, разве попрешь против пушек Николая. Так что передай отцу своему, Сейфулле, пусть поможет, чем может! Я пообещал ему связаться в Успенке с вами и попросить оружия. Омар уехал с надеждой.

— Можешь считать, Сакен, что твое обещание Омару уже выполнено,— сказал Лазарев.— Дядя Коля послал им шестьдесят винтовок, двенадцать наганов и двадцать одну саблю — все это вчера утром отправили в Сары-Адыр. Кстати, наш с тобой аул тоже откочевал в ту сторону. Только одна юрта Какена осталась на берегу озера Кок. Меня он не отпускал ни на шаг, но ска-

зал, что нам без охраны оставаться страшно и надо, мол, привести сюда солдат. Спасти, значит, волостного,— и рассмеялся.

Сакен рассказал, что назначен учителем в Бугулинскую волость, в шестидесяти верстах от Акмолинска.

— Но теперь мне совсем не хочется ехать туда. Страшно мне за людей! Ведь все они темные, неграмотные, с голыми руками выходят против царских солдат, вооруженных до зубов. Будь что будет, но я хочу испытать все тяготы вместе с народом. Другого выхода у меня нет.

В голосе молодого учителя звучала решительность, но, глянув на своих собеседников, Сакен понял, что слова его не зажгли ни Лазарева, ни дядю Колю.

— Нет, браток, так нельзя!— сказал наконец Лазарев после затянувшегося молчания.— «На любого батыра хватит всего лишь одной пули»,— верно говорят в народе. Твоя помощь нужна не в отрядах, там ты пользы принесешь не много. А ты лучше иди учителем, обучай детей и молодых джигитов и склоняй их на борьбу— ведь ты теперь грамотный, знаешь, куда народ должен направить свое оружие. А здесь мы пока справимся без тебя.— Голос Лазарева звучал сурово.— Со временем и ты вступишь в борьбу, но не спеши пока, занимайся своим добрым делом...

— Ты переживаешь за свой народ, Сакен, боишься, что с голыми руками ползет он против винтовок,— заговорил дядя Коля.— Вот для того мы здесь и не спим ночей, горячая ты голова, чтобы поднять русских мужиков на помощь аулам. И когда мы их объединим— вот тогда «из искры возгорится пламя»!

В юрту вошли Саден и Матай.

— Уже светает,— сказал Матай простуженным голосом.— Кони оседланы, можно ехать.

— Помни, Сакен, что мы тебе сказали, езжай в школу,— твердо повторил Лазарев.

Когда Сакен вышел из лачуги, восток уже светлел, и вместе с зарей стало светлее на душе Сакена. Нет, его народ не останется одиноким в своей борьбе, нет, не останется. Сакен верил этим людям, с которыми он провел бессонную ночь в разговоре.

Заря светила, как надежда.

Дядя Коля — Николай Петрович Склянкин, потомственный рабочий из Питера, был человеком достаточно образованным. Жизненный опыт научил его понимать людей и ценить их.

Глядя на статного, рослого и красивого Сакена, на его осанку, на то, с каким достоинством и искренностью он тепло попрощался со своими товарищами, Николай Петрович заметил Лазареву:

— Не раз мне приходилось слышать, каким красивым мужчиной был лорд Байрон, поэт. А разве наш Сакен не красив? И красота его мужественная, восточная, пылкая.

Лазарев слушал и довольно улыбался — как-никак он много лет прожил в одном ауле с этим юношей и считал его почти родным.

Сакен ехал в пролетке вдвоем с Матаем по безлюдной степи и пел о радости, о девушке на берегу реки, о том, как умна эта девушка, как чиста и невинна, не говоря уже о красоте.

Матай слушал, довольно причмокивал губами, и едва Сакен смолк, он воскликнул:

— Эй, Сакен, наша дорога оказалась счастливой! Смотри, кто едет навстречу!

В сторону урочища Сары-Адыр двигалась многолюдная кочевка. Позади навьюченных верблюдов, чуть отстав, скакали, обгоняя друг друга и резвясь, девушки и джигиты. Хоть и встревожена была степь, но молодость брала свое.

Пролетку заметили издали, и сразу конные помчались к ней за новостями. Сакен узнал скачущую Жазиру в бархатном красном халате, в шапке с перьями филина. Под ней был пятилетний темно-гнедой конь. Возле самой пролетки она натянула поводья, и конь, грызя удила, затанцевал на месте. У Сакена от неожиданного появления Жазиры перехватило дыхание.

— Пусть счастливой будет ваша кочевка, — по обычаю, приветствовал девушку Сакен.

— Для нас, таких легкомысленных, мечтающих лишь напялить шапку с перьями филина и гарцующих на резвых конях, ваше пожелание более, чем уместно! — отве-

тила Жазира с горечью.— А вы не подумали, что, может быть, наше одеяние перед смертью? В Сары-Адыре собирается народ, чтобы пойти против царя. Условились, что из каждой семьи должен выступить хотя бы один джигит. А я у отца одна — и сын и дочь...— Голос Жазиры задрожал.

— Жазира, я хотел бы, чтобы ты сейчас ехала на веселый той и чтобы вместо огорчения в душе твоей была радость. Но ты сама понимаешь несбыточность такого пожелания. Я совсем не пытаюсь издеваться над твоим нарядом.

Он хотел добавить еще, что когда-нибудь она услышит и про его борьбу в рядах революции, но не успел.

— Прощайте!— сказала Жазира, и жеребец от рывка поводьев крутнулся в сторону.

Сакен проводил ее долгим взглядом и успел заметить слезы на щеках Жазиры... Сердце его заныло.

Матай тронул коня, и пролетка затряслась по дороге.

— Не грусти, Сакен, если жив будешь, еще не одну красавицу встретишь,— стараясь подбодрить товарища, сказал Матай.

Сакен долго задумчиво молчал, потом вполголоса запел:

Холод слов — и солнце не согреет,
Мрак — и лунным светом не развеять,
Если обойдешь ты все миры,—
Не найдешь красивей Жазиры.
Если есть отважные джигиты,
В сотни раз достойнее меня...
Волка не осият сто щенков.
Кляча не опередит тулпара.
Солнце не согреет холод слов,
Не развеет мрак души луна,
Дождь не смоев смуглоты загара.

— Сочиняешь?— негромко перебил Матай.— Хорошая песня.

— Это слова Абая,— сказал Сакен и вздохнул.

«Даже девчонка Жазира и та собралась сражаться на поле брани, а я должен беречь свою голову,— с горечью думал он.— Но люди, которые видели жизнь, революционеры, такие, как Лазарев и дядя Коля, говорят, что настоящее сражение впереди и что нужно ждать, пока не поднимется Россия... Да, но если к тому времени по-

гибнет мой народ, кого тогда я буду защищать? Что будет, если рассвирепевший царь, которого бьет Германия, уничтожит мой народ? Нет, этого не случится, ведь главные войска царя воюют на фронте, а здесь, в степи, только мелкие отряды солдат. Так что, если выступят совместно жители поселков и аулов, то жертв будет немного, и, наверное, Лазарев об этом знает»... — так успокаивал себя Сакен.

6

Пристав поселка Захаровка Батников был темно-рыжим злым человеком с вороватым взглядом. Народ прозвал его «змееглазым приставом». Батников встретил Сакена радушно, словно соскучился по нему. Пристав хорошо знал, что из многих родов, живущих поблизости, грамотных было только три человека. Вот одного из них он и решил приглубить, переманить на свою сторону. Этим и было вызвано его притворное радушие и приветливая улыбка.

Пообедав у пристава и отдохнув, Сакен направился вечером в дом торговца татарина Карима Муксинова. Хозяина дома не оказалось. В комнате сидела его жена, преждевременно постаревшая женщина, и худощавый подросток. Женщина тут же стала жаловаться и горевать вслух по своим сыновьям, которых недавно забрали в солдаты. Сакен обратил внимание на гармонь-двухрядку. Парнишка взял ее и начал играть заунывную тоскливую песню.

— Мой старший сын играл, — сказала хозяйка, вытирая слезы на щеках. — Где он теперь?..

Слезы матери по сыновьям, тоскливая мелодия, сознание своего бессилия — все это слилось сейчас воедино и мучительно отозвалось в сердце Сакена. Он еле удерживал слезы, крепился из последних сил и не выдержал, заплакал — и выбежал из дома...

Понадобился я царю,
Когда мне исполнилось двадцать лет.
Понадобился я царю... —

так заунывно пел подросток под исклившую гармонику.

Накануне

1

Вчерный список на тыловые работы попали поголовно все сыновья бедных казахов в возрасте от девятнадцати до тридцати одного года. Но дети волостных старшин и байской знати не были включены в список, и они хвастались тем, что сам царь позаботился об их целости и сохранности.

Сакен не попал в черный список по двум причинам: во-первых, он уже более десяти лет не жил в родном ауле и считался городским. А во-вторых, ему помог все тот же Пантелеймон. Когда волостной Какен попросил писаря прочитать список, тот выполнил просьбу и далее на вопрос волостного: «Почему нет в списке озорного сына Сейфуллы», — без тени смущения ответил: «Как же, есть, я прочел его, вы просто не расслышали!» Волостной приложил печать, и список отправили в Акмолинск.

Избежав мобилизации на тыловые работы, Сакен не сидел сложа руки. Он учил детей в школе в шестидесяти верстах от Акмолинска. Осенью 1916 года он написал письмо Акмолинскому уездному начальнику, в котором перечислял ужасающие факты насилия и бесчинств, издевательств над бедным, кочующим и перепуганным народом. В конце письма Сакен писал: «Но когда-нибудь все равно придет справедливость, и тогда злодеям не уйти от заслуженной кары». Письмо подписал псевдонимом Манап-Шамил. Он понимал, что письмо так же мало подействует на уездного, как на зубастого медведя розга.

Сакен жил в доме певца Шакиша, бедняка, весельчака и домбриста. Из Оренбурга он получал газету «Казах», из Ташкента — «Алаш», жадно от строчки до строчки читал их. Он очень любил журнал «Айкап» и когда узнал, что журнал закрывается, со вздохом произнес: «Ай-кап»¹.

¹ Ай-кап — «Эх, зря».

В начале марта 1917 года на обрывистом берегу Нуры в саманной избе певца Шакиша Сакен встретился с отцом и Уйткибеком.

Над степью колобродил лютый предвесенний ветер, и старики вошли в избу заиндеветшие с головы до пят. Раздевшись и поприветствовав друг друга, они расположились за дастарханом и завели разговор о новостях.

Сейфулла и Уйткибек были встревожены. Оказывается, их срочно вызвали в город, но по какому делу — ни тот ни другой не знали. Когда они уже выехали из аула, возле урочища Карашилик встретили Пантелеймона. Он вполголоса предупредил Сейфуллу: «Никому не говори, что вызвали в город. Скорее всего, это по старой тягбе из-за Жезмоина. Но по дороге обязательно заезжайте к Сакену, он все знает и даст добрый совет». И еще добавил: «Никого не бойтесь, скоро я сам туда приеду».

Больше всего Сакена взволновало обещание писаря приехать — значит готовится что-то серьезное. Он, скрывая волнение, выслушал обеспокоенные догадки Сейфуллы и Уйткибека, и решительно заключил:

— Ничего вам не сделают!

— Мы тоже так думаем,— обрадовался Сейфулла и ободряюще глянул на Уйткибека. Оба удовлетворенно погладили бороды. Образованного Сакена они считали мудрым и знающим все городские законы. Старики успокоились, словно после долгой дороги сытно пообедали. Распустили пояса и поудобнее расселись.

— А какие новости у вас, что делается в аулах?— спросил Сакен.

— Эх, Сакен-жан, какие могут быть новости! В аулах возле города больше всяких дел, потому что народ живет похуже, чем у нас в глубинке, подальше от уездного начальства,— ответил Сейфулла.

— Сакен-жан, растолкуй нам, что творится на белом свете, ведь многого мы не понимаем,— вступил в разговор нетерпеливый Уйткибек.— Прошлой осенью поднялся весь наш род Тока. В Сары-Адыре собралось две тысячи джигитов. Был среди них фельдшер Омар. Он вооружился секирой, надел на себя войлочный бешмет и обмотался волосяной веревкой — чтобы пуля не пробилла. Вместе с тремя сыновьями он возглавил джигитов и

двинулся на солдат Николая. Окружили они полтысячи солдат, но ничего не вышло — у солдат были винтовки. Четверо наших джигитов простились с жизнью, остальные разбежались, а всех руководителей привязали к телегам и увезли в город казнить. Среди них оказался и старый Альсен. После этого царь прислал еще пятьсот солдат, и они начали грабить и разгонять наши аулы... А вчера вечером я увидел фельдшера Омара. Он только что похоронил Альсена, который умер от побоев в тюрьме... — Голос Уйткибека задрожал.

Рассказ продолжал Сейфулла:

— Покойному Альсену пусть теперь помогает бог... — Поговорим лучше о живых, которые мучаются. — Сейфулла смолк на мгновение, и глаза его затуманились. Он представил лицо свояка, фельдшера Омара, представил, как прозрачные слезы текли по его рябому лицу и просачивались сквозь щетину бороды. Рябой старик Омар не смог разомкнуть губ, чтобы пожаловаться на судьбу, слезы душили его... Прошлой осенью в черный список для тыловых работ включили всех четырех сыновей Омара. Удрученный Омар ушел в бега и всю осень кочевал с места на место, скрываясь от царского списка. В урочище Жаланбут Омара вместе с аулом захватили солдаты, но фельдшер с семьей выкрутился и прикочевал к себе на зимовку. Долго размышляя над своей судьбой, Омар пришел к страшному решению: чем отдавать четырех сыновей в солдаты, лучше самому их похоронить. Он вспорол мышцы на руках трех старших сыновей и всыпал в рану яд. А самый младший сын, Ашим, убежал от отца в Акмолинск. Когда Омар увидел, что старшие сыновья опухли от яда и не находят себе места, он впал в смертное отчаяние, собрал молоко со всего аула и начал купать сыновей в горячем молоке. Рассказывают, что молоко от яда сразу стало черным и густым и моментально свернулось. Все же дети его немножко пришли в себя. Пока они болели, никто не приезжал из призывной комиссии — ни старшина, ни волостной, ни пристав. Но когда сыновья стали поправляться, приняли нормальный человеческий облик, тут и нагрянул старшина с большим черным списком. Однако, зная нрав бунтовщика Омара и помня о том, как отчаянно он бился с солдатами, стар-

шина не осмелился давать приказы в доме Омара, сказал только: «Тебя вызывает пристав Батников». Омар напугался одних только слов «пристав Батников», быстро натянул выстиранную и еще мокрую рубашку на голое тело и поехал со старшиной к Батникову. У пристава Омар решил действовать теперь по-иному: сразу начал всячески льстить и даже подарил ему своего коня. Отделавшись благополучно от пристава, Омар решил не обделит и старшину и подарил ему свой новый халат, сказав, что это подарок в честь новорожденного сына старшины... Короче говоря, не мытьем, так катаньем, Омар добился того, чтобы двоих старших сыновей его записали в обоз волостного управителя и освободили от тыловых работ. Но на этом не кончились его мытарства — третий сын Омара попал в список и вместе с другими был отправлен в Акмолинск. Тогда Омар поскакал за отрядом новобранцев и, не доезжая двадцати пяти верст до Акмолинска, в местности Тайтобе, заставил сына выпить на голодный желудок табачного настоя полный стакан, после чего сын шел пешком все двадцать пять верст, опух, еле добрел, но комиссия, несмотря на его состояние, признала «годным»...

От рассказа Сейфуллы у Сакена заняло сердце. «В эту суровую годину я сижу где-то в стороне от людей, не делю с ними их горькую участь,— с огорчением думал он.— Для чего я учился? Какую из надежд своих сородичей я оправдал?.. А они ведь так надеялись на своего просвещенного сына!..»

«Но ведь умные люди говорили мне, что пока не избавится народ от невежества — не добьешься равенства. Вот почему я стал учить молодежь!» — пытался Сакен оправдать себя.

Но тут же в душе его раздавался другой голос: «Нет, ты врешь, ты беглец, дезертир. Ты изменил не только народу, ты изменил себе, своим словам и помыслам и даже своим отцу с матерью. Допустим, ты не остался в стороне от революционного движения в Омске, ты отрекся от Жаметея и стал на сторону революционера Альжанова. Но ведь в «Бирлике» были одни разговоры, не так ли?.. Допустим, ты повидал и узнал многих людей, начиная от рабочего Садена и кончая золотопогон-

ником Жанузаком, знаешь, какие у того и другого строения, мечты и надежды! Но что ты сделал, чтобы облегчить тяжкую участь своего народа?..»

Но что я могу сделать голыми руками против вооруженного противника? Что толку мысленно размахивать кулаками по воздуху? Я не один раз пускался на риск, поддаваясь чувству, но ведь ты, совесть моя, каждый раз твердила: погоди — подумай! Не ты ли успокаивала меня: подожди, еще наступит день, утихнет свирепый ураган, а черные тучи над головой людей рассеются... Наступит предрассветная заря, и вот тогда придет время действовать тебе на благо своего народа. Не надо торопиться, ты еще молод и неопытен, твоя опрометчивость не принесет добра людям. А твой день наступит...»

Сакен взял домбру и ударил по струнам — ему хотелось рассеяться.

Неожиданно вошел еще один гость, школьный товарищ Сакена Бакен Серикбаев. Они долго не виделись. Сакен вскочил и горячо обнял товарища.

— Я приехал поздравить вас с хорошей новостью! — раздеваясь сказал Бакен. — Только вчера я встретил на Аксенгирском перевале Ивана Николаевича Лазарева.

Бакен умышленно помолчал, разжигая любопытство.

— Не тяни душу! — не вытерпел Сакен. — Какие новости?

— Царь слетел с трона — вот какие новости, — улыбнулся Бакен. — Что может быть лучшего? Прогнали его рабочие и взяли власть в свои руки.

Глаза Сакена заблестели, сердце часто забилось — наконец-то! Ему показалось вдруг, что он легко поднялся в заоблачную высь. Да, верно говорят: наносы не могут быть помехой в течении могучих рек! Триста лет был под гнетом Романовых трудовой люд, и вот сплотился, поднялся и сбросил семиглавого дракона с пьедестала!

Сакен взял домбру и тут же запел свою новую песню:

Джигиты, джигиты!
Героями будьте.
Неситесь вперед на крылатом коне.
Могучие руки расправьте, как крылья,
Летите, как сокол, в родной вышине.

Возьмем же домбру
И заставим смеяться.
Пусть звуки по струнам горячим бегут,
Пойдем на рассвет
И споем нашу песню,
И древние стены
Пусть нам подпоют.

Голос певца торжествующе ликовал.

С этого дня новая песня разошлась по бескрайней степи, как вестник радости.

2

Когда с лица земли было сброшено покрывало зимы, то вся земля от испарений словно вспотела. Постепенно высохли и стали покрываться глубокими трещинами лежавшие пятнами солончаки. Звонче и бодрее раздавались голоса людей.

Это была весна 1917 года, полная радостных ожиданий.

Сакен оставил школу, выехал в Акмолинск и поселился там на квартире у старухи — вдовы Мукумбае. Весь Акмолинск был взбудоражен, словно вдохнул свежую струю воздуха, проснулся от долгого непробудного сна. На улицах полно людей, на лицах у всех радость. Там и сям твердят одно: «Царь свергнут!» Настроение у всех приподнятое, то и дело слышится: «Вспорем брюхо белого верблюда»¹. Ежедневно стали устраиваться собрания, выступали все, кто пожелает. В эти великие дни язык людей наконец развязался, можно было свободно высказать затаенные мысли и пожелания.

Но твердой единой власти в городе не было. Из Омска прибыл в Акмолинск комиссар Временного правительства Петров. Однако прежний хозяин города, уездный начальник, своих полномочий ему не сдал. Глава казачьей станицы хитроумный атаман Кучковский по-прежнему был на высоте. Земский начальник эсер Чернов совместно с Елюбаем Жолаевым тоже стали носиться с утверждением своего правления. Председатель город-

¹ То есть устроим пир горой, теперь мяса будет много.

ской думы Ярулин совсем не считал себя смещенным с должности. Придурковатый торгаш Шарип Ялымов начал кричать со всех трибун о создании мусульманского бюро.

Новыми организациями в этой суматохе стали Казахский и Русский комитеты. Именно они включились в борьбу за установление революционного порядка. Однако в обстановке полной неразберихи из-за отсутствия указаний из Москвы, комитеты не знали толком, за что конкретно следует бороться, что устанавливать.

Сакен очень скоро познакомился с положением дел в городе, вник в обстановку, собрал друзей-единомышленников и при Казахском комитете создал организацию «Молодой казах». На первом собрании председателем «Молодого казаха» избрали Сакена Сейфуллина, а членами комитета Абдоллу Асылбекова, Бакена Серикбаева, Жумабая Нуркина и Биркея Айбасова. Сакен выступил на собрании с речью, в которой изложил программу своей молодежной организации.

— Товарищи, отныне мы вступили на новый путь великой борьбы, на путь трудный, тернистый и потому прежде всего мы должны быть едины. Пожелаем друг другу счастливой дороги! Пусть будут ваши дела плодотворными, слова — честными! Наш народ испытал всякого на своем многовековом пути и, прежде всего, его обманывали, обманывали и обманывали. Он слышал все, кроме правды! Вот почему мы должны быть предельно честными и правдивыми, терпеливо разъяснять свою политику. Вначале люди могут нам не поверить — привыкший сомневаться все меряет на старинный лад. Я призываю вас к тому, чтобы все мы действовали по-новому, по закону правды и справедливости, чтобы не появилось среди нас таких, кто, по обычаю предков, в силу инерции, станет заниматься пустыми тяжбами, будет писать лживые доносы и всячески подсиживать своих товарищей по работе. Все мы должны быть начеку и не давать ходу проявлениям подлости и коварства в нашей среде. Во всем мы должны добиваться истины и справедливости!

Русскую революционную молодежь возглавили в те дни Катченко, Ананченко, Монин, Павлов, Петрокеев,

Лазарев, Бочок и другие, а татарскую — Нургаин Бекмухамбетов и Бахтиозин.

Старый режим держал рот народа в узде, руки и ноги в кандалах. Теперь он рушился. А новый мир пока еще ничего не дал, кроме светлых надежд.

Весть о создании Казахского комитета быстро облетела аулы.

3

Волостной Какен остановился в доме богача Карима и решил дать обед аульной знати. Пришли Еркек-сары, Торбек и другие бан.

Однако волостной держал нос по ветру и пригласил также видных людей Акмолинска, членов Казахского комитета — Рахимжана Дюсембаева, Сакена Сейфуллина, Абдуллу Асылбекова, Бакена Серикбаева, Жумабая Нуркина и некоторых других. За дастарханом собралось человек тридцать.

— Сакен-жан, сынок мой, проходи ближе, садись рядом со мной! — вскочив с места, услужливо встретил его волостной Какен.

Городские расселись на стульях вокруг высокого стола, а аульные аксакалы, скрестив ноги, расположились на разостланных на полу одеялах.

После того как по два раза выпили кумыса из красных фарфоровых пиал, подали мясо. Разговор не вязался. Цель такого широкого приглашения была ясна не всем. Первым, как и следовало ожидать, заговорил волостной Какен:

— Я пригласил на обед Сакен-жана, чтобы он вместе со своими товарищами отведал вкусной еды у сородича и воспрял духом. Вот с такими благими намерениями я пригласил вас всех в этот дом...

Пыхтя, Какен расшнуровал ворот белой рубашки. Когда он говорил, в горле его булькало.

— Да, Какен-ага, правильно вы сделали. Сколько бы ни ссорились мы, все же Сакен-жан наш сын. Мы от него не откажемся. Да и он от нас... Как говорится:

«Привязанный конь далеко от колышка не уйдет!»— заговорил Торекбек с явным намеком.

— Родной родного нигде не выдаст, настоящий сын рода всегда будет со своими,— смелее высказался Еркек-сары, неспособный на тонкие уловки.

Сакен холодно на него глянул и ответил:

— Правильно. Настоящий сын рода всегда будет со своими, но только не с сумасбродными и глупцами.

Торекбек побагровел. Какен опустил глаза, решив, что этот неоперившийся называет глупцами именно их, всю знать. До Еркек-сары слова Сакена вообще не дошли, он, как всегда, больше прислушивался к своим словам, нежели к чужим.

— Правильно вы говорите, Еркек-сары, родной родного не выдаст. А вот русские взяли, да и погнали своего родного царя с трона!— громко сказал Рахимжан, с усмешкой окидывая взглядом сидящих вокруг товарищей.

«С молодыми, пожалуй, легче было бы поговориться,— с сожалением подумал Какен.— Зачем я пригласил этого хитрого пса, прошедшего огонь и воду!»

— Не хотел говорить, да нет мочи молчать,— заговорил Какен, опасаясь, что разговор свернет к беспредметным подковыркам.— Потому что бесчинства некоторых наших сородичей перешли все границы дозволенного.

— Дорогой Сакен, ваш отец Какен говорит истинную правду,— с печалью в голосе вставил Еркек-сары.— Если ты не утихомиришь этих негодяев, то завтра не найдешь костей своих отцов.

Сакен не ожидал, что родня так быстро и дружно поднимется против молодежной организации. Садена и Матая он знал с детства, верил им и сам привлек в организацию двух успенских друзей. И вот теперь слышит, что волостной с присными называют их разбойниками.

— Какен-ага, пора бы в вашем возрасте уже разбираться в людях и отличать белое от черного,— холодно ответил Сакен и, давая знать, что никакого сговора у волостного с комитетчиками не состоится, спокойно поднялся и вышел на улицу.

Абдулла хотел смягчить резкость Сакена, что-то начал говорить, но его перебил Жумабай:

— Хватит, Абдулла! Пойдем!

Рахимжан с усмешкой оглядел своих извечных врагов, которые вдруг присмирели перед молодежью. Такого в их жизни еще не бывало. Какен, Еркек-сары, Торебек сидели, опустив глаза, и молчали, будто набрав в рот воды.

4

Очень скоро пошли по Акмолинску разные толки о Сакене. На скотном базаре, где всегда полным-полно всякого люда, молодая татарка Бидильда-ханум говорила в толпе, играя глазами:

— Ах, какой Сакен Сейфуллин красавец, какой славный молодой джигит. Говор его, словно сахар, а глаза горят, как огонь. Очень-очень достойный казах!

Ее одернул хамовитый Шарип Ялымов:

— Ханум, ты слишком разболталась, хвалишь того, кто против своих пошел! Таких убивать мало.

— Сакен, наверное, сын достойных родителей,— подержала ханум тетушка Балсары.— Интересно, кто родители у Сакена?..

Вмешался в разговор старик, торгош Нуржан, с белой тростью в руке:

— Перестань, Балсары, болтать понапрасну! Этот Сакен — безбожник от рождения. Вчера он обидел почетных гостей своего аула — Какена и Торебека, которые старше его родителей. Обозвал их кровопийцами, сосущими кровь народа, разжиревшими паразитами! Разве ты не слышала, как в один день ушли от мужей восемнадцать молодых? И все из-за Сакена, потому что он объявил свободу для всех. Идите, говорит, к своим любимым!.. Вот так он сеет смуту, лишает семьи законных жен. Этот Сакен — жестокий, несправедливый человек, и пока он не исчезнет с лица земли, не видать казахам счастья!

Глаза старика злобно сверкнули.

Говоруны Акмолинска бушевали — один выступал за Сакена и комитет, а трое — против.

А сам Сакен в этом бурлящем море то поддержки, то негодования еще больше креп и мужал с каждым днем.

На одном из собраний организации «Молодой казах» решено было издавать свою газету. Назвали ее «Тиршилик»¹, и редактором утвердили Рахимжана Дюсембаева. Сразу же обнаружилось, что дать название и найти редактора — дело самое легкое. Труднее оказалось найти типографский станок, бумагу, деньги на издательские расходы. Приняли решение собрать с каждой семьи по пять рублей, но это были жалкие крохи, и поступали они далеко не от каждого.

Однажды, когда все сидели, ломая голову над изданием газеты, в комитет пришла Бану, невеста Абдуллы Асылбекова. Не скрывая радости, она рассказала о том, что два дня тому назад ее подруга Шарипа, молодая жена богача Карима, предложила свои услуги: «Пусть, говорит, твой Абдулла придет к моему мужу и попросит денег, примерно, в два раза больше, чем требуется. А я постараюсь помочь». Бану рассказывала об этом, как о деле решенном, была рада случаю помочь комитетчикам, но Сакен недоверчиво покачал головой — какой богач одурет до такой степени, что станет помогать своим врагам? Но Абдулла все же решил попытаться счастья.

— Если откажет, моя шуба не промокнет. А если даст?! — сказал он.

Войдя в дом Карима, Абдулла вежливо поздоровался, подробно расспросил о здоровье детей, о благополучии скотины и всего хозяйства и, улучив момент, осторожно заметил:

— Мы, молодежь Акмолинска, хотели начать доброе дело, да вот из-за денег у нас ничего не получается, аксакал, и все мы, Карим-ага, надеемся исключительно на вас!..

Далее Абдулла распространился насчет жадности других акмолинских богачей, посетовал на их недопонимание, отсталость и в конце разговора робко назвал та-

¹ Т и р ш и л и к — жизнь.

кую сумму, что Карим вздрогнул и заморгал от неожиданности.

Но тут легкой походкой вошла молодая Шарипа и ласково посмотрела на мужа.

— А, у вас расстегнулся воротник!— проворковала она и нежными пальцами стала застегивать ворот мужниной рубашки. Карим расчувствовался от прикосновения молодой жены. Если бы в это мгновение милая супруга вздумала спалить все добро Карима, то он согласился бы не моргнув глазом!

— Абдулла, почему вы не пришли со своей невестой Бану?— продолжала ворковать Шарипа.— Неужели вы стесняетесь моего мужа? Напрасно, он ведь так хорошо понимает и ценит молодость.

Кстати сказать, Шарипа до этого не очень-то жаловала вниманием старого мужа, и сейчас Карим просто растаял. Поняв, что подошла решительная минута, Абдулла тем же робким голосом повторил просьбу.

— Абдулла, но вы просите слишком много!— воскликнула Шарипа.— Вы, конечно, знаете, что ваш дядя Карим — щедрый человек и никогда не откажет, как другие скряги. Конечно же он не отпустит вас с пустыми руками и даст на первый случай половину. Он у нас добрый — никогда не оставит людей в трудную минуту.

И Карим не устоял — раскошелился.

— Хорошее дело начинаете, пусть оно будет успешным,— благословил Карим Абдулла, поглаживая седую бороду. Кажется, ему самому стало приятно от собственной щедрости, даже сутулая спина его выпрямилась.

Вот так и вышел первый номер «Тиршилика». А в любом деле, как известно, важно начать. Первыми авторами газеты были Сакен Сейфуллин, Абдулла Асылбеков, Рахимжан Дюсембаев. С первых же номеров газета «Тиршилик» смело выступила против алаш-ордынских газет, таких, как «Казах» и «Сары-Арка», выходящих в Оренбурге и Семипалатинске.

Вскоре в трех местах Казахстана — в Жамбейты, в Тургае и Семипалатинске было поднято националистическое движение «алаш».

Газета «Казах» торжественно и пышно объявила о предстоящем тургайском съезде, который намечался на

20 июня 1917 года в Оренбурге, перевозила делегатов из духовенства, баев, феодальной знати, словно в мире все по-старому и не было революции. В ответ организация «Молодой казах» послала тургайскому съезду телеграмму такого содержания: «Мы будем голосовать за федеративную республику». Телеграмму составил Биркей Айбасов, низкорослый, маленький, энергичный комитетчик. Подавая текст ее председателю, Сакену, для утверждения, он с улыбкой сказал:

— Боюсь, как бы у главаря алаш-орды от нашей телеграммы мозги не перевернулись!

Члены «Молодого казах» чувствовали себя уверенно и были полны решимости бороться за новую жизнь. Ряды их с каждым днем умножались.

5

Поздней ночью фаэтон, запряженный тройкой отборных коней, въехал на окраину Акмолинска. Кони шли быстро, колеса стучали в ночной тишине, и сразу можно было понять, что прибыл какой-то важный гость, который не намерен пробираться тайком, таиться.

Поднимая пыль, кони резво вынесли фаэтон на Петропавловскую улицу, затем круто свернули на запад и по Больничной поскакали в сторону Ишима. На углу Степной улицы стоял деревянный дом богача Карима, и здесь задержались сегодня в гостях члены «Молодого казах». Шумная езда в такой поздний час, когда весь Акмолинск мирно спал, сразу привлекла внимание джигитов и взбудоражила их — кто это мог быть? Все бросились к окну, следя за пронесшимся фаэтоном, а потом переглянулись, как бы говоря: «Не к добру такой гость!».

— Вчера получено известие, что областной комитет алаш-орды решил направить в Акмолинск своего представителя,— хмуро сказал Сакен.— Наверное, это и есть тот самый «герой».

— В таком случае, надо разузнать, где он остановится,— предложил Абдулла.

— И кому это нужно в Акмолинске?— добавили другие.

Сам Карим дремал в соседней комнате и разговора не слышал, а Шарипа была своим человеком.

В ту же ночь комитетчики узнали, что прибыл Асылбек Сарсенбаев и остановился в большом деревянном доме у бая Сыздыка. Сарсенбаев был из интеллигентов, он окончил медицинский факультет и возвращался с тургайского съезда, который только что закончился в Оренбурге. В Акмолинске он намеревался провести городской съезд — Учредительное собрание.

Не откладывая дела в долгий ящик, Сарсенбаев на другой же день зашел в канцелярию комиссара Петрова, намереваясь, прежде всего, привлечь его на свою сторону. Монархист Петров, словно бородач-козел, возглавляющий отару овец, держался самоуверенно. Он уже добился того, что и казачий атаман, и комендант Акмолинского гарнизона беспрекословно ему подчинялись.

Когда Сарсенбаев вошел в приемную, сидевший там юркий молодой человек, похожий на ищейку, сразу осадил его: «Подождите, идет совещание!» Но, оглядев приезжего с ног до головы, он суетливо поднялся, юркнул за дверь кабинета и тотчас вышел со словами:

— Пройдите, пожалуйста.

В комнате сидели двое — сам комиссар Петров и атаман Кучковский. Атаман посмотрел на пришедшего с явным пренебрежением, как бы желая сказать: «И этому несчастному киргизу захотелось власти...». Петров, чуть подавшись вперед, подал Сарсенбаеву руку, но не поднялся с места и лишь кивком указал на стул справа от себя.

Сарсенбаев представился, кто он, с какими полномочиями явился и как бы между прочим упомянул, что руководитель алаш-орды Александр Николаевич Букейханов является активным членом партии кадетов. Далее он изложил свою задачу: создать уездный комитет алаш-орды и избрать делегатов на Всеказахский съезд.

— Как говорят в народе: «Хорошим лекарем считается тот, который, если не излечит, то хотя бы не добавит к старой новую болезнь!» — не спеша говорил Сарсенбаев. — Согласно этой поговорке, и мы, если не улучшим положение, то во всяком случае постараемся не ухудшить его.

Уездный комиссар и казачий атаман насторожились. Судя по вступлению, приезжий был не таким уж простагой, каким показался с первого взгляда. Если он этаким же манером выступит против комиссара или атамана и если даже ничего не добьется, то, во всяком случае, не проиграет.

Комиссар Петров не спеша собрал бумаги и всем корпусом повернулся к Сарсенбаеву.

— Мы очень рады вашему приезду, господин Сарсенбаев. Александра Николаевича Букейханова я знаю давно... — с многозначительной улыбкой произнес Петров. — А насчет своего комитета — действуйте... У нас тут много всяких комитетов, и чьи они — мы уже понять не можем, — неопределенно продолжал Петров.

Атаман Кучковский внимательно следил за выражением лица Сарсенбаева.

— Господин комиссар, мы тоже знаем, что в Акмолинске есть Казахский комитет. Недавно, получив от него бунтарскую телеграмму, направленную тургайскому съезду в Оренбург, Александр Николаевич сильно разгневался. Так что сейчас и мы не можем понять задачи этого комитета в кавычках. Вот я и приехал сюда, чтобы выяснить все окончательно, — сказал наконец о своей главной цели Сарсенбаев и добавил: — С вашей помощью, разумеется.

Лицо Кучковского разгладилось — гость не таил в себе никакой опасности. Петров заговорил доверительнее:

— Здешние казахские комитеты с каждым днем все больше разлагаются. Среди молодых особенно отличается необузданный выскочка Сейфуллин. Он грамотнее остальных шалопаев, но не признает никакой власти. Сам больше молчит, держится как будто в стороне, зато других натравливает на нас.

— Есть у него и подручный, черный такой, с длинной шеей, — вставил атаман Кучковский, имея в виду Бакена Серикбаева. — От того тоже добра не жди.

— Господин атаман правду говорит — добра от них не жди. И если их не прижать к ногтю вовремя, не дадут нам работать, — заключил комиссар решительно.

Надо сказать, что за несколько дней до этого разго-

вора Сакен публично обозвал Петрова провокатором и от имени комитета послал в Омск телеграмму о неправильных действиях уездного комиссара. Так что, заговорив о непокорных из «Молодого казаха», Сарсенбаев, сам того не ведая, подлил масла в огонь вражды комиссара с комитетом «Молодого казаха».

— Господин Сарсенбаев, есть у нас и хорошие казахи, например, работник земства Елюбай Жолаев и мулла Мантен. Очень советую вам опираться на них,— сказал комиссар.

— За совет спасибо, господин Петров. Завтра я намерен созвать городское собрание и рассмотреть вопрос о создании комитета «алаш». Думаю, что вы мне поможете... А сегодня я хочу согласовать с вами список предлагаемых делегатов на Всеказахский съезд.— Сарсенбаев извлек из кармана сложенный вчетверо лист бумаги.

Комиссар внимательно просмотрел список, и брови его удивленно полезли вверх.

— А как сюда Сейфуллин попал? Почему не вычеркнули?

— Таких людей, господин комиссар, не следует вычеркивать. Наоборот, надо вписывать для отвода глаз, иначе наше дело осложнится. Наш Александр Николаевич Букейханов ненавидит его, но в список внес собственноручно. Это необходимый прием, ибо Сейфуллин не простой враг, голыми руками его не возьмешь. У нас ведь очень мало образованных людей, способных увлечь народ за собой... К сожалению, это так...

Петров и Кучковский опасливо переглянулись — какая неожиданная сила орудует у них под боком в лице Сейфуллина!

Наступило молчание.

Будто наспех скрепленные три подгнивших сука для подвешивания котла над костром, сидели эти трое, раскорячась на три стороны; монархист Петров, казачий атаман Кучковский и представитель алаш-орды Сарсенбаев. Какая-то невидимая рука связала их воедино! Но рано или поздно котлу суждено оборваться — ведь он на подгнившей опоре, и тогда сучья разлетятся, а котел рухнет в костер, взметая искры...

Еще они были похожи на три бараньи головы, помес-

тившихся волею судьбы на одном блюде. А вокруг плотная масса живых людей, во главе которых — Сакен Сейфуллин.

...И комиссар, и атаман, и алаш-ордынец без лишних споров пришли к единому решению: организацию «Молодой казах» разогнать, газету «Тиршилик» закрыть. И разошлись восвояси...

6

Съезд был созван в один из августовских дней 1917 года. В президиуме восседали Сарсенбаев, Петров, Кучковский, руководители земства Чернов, Жолаев и другие.

Перед съездом Сарсенбаев встретился с Сакеном Сейфуллиным, показал ему список делегатов Всеказахского съезда. Прочитав, Сакен холодно усмехнулся.

— Спасибо за внимание, но там мне не место.— И потребовал вычеркнуть его из списка.

И вот сегодня им предстояло столкнуться при всем честном народе. Зал был переполнен. На столе перед комиссаром Петровым лежала куча всяких жалоб и заявлений, анонимных и с подписями. И в большинстве из них поливали грязью Сакена Сейфуллина.

Сразу же, как только началось собрание, слышались требования разогнать организацию «Молодой казах» и призвать к порядку ее главаря Сейфуллина. Выступали известные в Акмолинске краснобаи: спекулянт Ташти, сумасброд Шарип, мулла Мантен, земский толмач Елубай Жолаев; и все лили грязь на Сакена. С трибуны они кричали о том, что газета «Тиршилик» настраивала мирных читателей враждебно друг к другу, извращала правду, создавала панику в народе, распускала небывицы и молола всякую чепуху. В редакции ее засели отъявленные безбожники! Они отвергают мечеть и додумались заявить, что пророк Магомет — такой же, как все мы, и что он даже грешник, ибо женился на своей снохе Зейнеп, взял ее третьей женой...

Одного крикуна сменял другой, и опять слышалось:

— Они жулики и мошенники! Вымогали у народа

деньги на свою газету, а когда ничего не вышло, среди бела дня ограбили почтенного бая Карима, а его законную жену Шарипу принудили вступить в свою тайную организацию.

Третий оратор дополнял факты:

— Для своей газетенки они украли бумагу на конфетной фабрике Кошугулова!..

Отпор горлопанам дали Рахимжан Дюсембаев, Бакен, Жумабай и Катченко. Выведенный из терпения равнодушием комиссара Петрова ко всем этим нападкам, Сакен в своей речи снова назвал комиссара провокатором, поющим под дудку баев и играющим на пережитках темных людей.

— Эй вы, горе-ораторы! Каким бы ни был я подлецом, но не глупо ли с вашей стороны обвинять меня в воровстве и грабежах!? Вы же отлично знаете, что этого не было! Смею вас заверить: сколько бы вы ни клеветали на меня, я никогда не отступлю от пути революции! Будущее покажет, кто из нас прав!.. Слушая вас, я вспомнил одну историю,— продолжал Сакен.— Двигались как-то по дороге два человека, причем — один пешком, а другой — на верблюде. Пеший шел по низине, а верховой пустил верблюда по возвышенности. И вот тот, что сверху, заметил вдали разбойников и кричит пешему: «Эй, друг, нагнись, нагнись, увидят!» Незадачливый верховой, видимо, не догадывался, что разбойники заметят сначала его, а потом пешего... Выступление господина Елубая насчет того, что я порчу народ, похоже на позицию того, кто сидел на верблюде.

Среди слушателей прошелестел смешок, публике понравилась находчивость Сакена.

Но удержать прежних позиций комитету не удалось. Весь состав старого казахского комитета был переизбран полностью. Вынесли также решение о роспуске организации «Молодой казах» и о закрытии газеты «Тиршилик».

Председателем вновь созданного казахского комитета стал Хусаин Кожамберлин, а членами — мулла Мантен, Ерденбаев, Шуленбаев, Косаев и другие. Все они были в недавнем прошлом толмачами, адвокатами, муллами и волостными управителями.

Члены «Молодого казах» не сдались, ушли в под-

полье. Сакен стал учителем в двухклассной казахской школе. Некоторые активисты из «Молодого казаха» уехали в Омск, чтобы продолжать борьбу там.

Сакен учил детей, писал стихи и все больше сближался с рабочими разных национальностей — русскими, казахами, татарами... Он отлично понимал, что для успешной борьбы нужен союз рабочего класса, а не разделение по национальному признаку.

Все чаще он стал захаживать на северную окраину Акмолинска, где в саманных домиках жила беднота: рабочие, джигиты, вернувшиеся весной с тыловых работ и повидавшие дальние края, солдаты с германского фронта.

Там, на окраине, Сакен познакомился и скоро сближился с Мониным, Кривогузом, Грязновым и другими товарищами, сыгравшими потом заметную роль в установлении Советской власти в уезде.

7

Наступил ноябрь 1917 года, по всей стране прогремела Октябрьская революция.

В Акмолинске шел снег крупными хлопьями, стояла безветренная тишина. Улицы, дома, деревья заволакивало белой сплошной пеленой. Наступила пора удачной охоты по первой пороше.

Но не до этого было в те дни людям городов и аулов.

Очередная тайная сходка открылась на квартире у Абдуллы Асылбекова. Председательствовал Сейфуллин, секретарем был Серикбаев. На повестке дня — роспуск Казахского комитета и создание нового Военно-революционного комитета.

Сходка была многолюдной, участвовали члены «Молодого казаха», члены Русского и Татарского комитетов, молодежь, вернувшаяся с тыловых работ и с фронтов. Пришли и солдаты гарнизона, склонные к поддержке большевиков.

Под лозунгом «Вся власть Советам» избрали совдеп, назначили сорок комиссаров.

Был избран Военно-революционный комитет: председатель — Бочок, рабочий Экибастузских копей, замести-

тели — Катченко и Серикбаев. Членом президиума и комиссаром просвещения избрали Сакена Сейфуллина.

В этот день было решено созвать съезд представителей всех сорока восьми волостей Акмолинского уезда в феврале 1918 года.

В ту ночь навечно скрылись члены городской думы, сбежал однорукий уездный начальник, а комиссар Петров притих, будто его и не было. Казахский комитет, который прозвали «игрушечным», распался сам по себе. Атаман Кучковский и монархист Сербов уехали в казачью станицу и там затаились до поры до времени.

Теперь властью в городе стал совдеп — Совет рабочих, крестьянских, солдатских и киргизских депутатов.

Вылетевшие из гнезда молодые красные соколы уверенно взмахнули крыльями, набирая высоту. Сакен был полон сил и энергии и чувствовал себя счастливым, как никогда.

По степным просторам разнесся клич великого Ленина: «Все для народа, все для светлого будущего!»

8

В мае 1918 года совдеп разместился в двухэтажном кирпичном доме, когда-то принадлежавшем купцу Петерко. На первом этаже работала организация «Молодой казах», а на втором — совдеп. Председателем совдепа был сначала избран Бочок, как рабочий Экибастуза, но вскоре назначили перевыборы. Новым председателем стал Катченко, человек деловитый, энергичный, упорный в достижении цели, заместителями избрали Бакена Серикбаева и Ивана Николаевича Лазарева — бывшего писаря Пантелеймона. Сакен Сейфуллин стал членом совдепа.

Вскоре Сакен Сейфуллин, Абдулла Асылбеков, Бакен Серикбаев, Жумабай Нуркин, Нургайын Бекмухаметов — товарищи, которые хорошо проявили себя на революционной работе, — были приняты в ряды Коммунистической партии большевиков.

Совдеп с каждым днем набирал силы. Перед домом Петерко днем и ночью стояли кони под седлом. Кто

только не появлялся в эти дни в совдепе! Чаше ходили по двое, по трое, группами. Впереди семеняли обычно верткие молодые джигиты в тымаках из шкуры ягненка, а за ними в пышных лисьих тымаках следовали седобородые аксакалы. Проворные джигиты бойко излагали жалобы стариков: чаще всего просьбу сохранить третью молодую жену, уважить народный обычай...

За ними появлялись молодухи и девушки в длинных платьях с оборками, в бархатных бешметах, в безрукавках, с затянутыми талиями, в нарядных головных уборах, украшенных перьями филина или в узорных шелковых платках. Они просили личной свободы, развода с нелюбимым мужем, словно ягнята рвались с опостылевшей привязи.

Сакену, как знатоку аульной жизни, было поручено рассматривать конфликты, связанные со старым бытом в аулах, разрешать споры за калым, разбираться в амангерстве¹.

Работы было на круглые сутки. Ночами Сакен писал стихи, с утра до обеда обучал детей, а вечерами разбирал тяжбы населения. И так каждый день.

«Достойный сын народа, он родился быть нашей опорой. Пусть живет Сакен-жан вечно и никогда не сворачивает с пути правды ни на шаг! Он рожден для избавления нас, угнетенных и обездоленных, от рабства, и пока он будет жить, не будет вылезать на свет божий ложь и несправедливость!.. Храни его бог от врагов!»— так говорили между собой бедные казахи в саманных домиках на окраинах.

«...В черный день на нашу беду родился этот баламут, возмутитель спокойствия. И пока не сгинет Сакен Сейфуллин, не видать нам мира. Подумать только, в один день он разрушил восемнадцать семей! Мир со дня своего начала не слыхивал о таком ужасе!..»— так шумели жители богатых домов.

Неспокойно становилось в городе. Каждый новый день приносил больше огорчений, чем радостей.

Однажды поздним вечером Сакен возвращался на квартиру один. Позади послышался топот коня. Сакен

¹ Обычай брать себе в жены вдову покойного сородича.

оглянулся и увидел скачущего на вороном жеребце есаула казачьей станицы Сербова. Всадник узнал Сакена, натянул поводья, и Сакен увидел, как сверкнули зубы есаула. Но это была не улыбка приветствия, а злобный оскал врага. Через минуту жеребец со всадником исчез в темноте, а в глазах Сакена долго еще стоял оскал есаула. Он как бы предупреждал: «Берегись, совдеповский комиссар, приближается наше время!..»

9

Сакен запомнил 2 июня 1918 года. В тот день ему сообщили, что Жазиру, степную красавицу, которую он так нежно и пылко любил, которой посвящал свои первые стихи, выдали замуж в ауле.

Он долго сидел в одиночестве в комнатке старой хозяйки, вдовы Мукымбая.

«Эх, Жазира, Жазира, как ты смотрела на меня в последнюю встречу на степной дороге в Сары-Адыр!.. Кажется, уже тогда ты прощалась со мной на веки вечные... А как пела ты на алтыбакане мою любимую песню «Аупильдек»...

Всюду снег.

Аупильдека молчат камыши...

Давно ли училась ты в школе?

Ты откликнись на зов моей гордой души.

И меня увези из неволи...

Но безжалостно озеро Аупильдек.

И несчастным оно не поможет вовек.

«Ты встретила меня в суровый час, когда на одну чашу весов была положена любовь к тебе, а на другую — любовь к моему народу. Ты, наверное, подумала и поняла, какая чаша перетянет...

Сейчас я вспоминаю о тебе и думаю о своей недолгой жизни. У меня было три спутника: радость, счастье и горе. Едва я ощутил жизнь, как эти трое неразлучно пошли со мною. Радость часто отворачивалась, убегала, счастье тоже оказалось робким, не вынесло трудной дороги и осталось где-то на полпути. А горе оказалось

моим самым выносливым и терпеливым спутником. Вот оно и сейчас со мной...

А выдали тебя, наверное, за богатый калым, и твой алчный отец не просчитался. Пусть!.. Но что бы с тобой ни случилось, где бы ты ни была, а в моей памяти навсегда останешься белым лебедем на озерной глади...»

Он так и не смог уснуть до рассвета. А рассвет начинался хмурый, тоскливый, с севера наплыли черные тучи, и где-то далеко сверкала молния, расчерчивая сполохами низкий край неба.

Сакен устало прошел к столу, напился чаю, нехотя стал собираться на работу, и тут прибежал маленький коренастый мальчик — один из учеников Сакена.

— В казачьей станице бунт! — запыхавшись, сообщил он. — Поднялось войско, все с саблями и винтовками. Двинулись к совдепу. Кричат: долой большевиков! Арестовать Акмолинский совдеп! И еще кричат, что совдепы уже разгромлены в Омске, в Петропавловске и в Атбасаре...

Сакен побледнел.

— Беги скорей к совдепу, разузнай, что там творится, — и скорей сюда!

Не успел мальчишка убежать, как вошла Шарипа, жена Карима, активистка «Молодого казаха». Лицо ее было взволнованно.

— Совдеп окружен. Арестованы Бочок, Монин, Лазарев, Склянкин и другие. Надо поскорее предупредить Абдуллу! Где же его Бану?..

Следом за Шарипой вбежал Рахимжан Дюсембаев.

— Сакен, надо скорее прятаться, в первую очередь будут искать тебя! Шарип Ялымов носится по улицам, вопит: «Немедля надо арестовать Сакена и Абдуллу!» Бакена уже поймали, гонят пятеро конвоиров...

Новости были одна ошеломительнее другой, но Сакен за эти короткие мгновения успел прийти в себя.

— Если арестованы все мои друзья, то почему я должен спасаться бегством? — сказал он ледяным голосом и вынул из кобуры наган.

Через минуту во двор покойного Мукумбаева с ревом и руганью ворвался казачий отряд во главе с Сербовым и Шарипом Ялымовым.

Едва Сакен переступил порог с наганом в руке, как на него набросились, скрутили руки и выволокли за волосы на улицу. В окружении орущей толпы богатых казаков из станицы и городских торгашей Шарип Ялымов погнал Сакена по улице, подгоняя его плетью. Маклер Нуржан шел следом и на всю улицу клял и обзывал Сакена, как мог это делать базарный пройдоха.

Неожиданно толпа остановилась — это на орущего Нуржана напали его жены. Совести и смелости у них оказалось больше, чем у некоторых мужчин.

— Что с вами случилось? Почему вы ругаете молодого сына казахов? — напустилась на Нуржана его молодая жена, рыжая и в белом платке.

— Народ говорит: «Когда кулан падает в колодез, лягушка забавляется его ушами». Вы похожи на лягушку! Вы думаете, вам дадут большой чин эти Сербов и сумасшедший Ялымов?! Сакена любит весь Акмолинск, вся степь. Лучше перестаньте голосить и пойдите домой!..

Шарип Ялымов все еще размахивал плетью.

— Почтенный Шарип, вы, кажется, просвещенный человек, — заметил Сакен. — Доставьте меня в тюрьму без рукоприкладства. Избивать безоружного не подобает порядочному человеку.

Сакен шел со стиснутыми зубами, с перекошенным от боли, неузнаваемым лицом. Под ударами он не издал ни звука.

«Красные соколы посажены за решетку!» — тотчас разнеслось по степи.

Но аулы знали, что народный гнев не упрячешь ни за какую решетку, не запугаешь, а если попытаешься это сделать, то пожар гнева разгорится еще сильнее.

10

Мрачная Акмолинская тюрьма за городом. По камерам час за часом ползут слухи, один зловещее другого.

«Приговорены к расстрелу все члены совдепа, и в первую очередь шестеро: Лазарев, Катченко, Сейфуллин, Абдулла Асылбеков, Бакен Серикбаев и Жумабай!..»

Первый председатель совдепа Бочок смалодушничал, написал прошение следователю, умоляя освободить его из-под стражи, ибо он не был большевиком. Здесь же Бочок перечислил ярых, по его мнению, преступников: Лазарева, Сейфуллина, Асылбекова и Серикбаева...

То и дело в камерах слышалось: «расстрел», «виселища», «ссылка». Камеры были переполнены, говорить запрещалось. Едва соберутся двое-трое в углу посоветоваться как быть,— тотчас открывался «волчок», показывались змеинные глаза и слышался отрывистый, будто лай, приказ: «Мол-чать!» Окрики надзирателей похожи на тьяканье щенка возле молчаливого льва в клетке.

В эти дни части Колчака, словно бешеные волки, напали на поселок Мартыновку (Амантай) на берегу Ишима. Героев революции расстреляли всех поголовно, а Мартыновку сожгли дотла. Карателями руководили Катанаев, Волков, Шайтанов. Позже стало известно, что добровольно к этим молодчикам примкнул толмач Шаймерден и вывез из несчастной Мартыновки два воза трофейного добра.

В тот же день в Атбасаре алаш-орда арестовала члена совдепа Адильбека Майкотова. По своему зверству алаш-ордынцы превзошли своих хозяев колчаковцев. Адильбеку связали руки за спиной и повели по улице. Арестованный услышал позади плач своих детей-малюток, обернулся и увидел, как один из конвоиров целился из винтовки в его сына. Бедный отец Адильбек, не думая о своей смерти, бросился спасать ребенка.словно разъяренный лев, он разорвал веревки, подбежал к детям, едва успел их прижать к груди, как раздались выстрелы.

На глазах у людей изверги расстреляли ни в чем не повинных детей. Сраженный пулей Адильбек Майкотов упал с мертвым сыном на руках. Падая, он поднял вверх сжатый кулак — отомстите, братья!

Долги и тягостны тюремные ночи. Сакен вспоминал прошлое... Детство в ауле. Учение в школе на Успенском руднике, Акмолинск, Омская семинария и организация «Бирлик». Думал о том, с какой верой в будущее он жил, как хотелось поскорее увидеть плоды своего труда. Вспомнил и то, как в 1916 году учителем направился в Бугулинскую волость на берегу Нуры, как ехал по степи

в Акмолинск навстречу революции... Затем «Тиршилик», «Молодой казах», комитет, митинги, совдеп...

Где сейчас отец и мать, где родные, верные друзья? Как живется с мужем степной красавице Жазире... Воспоминания проходили вереницей, словно караван кочующих аулов.

И неужели теперь все это в один миг исчезнет и погаснет навсегда, неужели одна свинцовая пуля, величиной всего-навсего с бараний катышек, убьет будущее? Тогда выходит, что жизнь игрушка и нет никакой разницы: быть живым или мертвым...

Из соседней камеры донеслась песня. Пели ее женщины, сначала тихо, вкрадчиво, а потом все громче и раздольнее. Песня была тоскливой, казалось, рвала сердце на части. Она напоминала Сакену плач верблюдицы, потерявшей своего верблюжонка.

Это пели женщины из совдепа, Кондратьева и Петрокеева. Они пели долго, слушала их вся тюрьма и холодная темная ночь. Но разве разрушишь песней каменные стены, разве смилостивятся железные решетки над тоской узников? Нет, слезы не помогут в несчастье! А если так, то не стоит и горевать. Нет на земле такого уголка, нет человека, которому без труда досталось бы счастье. Есть дешевое счастье для малодушных, слабых, трусливых, но для Сакена оно — несчастье.

11

Следствие шло полным ходом. Надзиратели все больше свирепели, требуя соблюдения режима. Передачи почти запретили. Близился день суда. Совдеповцев заковали в кандалы. Каждый строил догадки о своем будущем.

— Эй, Сакен, хватит тебе дремать! — окликнул друга Абдулла Асылбеков. — Подними свою умную голову, поговори со мной! — Абдулле хотелось услышать слово поддержки от собрата в трудную минуту. — Завтра суд, что мы будем говорить?

— Я скажу то, что думаю, скажу истину. А ты защищайся, как тебе выгодней... — безразлично ответил Сакен.

Ответ его прозвучал грубо, и его слышали сидевшие рядом на нарах Иван Николаевич Лазарев и Бакен Серикбаев.

Они с удивлением глянули на Сакена, пересели ближе к нему, в тесный кружок.

— На откровенный вопрос Абдуллы ты, Сакен, ответил не по-дружески и к тому же неверно, — сказал Лазарев. — Как по-твоему, в чем истина? — спросил он напрямик.

— Мулла Мантен, который вчера предал нас, сегодня сам попал в тюрьму и, как лиса, приставал ко мне: «Что сказать суду?» — зло заговорил Сакен. — А что я посоветую этому негодяю? А тут и Абдулла подвернулся с точно таким же вопросом, вот я и ответил машинально, не подумал. — В голосе Сакена послышались нотки раскаяния.

— Абдулла, выходит, ты сам виноват, не дождался, пока пройдет хандра у поэта Сакена, — иронически ухмыльнулся Бакен Серикбаев.

— Говорят, если привыкнешь, то и в аду можно играть с огнем, — заметил недовольный Абдулла. — Ну, а как вы, Иван Николаевич, думаете, что говорить на суде? У вас опыт побольше нашего.

Лазарев задумчиво помолчал. Вопрос Абдуллы был далеко не праздным — то, как держаться на суде и о чем говорить, являлось на сегодня программой горстки большевиков. Ведь шила в мешке не утаишь, об их поведении на суде сразу узнает вся степь.

— Для нас с вами истина в одном, а для суда и полиции — в другом, — заговорил наконец Иван Николаевич. — И цели у нас и у них совершенно разные. Для нас главное — это ликвидировать класс эксплуататоров, добиться равноправия всех наций. А у них как раз наоборот — всячески помешать этому. Но дорога к нашей цели еще не проторена, а у противника есть все для достижения своей цели — армия, оружие, тюрьмы. Вот почему мы должны вести себя гибко, прибегать к уловкам и хитростям, а не строить из себя героев, чтобы получить пулю в лоб, так ничего и не сделав. Всем нам тяжело сейчас, но главное сражение впереди! — Лазарев помолчал, затем обернулся к Сакену и голос его потеплел. —

А ты, Сакен, верно ответил мулле Мантену. Я подозреваю, что он шпик, подосланный к нам полицией.

Молодым большевикам слова Лазарева пришлось по душе, каждый спокойнее обдумывал, как вести себя на суде.

В день суда комиссар Петров получил две телеграммы — одну из Омска от имени власти Колчака, а другую из Семипалатинска — от имени алаш-орды. И в той и в другой предлагалась услуга: расстрелять заключенных большевиков Акмолинска! И не только услуга, но и требование сделать это.

Петров вызвал к себе для совета атамана Кучковско-го и руководителей земства Чернова и Жолаева.

Прочитав вслух телеграммы, комиссар Петров принял позу озадаченного руководителя, властелина, к которому обращаются с просьбами две таких высоких инстанций. Присутствующие робко молчали.

— Ну, как идет ваше следствие, господа? — сурово спросил он. — Над этими... — Петров брезгливо скривился, не желая называть заключенных большевиков.

— Следствие продолжается, — готовно ответил Елубай Жолаев, — но еще не все опрошены. Ждем свидетелей с Успенских рудников, Ерейменской волости и урочища Сары-Адыра. А материалы по их выступлениям в газетах и на митингах уже оформлены.

Жолаев вилял хвостом, как щенок перед волком, и изо всех сил старался показать, что поставил следствие на высокую ногу — у него и материалы, у него и свидетели отовсюду!

— Лазарева и Склянкина мы знаем давно, вина их ясна. А вот насчет Сейфуллина, Асылбекова, Серикбаева и Нуркина вы, господин Жолаев, должны позаботиться и оправдать наше доверие. Особо обратите внимание на главаря Сейфуллина, этот заслуживает только смертной казни...

Разговор прервал молодой вестовой, появившийся в дверях кабинета:

— Ваше превосходительство господин комиссар, только что сбежал из тюрьмы один заключенный!..

Все невольно вскочили. «Лишь бы не Сейфуллин и не Лазарев! — пронеслось в мозгу каждого. — Тогда нам конец!»

Их лихорадило часа два, пока не было установлено, что бежавший не кто иной, как мулла Мантен.

«Свой, слава богу», — облегченно перевел дыхание Петров.

Следственная комиссия назначила чрезвычайное заседание. Председатель — атаман Кучковский, члены — монархист Сербов, Елубай Жолаев и малоизвестный бородатый плечистый мужик из крестьян.

Ввели Сакена в кандалах, обросшего, со впалыми щеками, в серых грязных холщовых брюках и тужурке.

— Вы Сакен Сейфуллин? — начал допрос Кучковский.

— Да... — не сразу ответил Сакен и вспомнил слова Имамусы: «В беде человек может забыть даже имя собственного отца!»

— Как вы оказались в совдепе?

— Люди избрали.

— Чьи интересы вы хотели там защищать?

— Интересы тех, кто меня избрал.

— Какой работой руководили?

— Просвещением.

— Выступали на митингах?

Сакен вспомнил совет Лазарева насчет уловок и ответил:

— Кажется, выступал...

— О чем вы говорили?

— Не помню.

— Вы вступили в партию большевиков?

— Вступил.

— Как вы относитесь к религии?

— Лично я не набожный человек.

— Вы обзывали мечеть нецензурными словами?

— Если вы грамотный человек, то должны понимать, что неодушевленный предмет невозможно обозвать нецензурными словами.

Кучковский помолчал и кивнул головой Елубаю. Тот нахмурил брови, явно подражая комиссару Петрову, надменно глянул на Сакена и спросил:

— Что вы печатали в газете «Тиршилик»?

— Стихи...

— А зачем писали стихи?

— Так хотелось, настроение было писать.

Бородатый мужик, пряча улыбку, отвернулся. Видно, несуразным показался ему вопрос Жолаева и смешным ответ Сакена.

— Свою пьесу под названием «Путь к счастью» вы поставили на сцене первого мая. В ней восхваляли большевиков. Что вы нам скажете на это?

— Да, я написал такую пьесу. В ней показаны проделки волостных управителей, толмачей, баев и мулл в 1916 году. В этой пьесе я не вижу ничего предосудительного...

Елубай ехидно передразнил: «Ничего предосудительного!»— и опять спросил:

— Скажите, кто ругал атамана Дутова в статье за подписью Шамиль?

— Мое имя Сакен.

— В таком случае, кто же этот Шамиль?

— Не знаю.

— Вы писали отношение в Сибирский краевой совдеп, в котором всячески ругали алаш-орду?

— Не помню.

— Там ваша подпись.

— Возможно...

— От имени съезда бедноты Акмолинского уезда была отправлена телеграмма Ленину. В ней было сказано: «Мы против того, чтобы автономией воспользовалась алаш-орда!» Это ваши слова?— Елубай, решив, что поймал наконец Сакена, припер его к стенке, удовлетворенно откинулся на спинку кресла и победно глянул на Кучковского.

— Не совсем так, телеграмму составляли многие,— ответил Сакен.

— Кто же еще?

— Не помню, народу было очень много. Да и вы ведь тоже присутствовали.

Елубай побледнел, ошалело огляделся — вот так штуку выкинул подследственный! От растерянности он

забыл все приготовленные заранее вопросы, и тогда Кучковский пришел на помощь:

— Почему вы выступаете против алаш-орды?

Сакен сощурился и заговорил четко и строго:

— Алаш-ордынцы хотят после свержения царизма установить свою ханскую диктатуру и отделить казахов от русских. Они хотят либо уничтожить всех русских физически, либо изгнать их отсюда и безраздельно властвовать над своими бедняками. Я считаю, что, низложив самодержавие, русский народ дал возможность добиться равноправия и казахам. И мы не должны лишать казахский народ той могучей силы, на которую можно и нужно опираться в борьбе за равноправие богатых и бедных. Вот почему я против алаш-орды!

После убежденных слов Сакена Кучковский укоризненно глянул на Елубая, как бы говоря: «Значит, ты и меня хочешь либо уничтожить, либо прогнать?..»

Приступили к опросу свидетелей. Кто же они такие? Волостной Буралка, прибывший из Ереймена, с красными, как чирей, щеками, опоясанный серебряным поясом в дорогой одежде с меховым воротником и в лисьем тымаке. Одинаковый — хоть поставь, хоть положи, — очевидец восстания в Сары-Адыре Еркек-сары. Вкрадчивый, озирающийся по сторонам, с отвисшей губой нарядчик Шалтайбай с Успенских рудников. И все они хотят сегодня заживо похоронить заключенного Сакена Сейфуллина. События, происходившие на Ереймене и в Сары-Адыре, потеряли сейчас всякую остроту, ибо случились они давным-давно, еще при царе, и Сакен никакого в них участия не принимал. Но Кучковскому на это наплевать, главное — надергать показаний, чтобы засудить Сакена. Хитроумный Шалтайбай понимал это.

— Сакена я знаю с детства, и не только знаю, мать его приходится мне дальней родственницей. Еще когда он кончал школу в Успенке, я хотел приблизить его к себе, но он не послушался, — распинался нарядчик. — Теперь пусть пеняет на самого себя. Он не только не слушался моего доброго совета, а сам стал настраивать против меня Садена, Матая, Николая Склянкина, которого царь судил за бунт. Они хотели меня избить. А в шестнадцатом году осенью этот Сакен тайно встречался

е Николаем Склянкиным и писарем Пантелеймоном в лагуче того самого бунтаря Садена...

Кучковский настороженно вскинул голову, глянул на свидетеля. Шалтайбай суетливо смолк, потеряв уверенность — то ли он говорил?

— Продолжайте, продолжайте, только вы неправильно называете имена. Пантелеймон Дудкин — это не кто иной, как всем известный бунтарь и разбойник Иван Лазарев. Так что в дальнейших показаниях называйте его правильно — Лазарев, — посоветовал атаман Кучковский.

— Да, Лазарев, — произнес Шалтайбай, запыхавшись. Он не знал, уменьшится преступление Сакена или увеличится от упоминания Лазарева, но на всякий случай решил закончить свои показания определеннее: — Нет нам житья и не будет, пока не уничтожат Сакена!

Сакен спокойно поднялся и сказал:

— Выставляйте в свидетели взяточников и клеветников — признак бессилия!

Буралкы и Еркек-сары посмотрели на него с опаской, понимая, что Сакена так просто не засудить, голыми руками его не возьмешь! В лице его не было ни тревоги, ни страха. Оно было еще более мужественным и гордым.

5 января 1919 года объявили сборы на этап. Переполошилась четвертая камера Акмолинской тюрьмы. Спертый воздух, смешанный с людским дыханием, устремился к окнам, и на решетках повисли сосульки.

Изможденные, избитые, закованные в кандалы, исхудавшие за семь месяцев тюрьмы, заключенные, когда их вывели во двор тюрьмы, еле волочили ноги. От свежего воздуха у них закружилась голова.

Конвой пересчитал заключенных, построил по два в ряд, обыскал. Со всех сторон на кандалников были нацелены винтовки.

— Эти собаки думают, что мы выходим из камеры с пулеметами, — сказал Сакен стоявшему рядом Жумабаю Нуркину.

Начальник тюрьмы Сербов вызывал заключенных по фамилиям и передавал узенькие формуляры начальнику

конвоя, офицеру. Точно так принимают торгоши на базаре пригнанных издалека истощенных овец.

У офицера и конвоиров красовались на погонах две буквы «АА» — значит, посланы они атаманом Анненковым, успевшим за короткий срок снискать себе славу лютого карателя. А у конвоиров такие лица, такая повадка, что если дать им приказ снять с заключенного волосы, так они снимут их вместе с головой. К конвоирам добровольно примкнули для подмоги человек тридцать зажиточных казаков — рыбак рыбака видит издалека.

Вся эта орава должна гнать заключенных из Акмолинска в Омск, в резиденцию самого Колчака.

Сакен Сейфуллин, Абдулла Асылбеков, Бакен Серикбаев и Жумабай Нуркин вчетвером сели в одни сани. Пронзительный ветер дул в лицо, трещал мороз. Узкие сани, запряженные одной клячей, медленно со скрипом двигались вперед. Бакен был болен, Жумабай ослаб. Он был старше всех, поэтому Сакену и Абдулле пришлось большую часть пути идти пешком — хилая коняга еле тянула сани с двумя седоками. Окруженный со всех сторон конвоем, странный караван медленно двигался в сторону Кок-Бея — Голубых холмов. Поселки и аулы выходили провожать многострадальных кандалников. Женщины, старики, дети, угрюмые и беспомощные джигиты молча, со слезами на лицах провожали заключенных.

И вот на одном из перегонов впереди многолюдной толпы заключенные увидели отца Сакена — Сейфуллу и отца Абдуллы — Мусапира. Распустив завязки тымаков, откинув назад наушники, они ждали приближения каравана. На лицах отцов не было слез, они смотрели на сыновей немигающими глазами и старались как могли бодриться. Нет, не для такой доли растили Сейфулла и Мусапир своих соколов, и все-таки вместе с горем они хранили гордость за сыновей — неспособных, никчемных не поведут под таким многочисленным конвоем.

Сакен и Абдулла, увидев отцов, подняли головы. Конвой, словно чувствуя опасность, забряцал оружием, стал подгонять криком.

— Прощай, мой жеребенок!.. — послышался голос Сейфуллы.

Когда поравнялись, Сакен успел сказать отцу:

— Не плачьте о нас, еще встретимся! Передайте поклон маме, пусть будет крепкой и не печалится...

— Молчать! — закричал ближний конвойный и замахнулся плетью.

«Сталь закаляется огнем, а герой испытанием!» — вспомнил Сакен, стараясь шагать бодро, выпрямившись, чтобы отец его и люди вокруг поняли, что такие, как Сакен, не погибают, такие еще вернутся!.. «Не отчаивайтесь, люди, не утрачивайте надежды!» — хотелось сказать ему всем своим обликом.

В сумерках остановились на ночлег в станице Матен (Макинка). Заключенных заперли в каменном сарае.

...На рассвете Сакен увидел в дверях не колчаковца, не анненковца, а какого-то казаха. Приглядевшись к нему, он удивился и ужаснулся — в дверях, охраняя горстку большевиков, гонимых на расправу, стоял его родственник по линии матери Шалтайбай!..

Спокойно вынув из-за голенища роговую шакшу¹ с насыбаем, он заложил щепотку за губу, с наслаждением сплюнул и обернулся на пристальный взгляд Сакена. Взгляд его будто пронзил пикой сердце Сакена. Сомнений не оставалось — это он, родственник. За всю свою жизнь Сакен еще не испытывал ничего более позорного, более ужасного. Нарядчик Шалтайбай, сосавший кровь рабочих Успенки, клеветавший на следствии лжесвидетель, показался сейчас Сакену ангелом по сравнению с этим Шалтайбаем. «Коварный трус, подлый предатель...» — у Сакена не было слов, чтобы назвать по заслугам этого негодяя. Он молча, с отвращением отвернулся.

«Из-за животного страха продать себя в рабство, изменить народу — это в тысячу раз хуже, чем явиться врагом, выступить на поле боя».

Жалкий в своем превосходстве Шалтайбай почувствовал себя уязвленным от презрительного молчания законанного в кандалы родственника.

¹ Шакша — сосуд для хранения насыбая, нечто в роде табакерки.

— Твоя Жазира теперь сноха в нашем ауле,— сказал Шалтайбай, стараясь растянуть губы в ехидной ухмылке.— Привет тебе передает.

— Жазира!— невольно вырвалось у Сакена.— Жазира...

— Да, Жазира, та самая, в которую ты влюбился по уши, качался с ней на алтыбакане,— продолжал часовой.

Сакен его не слышал... Да, это она, та самая Жазира, с которой они пели песни на качелях, которой он посвящал свои стихи, которую видел на коне в шестнадцатом году, когда она ехала в Сары-Адыр, чтобы принять участие в восстании... Жазира, единственная дочь Мендыбая...

— Чего пригорюнился?— зло продолжал родственник.— Это я ее украл и увез старому жениху!..

Сакен вскочил. Абдулла еле успел схватить его, повис на плечах, стараясь удержать.

— Ты с ума сошел?!

Услышав шум, в сарай ворвался офицер, багрово-красный, возбужденный, видимо, только что успел опохмелиться.

— Что тут у вас за разговоры, Шалтай Болтаев?— напал он на часового.

Шалтайбай испуганно вытянулся.

— Почтенный господин, он родственник нашего Сейфуллина,— как бы невзначай обронил Абдулла.

— Что-о?!— проревел офицер.— Родственник? Ах ты собачий сын, побег хочешь устроить?! Вон отсюда. Сдать оружие вахмистру!

Заключенные молчали. Шалтайбая будто ветром сдуло.

Когда офицер ушел, закрылась дверь, Бакен проговорил:

— Правильно сделал Абдулла... Можно отомстить подлецу не гневом, а хитростью.

Лазарев, Склянкин, Серикбаев и Нуркин, молча наблюдавшие эту сцену, поняли теперь, почему и чем так привлек Сакена, всегда подтянутого, статного, красивого, этот неуклюжий левша, с грубыми руками и корявым лицом, Абдулла — именно своей находчивостью, спокой-

ствием, умелой хитростью, чего не хватало подчас самому Сакену.

Сакен знал, что впереди еще будут мытарства, допросы и пытки, знал, что не скоро сойдут кровавые мозоли от кандалов, не скоро стихнет в ушах их печальный звон, но, зная все это, он твердо верил, что будет жить. И укрепляли его веру, с одной стороны, встречи на дорогах, молчаливый гнев в глазах простых людей, их скрытая до поры до времени справедливая сила отмщения, а с другой стороны — истерическая ярость конвойных, собачьим нюхом чувствующих близкий крах своей изуверской власти.

Вера его росла и крепла, несмотря на тяготы этапа. Он знал, что есть теперь организованный, вооруженный народ, что есть у него достойный руководитель — партия, а у партии — Ленин!..

Он знал, что будет установлена Советская власть, знал, что сам он будет принимать в ней активное участие, верил, что напишет большую правдивую книгу обо всем пережитом и назовет ее «Тернистый путь».

И снова идут закованные узники по зимней дороге, по родной, благодатной степи, где некогда они играли детьми, росли, где родились и крепили их надежды, надежды, которым суждено было сбыться...

Содержание

Разделение	5
Размышления	10
Искания	48
Восхождение	118
Накануне	132

Талжанов Сайдиль.

СТЕПНОЙ СОКОЛ. Повесть.
Авториз. пер. с казах. **И. Щеголихина,**
Алма-Ата, «Жазушы», 1966.
168 с.

Редактор *Е. Еланчик*
Художник *А. Долгополов*
Технический редактор *П. Вальчук*
Корректор *М. Кац*

Сдано в набор 23/VI 1966 г. Изд. № 206.
Подписано к печати 19/XI 1966 г. Бумага
типографская 2, $84 \times 108^{1/32} = 5,25$ п. л.—
8,84 усл.-п. л. (Уч.-издат. 8,79 л.)
Тираж 86 000 экз. Цена 40 коп.

Зак. № 269, типография № 2 Главполи-
графпрома Государственного комитета Со-
вета Министров Казахской ССР по печати,
г. Алма-Ата, Карла Маркса, 63.

2m 90m

40 к.

2

ЖАЗУШЫ